

Б.М.Алимова

К А Ў Т А З И

XIX - НАЧАЛО XX В.

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ДАГЕСТАНСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
ОРДЕНА «ЗНАК ПОЧЕТА» ИНСТИТУТ
ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

Б. М. Алимова

КАЙТАГИ
XIX—начало XX в.
ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ
ИССЛЕДОВАНИЕ

Издательство «Юпитер»

Махачкала 1998

Б. М. Алимова

Кайтаги XIX — начало XX вв. Историко-этнографическое исследование. — Махачкала, 1998. — 232 с. + иллюстрации.

Ответственный редактор
доктор исторических наук, профессор
Г. Ш. КАЙМАРАЗОВ

Книга издается на средства администрации
Кайтагского района.

ISBN 5--7895--0043--9

© Алимова Б. М. 1998
Издательство «Юпитер» 1998

ВВЕДЕНИЕ

Особый интерес к отдельным народам и этническим группам, проявляемый этнографами и историками — факт очевидный, не требующий особых рассуждений. Интерес этот в последние 10—15 лет заметно повысился в связи с новым, небывалым ростом национального самосознания, пристальным вниманием ко всему, что носит на себе отпечаток национально-культурного, особенного, этноспецифического.

Для представителей современного урбанизированного общества стало духовной потребностью узнать побольше о своем народе. Этому способствовало и дальнейшее накопление обширной научной информации об отдельных народах.

Безусловно, есть все основания полагать, что интенсивность изучения истории и этнографии больших и малочисленных народов, этнических и этнографических групп в дальнейшем еще более возрастет, и это, несомненно, следует рассматривать как положительное явление.

Что касается задач, поставленных в данной монографии, то они нацелены на выяснение этнически особенного и общего, закономерного и специфического в истории и этнографии кайтагов.

Кайтаги — этническая группа даргинцев. Под названием Хайдахъ (у арабских географов и историков Хайзан, Хамзан, Хамзин)¹ издавна известна территория нынешнего Кайтагского района.

Кайтаги — самоназвание «хайдаканти» (ед. ч. «хайдакян»), некоторые — «хайдакъланти»), начиная с переписи населения 1939 г. записаны как даргинцы.

Соседи и сегодня продолжают называть их кайтагами: кумыки «хайдакълар», даргинцы «хайдаканти», цудахарцы «хайдакъланте» (ед. ч. «хайдакълан»). Табасаранцы называют их «жьюгьяр» (этимология неизвестна).

Интересно отметить, что кумыки сел. Маджалис жителей се-

лений, расположенных ниже себя (сс. Баршамай, Карацан, Карталай, Джавгат и т. д.) называли хайдахълар, а местность Хайдахъ Жителей Верхнего Кайтага называли каттаганцы, ирчамульцы и т. д.

Соседи кайтагов — кумыки (на севере), даргинцы (на западе), терекеменцы (на юге), табасаранцы (на юго-западе).

Часть кайтагов* в 1944 г. была переселена в Чечню. Часть их (жители с. Тама) также переместилась со своих мест на равнину, в том числе на территорию Дербентского р-на (пос. Геджух). В районном центре Кайтагского района сел. Маджалис образовался отдельный квартал из переселенцев абдашкинцев. Образовались новые поселения на плоскости — новая Барша и поселок Родниковый. Из материалов М. Магомедханова также известно, что небольшое число кайтагских семей (до 20-ти) переселилось в Турцию, потомки которых, кстати сказать, сохранили самоназвание «хайдахъ».

Основная масса современных кайтагов расселена компактно в 37 селениях: Джавгат, Рукка, Джибахни, Машатды, Хадаги, Кулегу, Карацан, Карталай, Джинаби, Баршамай, Газия, Санчи, Ахмедкент, Маджалис, Кирки, Кирцик, Варсит, Турага, Шурагат, Пиляки, Бажлук, Шиланша, Адага, Сурхавкент, Шиляги, Хунгия, Дуреги, Джигия, Кулиджа, Мижигли, Лища, Джирабачи, Дакни-са, Сургия, Гульди. Селения Ицари и Шаръи (находятся на территории Дахадаевского района) также населены кайтагами.

Часть кайтагов проживает в городах республики, главным образом в Махачкале, Избербаше, Дербенте. Небольшая часть кайтагов живет в городах России и СНГ.

В Кайтагском р-не проживают, кроме кайтагов, также собственно даргинцы, кумыки и горские евреи.

Территория Кайтага располагается в юго-восточной части предгорного Дагестана. Рельеф этой зоны отличается преобладанием сравнительно мягких и пологих склонов, широких долин, что в связи с наличием плодородных почв содействовало развитию здесь земледелия и сравнительно густой заселенности.

Издавна через территорию Кайтага связывались кубачинцы, даргинцы нынешнего Дахадаевского района с Дербентом, Северным Кавказом, Закавказьем и Ближним Востоком, другими культурными центрами и регионами.

Климат Кайтага в целом умеренно теплый, сухой, в Верхнем Кайтаге умеренно холодный и достаточно влажный. Летом в Нижнем Кайтаге температура превышает 25°, а в Верхнем Кайтаге наблюдается резкое колебание суточных температур. Случаются

сильные морозы (температуры здесь понижаются в среднем на 0,6°С с повышением местности на каждые 100 м.). В теплые зимы такие же климатические условия, как на южном берегу Крыма и на Черноморском побережье Кавказа.

Количество осадков больше с повышением местности над уровнем моря. Здесь выделяются два пояса по влажности климата: менее влажный нижнепредгорный и более влажный верхнепредгорный.

На высоте 300—400 м. количество осадков возрастает до 500—600 мм., достигая максимума 800 мм на высоте 800—1000 м. Выше количество осадков не увеличивается, а постепенно снижается.

Климат Кайтага весьма благоприятен для возделывания сельскохозяйственных культур, садоводства, виноградарства. В целом климат на юго-востоке отличается большей сухостью.

Благодаря созданию широкой сети оросительных каналов, берущих начало от Уллу-Чай—Хула эркі (река с весенним половодьем, происходящим от таяния снегов, накапливающихся за зиму на горных склонах), многие хозяйства получили возможность орошать богарные земли. Это позволило значительную часть земель использовать под зерновые, огородные, бахчевые культуры и виноградарства.

Почвы в основном светло-каштановые, каштановые и темно-каштановые. В высокогорных селениях Верхнего Кайтага преобладают горные темно-каштановые и горные коричневые почвы сухих лесов. Распространены луговые почвы со светло и темно-каштановыми почвами в долинах рек и по долинам размыва.

Богат и разнообразен растительный покров Кайтага. Кайтаг славится замечательными лесами. Здесь имеются почти все типы растительности. Вследствие сухого климата нижнепредгорная полоса Кайтага отличается большим развитием растительности степного типа. Склоны предгорий покрыты зарослями кустарников и полукустарников, наблюдаются участки лианового леса.

В Верхнем Кайтаге в связи с увеличением количества осадков и понижением температуры растительность становится более мощной и пышной. Леса в основном буково-грабовые.

Повсеместно распространены дикорастущие плодовые деревья и кустарники, имеющие большое хозяйственное значение. Встречаются в большом количестве дуб грузинский и дуб пушистый, клен остролистный, рябина кавказская, вяз эллиптический, черемуха, черешня дикая, смородина, дикая айва, дикий виноград, лещина, грецкий орех, алыча, кизил, мушмула, терен, облепиха, шишки, изредка малина. Из травянистых растений встречаются кисличка, ясенник-душистый, аконит восточный, волжанка, недотрога, под-

* Селения Абдашка, Гульди, Шурагат, Мерсия (Мерсеги), Урша (Уршигыя).
Сумина и др.

лесник. Распространены заросли рододендрона желтого, барбарис и др.

Животный мир Кайтага также богат. Благодаря широко распространенным здесь лесам, часто встречаются типичные лесные животные. Из хищников — дикий лесной кот, куница-белодушка, волк, шакалы, рысь, и даже бурый медведь. Здесь же водятся дикие кабаны, косули; из птиц — куропатки, черноголовая сойка, дятлы, поползны, снегирь, дикие голуби и многие другие.

В суровые зимы в предгорья спускаются отдельные высокогорные животные, даже туры.

В нижнем предгорье встречаются пресмыкающиеся и земноводные — ящерицы, ужи.

Из насекомоядных млекопитающих в Нижнем Кайтаге распространены ежи. Из грызунов суслики, зайцы, хомяки и мыши, тушканчики, сони и др.

Из хищных птиц встречаются орлы, коршун, ястреб, сокол-сапсан, филин, сова и др.

Здесь из птиц обитают еще степная дрофа, журавль-красавка, перепел, серая куропатка, кулик авдотка, сизоворонка, жаворонки, шурок, удот, кавказский и розовый скворцы. Встречаются в пойменных лесах кавказский фазан, тетерева, рябчики. Из певчих птиц распространены соловьи, жаворонки, пеночки, синица и др.²

Из полезных ископаемых крупные запасы горючих сланцев выявлены в сел. Шилаги.

Как видим, по своим природно-климатическим свойствам Кайтаг является одним из благодатных уголков Дагестана, где имеются благоприятные условия для развития земледелия, садоводства, виноградарства и животноводства.

При написании данной работы нами использованы самые разнообразные материалы. Будучи этнографом по специальности, а потому положив в основу исследования результаты своих этнографических исследований в Кайтагском районе, автор сочла необходимым прибегнуть и к помощи широкого круга опубликованных и архивных письменных источников. Углубленное изучение далекого прошлого кайтагов потребовало привлечение исторических и географических сочинений средневековых арабских авторов, местных исторические хроники и т. д.

Наиболее ранние письменные известия о Кайтаге, о его правителях, внутреннем устройстве мы встречаем в арабских источниках. Из арабских авторов наибольшую ценность для нас представляют ал-Баладзори, Ибн-Русте, ал-Йакуби, Ибн ал-Факих ал-Хамадани, ал-Масуди, Йакут.

Особо следует выделить ал-Баладзори. В своем сочинении «Книга завоевания стран» ал-Баладзори (IX в.) в числе ряда политических образований Дагестана (Серир, Табасаран, ал-Лакз,

Филан, Зирихгеран, Гумик) называет и Хамзин³ в связи с военно-политическими мероприятиями VI — VII вв. (арабские завоевания в Дагестане). Это наиболее ранние сведения о Кайтаге.

Наряду с ал-Баладзори интересный материал по политической истории средневекового Дагестана приводит историк и географ ал-Йакуби. В своем труде «Тарих» («История») о Кайтаге, в частности, он пишет, что правитель Армении Ал-Бармак «совершил нападение на крепость Хамзин».⁴ «Полководец Мерван при своем втором походе на Дагестан проходит из Зирихгерана в Табасаран через территорию Хамзина».⁵ Значительное место в «Истории» отведено насаждению ислама в Кайтаге.

Заслуживают внимания и сведения о Кайтаге арабского автора Ибн-Русте, относящиеся к периоду после арабских завоеваний (IX—X вв.). У этого автора можно почерпнуть материал о религиозных представлениях народа, в частности, о поклонении бесплодному дереву. Он же говорит о «царе» Хайзана Адзарнарсе, испорядывавшем три религии (христианство, иудейство и мусульманство). Ибн Русте отмечал, что «царь» Хайзана пятницу праздновал с мусульманами, субботу — с евреями и воскресенье с христианами.⁶

К этому же времени (нач. X в.) относятся и сведения о Кайтаге Ибн ал-Факиха ал-Хамадани. В своей «Книге о странах» он упоминает Хайзан и Джанзан.⁷

Сведения о Хайзана, Шензана мы находим и в сочинении знаменитого энциклопедиста Йакута (ум. 1229).⁸

Сравнение различных источников позволяет исследователям отождествлять Кайтаг с Хамзином. Этот термин часто упоминается при описании арабских войн в Дагестане. Мы уже выше заметили, что «ал-Баладзори и ал-Йакуби нигде не упоминают о Кайтаге, или Хайдаке и неоднократно пишут о Хамзине.. Несомненно, здесь речь идет о современном Кайтаге, расположенном между Табасараном и Кубачами. Другое сообщение ал-Баладзори также подтверждает это положение: арабский полководец Джаррах переправляется через Самур, разбивает хазар, сражается с жителями Хамзина, а затем идет на Гумик (Баладзори, Футух. 213, Баладзори (Жузе), стр. 16), т. е. Кумух. С другой стороны, авторы, писавшие о Хайдаке, нигде не упоминают Хамзин. Это взаимное исключение также говорит в пользу возможности отождествления Хайдака и Хамзина. Мы видим также, что под Хамзином подразумевалась сильно укрепленная крепость, население которой неоднократно и успешно отбивало нападение арабских завоевателей. Название этой крепости иногда переносилось и на всю территорию Кайтага».⁹

Таким образом, труды арабских авторов, значительная часть

которых относятся к IX—X вв., занимают одно из первых мест по количеству сведений.

По мнению М.-З. О. Османова, «особенность арабских источников — их лаконичность. Иногда они носят династический характер, иногда это краткие реестры стран или народов исторического и географического характера».¹⁰

Тем не менее, совершенно очевидна ценность арабских источников. Зачастую, это единственные письменные данные о походах арабов в Дагестан. Кроме того, их сведения о Дагестане оказались «наиболее достоверными из всех авторов внедагестанского происхождения». В частности, в этих трудах «Вопросы исторической географии изложены, например, с таким знанием местности, которым не могли похвалиться иные авторы в XIX в.»¹¹

Вместе с тем, как отмечал академик И. Ю. Крачковский, недостатком арабских авторов является стремление к общим, всеобъемлющим описаниям вместо более детальной и углубленной характеристики тех частей, которые были знакомы им по непосредственным наблюдениям.¹²

В сочинениях, освещающих события, связанные с походами Тимура, также имеются прямые упоминания о стране Кайтаг и его людях «другой веры».¹³ Во время войн Тимура Кайтаг был подвергнут разорению и «из тысячи не спасся ни один; всех ограбили и деревни их сожгли.»¹⁴ Таким образом, Кайтаг сильно пострадал от нашествия Тимура. В источниках XV века Кайтаг вновь фигурирует как большая страна.¹⁵

О кайтагах, которых видел он в 1647 г. по пути из города Шеки в Шемаху, пишет и турецкий путешественник XVII века Э. Челеби.¹⁶

Оригинальные сведения о Кайтаге и кайтагах содержатся в источниках местного происхождения («История Ширвана и Дербенда», «Дербенд наме», «Асари — Дагестан», «Гюлистан—Ирам», «Тарихи Дагестан».)

Наиболее ранний из них «История Ширвана и Дербенда»¹⁷ (1106 г.). Этот источник дает нам возможность проследить эволюцию политики Хайдака.

В «Дербенд-наме» освещаются события, связанные с арабскими завоеваниями в VI—VIII вв. В частности, в этом сочинении имеются сведения о нашествии на Кайтаг арабов во главе с Джаррахом.

После «разорения Кайтага, — говорится в «Дербенд-наме», — Джаррах возвратился с добычей в 12 тысяч голов крупного рогатого скота и овец, захватил две тысячи туманов золотом и серебром и привел 700 пленных каракайтагцев.

Другой арабский завоеватель — Мерван при вторичном вторжении разгромил и разрушил Кайтаг до основания, убил Кайтаг-

ского правителя Газанфара, обложил жителей Кайтага тяжелой данью и назначил для управления страной своего правителя».¹⁸

В этой связи интересно привести такой факт из «Тарихи Дагестан». В частности, здесь говорится, что при столкновении арабов с сопротивлявшимся им хайдаками, султан последних назван по-арабски «Газанфар ал-Гаррар». В этом же труде содержится сведения об отношениях между правителями Гумика и Хайдака, Хайдака и Серира.

Не меньшую ценность представляют местные источники из коллекции Кайтагских уцмиев, обнаруженные в 1830 г. академиком А. П. Берже. Впоследствии он их опубликовал во II-ом томе «Актов Кавказской археографической комиссии». Особый интерес представляет Родословие Рустема Уцмия-хана, «переписанное со старой рукописи 1030» (1620).²⁰

В этом источнике перечисляется генеалогия уцмиев. Имена некоторых из предков уцмиев связаны с борьбой за распространение ислама в Кайтаге.²¹

В целом, хотя работ конкретно о Кайтаге мало, но отдельные зарисовки в разного рода заметках, статьях встречаются довольно часто.

Из источников XVIII—XIX веков следует выделить труд И. Г. Гербера.²² «Ценность его в том, — пишет М. О. Османов, — что автор довольно четко указывает границы провинций и уездов, дает как бы сжатый этнографический очерк каждого народа или племени, указывает крупнейшие селения и крепости».²³

Весьма оригинальные и заслуживающие внимания сведения об истории Кайтага, кайтагах можно найти и в трудах А. А. Неве-ровского, П. С. Петухова, Н. Ф. Дубровина, Е. И. Козубского²⁴ и др.

Значительный вклад в изучение разных сторон истории и этнографии Кайтага внесли советские историки и этнографы — Р. М. Магомедов²⁵, С. Ш. Галжиева²⁶, Х. О. Хашаев²⁷, А. Р. Шихсаидов²⁸, М. О. Османов²⁹, Г. Ш. Каймаразов³⁰ и др. В их трудах нашли освещение такие важные вопросы, как общественно-экономический и политический строй кайтагов, классовая борьба, историческая география, процесс проникновения ислама, хозяйственно-экономическая деятельность, культурно-бытовые традиции и мировоззренческие взгляды кайтагов. Ценным для нас материалом послужили труды В. Г. Гаджиева³¹. Интересные сведения по нашей теме мы находим и в трудах А. Г. Булатовой³², Г. А. Гаджиева³³, А. О. Булатова³⁴ и в публикациях Б. М. Салихова³⁵, М.-С. К. Умарханова³⁶, Б. Г. Алиева³⁷. Конечно, много интересных и ценных для нас сведений имеются в недавно вышедшем труде Махмуда из Хиналуга³⁸.

Кроме того, материалы по кайтагам как описательного, так и

исследовательского характера, содержатся в коллективных трудах дагестанских ученых³⁹, в сборнике «Памятники обычного права Дагестана»⁴⁰. Некоторые рукописные материалы по интересующей нас теме хранятся в рукописном фонде ИИАЭ Дагестанского научного центра РАН.⁴¹

Большую фактологическую ценность для изучения истории и этнографии Кайтага представляют адаты (Адаты южно-дагестанских обществ. Кайтаго-Табасаранский округ, ССКГ. Вып. VIII, 1875; Адаты Дагестанской области и Закатальского округа. Тифлис, 1899; Сборник адатов Кайтага и Табасарана. Адаты Кайтага. Из истории права народов Дагестана. Махачкала, 1968; Постановления Кайтагского уцмийа Рустем-хана и Уцмиевские адаты (в Кайтаге). Эти адаты дают в руки исследователя богатый материал для глубокого изучения изменений в социально-экономической жизни кайтагов. Кроме того, в них столько оригинальных юридических норм и институтов, которые возникли в разные исторические периоды, что позволяют проследить эволюцию права.⁴² Что касается кодекса Рустем-хана, то он дает возможность «проследить все своеобразие сложившихся к этому времени у кайтагов общественных отношений. Кодекс этот вполне отчетливо различает класс феодалов в лице беков, соответствующую этому классу крепостную массу раятов и в то же самое время существование джамаата со свободным узденем».⁴³

Некоторые сведения о Кайтаге содержатся также в «Актах, собранных Кавказской археографической комиссией» (АКАК), в «Сборниках сведений о Кавказских горцах» (ССКГ), в «Сборниках материалов для описания местностей и племен Кавказа» («СМОМПК»), в «Кавказских сборниках», в «Кавказских календарях», в «Обзорах Дагестанской области» и в журнале «Этнографическое обозрение». Следует отметить и капитальный труд «Закон и обычай на Кавказе» М. М. Ковалевского (Т. II. СПб., 1890), который одним из первых из ученых попытался исследовать социальный строй дагестанских народов.

Для написания настоящей работы нами также использованы материалы центральных и местных архивов: ЦГВИА СССР, ЦГА РД.

Что же касается археологических свидетельств о Кайтаге, то пристального внимания заслуживают «Кабаз-Кутанский могильник, отнесенный А. П. Кругловым к каякентско-хорочоевской культуре и палеолитический памятник в местности Чумус-Иниц».⁴⁴

Настоящий обзор показывает, что при всей важности всех этих источников, они не в состоянии очертить те конкретные задачи, которые мы поставили перед собой. В историко-этнографическом плане кайтаги не изучены вовсе. Впрочем, и автор не может с уве-

ренностью сказать, что все вопросы рассматриваемой многоплановой темы удалось осветить с одинаковой полнотой.

Основной источниковой базой при написании монографии явился полевой этнографический материал, собранный автором в кайтагских селах.

Пользуясь случаем, автор выражает признательность всем информаторам и переводчикам, которые оказали большую помощь в сборе полевого материала. Выражаю свою глубокую благодарность за помощь, оказанную в свое время такими знатоками традиций и быта кайтагов, как Салихбек и Абдулвагаб Казиевы (сел. Антиль), Аминат Казиева (сел. Пиляки), Шапи Гапизов (сел. Джирабачи), Гебек Магомедов (сел. Кирцик), Разият Ахмедова (сел. Бажлук), Тавка Тавкаев (сел. Кулиджа), Магомед-Али Муртузалиев (сел. Абдашка), Багаудин Салихов (сел. Карацан), Сапийханум Темирбулатова (с. Санчи).

Особо хочется отметить неоценимую помощь, оказанную ответственным редактором данной монографии доктором исторических наук, профессором Г. Ш. Каймаразовым.

Автор глубоко признателен докторам исторических наук, профессорам С. Ш. Гаджиевой, М.-З. О. Османову, А. Р. Шихсаидову за ценные советы и пожелания автору в процессе работы над монографией.

Что касается фотоиллюстративного материала, то его нам любезно предоставили из своих архивов профессора С. Ш. Гаджиева, А. Р. Шихсаидов, доктор исторических наук М.-З. О. Османов и корреспондент газеты «Дагестанская Правда» С. Шило, за что мы приносим им глубокую благодарность.

И, наконец, мы выражаем искреннюю признательность главе администрации Кайтагского района Гасанову Магомеду Магадалиевичу, благодаря заботе которого стал возможным выход в свет данной монографии.

- ¹ История Дагестана в 4-х т. Т. I. М., 1967. С. 124.
- ² Викторов А. Ф., Гиммельрейх В. А., Львов П. Л., Микулич И. Н., Эльдаров М. М. Дагестанская АССР (физико-географический и экономико-географический обзор). Махачкала, 1958.
- ³ Баладзори. Книга завоевания стран. Баку, 1927. С. 7.
- ⁴ Якуби. История. Текст и перевод проф. П. К. Жузе. Баку, 1927. С. 10.
- ⁵ Баладзори. Указ. Соч. С. 18—19.
- ⁶ Караулов Н. А. Сведения арабских географов IX и X вв. по Р. Х. о Кавказе, Армении и Азербайджане //СМОМПК. Вып. XXXVIII. Тифлис, 1908; Ибн Русте. Книга драгоценных камней//СМОМПК. Вып. XXXVII. Тифлис, 1903. С. 52.
- ⁷ Ибн ал-Факих. Книга о странах//СМОМПК. Вып. XXXI. Тифлис, 1902. С. 29.
- ⁸ См.: Якут. Географический словарь//СМОМПК. Вып. XXIX. Тифлис, 1901. С. 13, 15.
- ⁹ Шихсаидов А. Р. Ислам в средневековом Дагестане (VII—XV вв.). Махачкала, 1969. С. 36.
- ¹⁰ Османов М. О. Поселения//Гаджиева С. Ш., Османов М. О., Пашаева А. Г. Материальная культура даргинцев. Махачкала, 1967. С. 69.
- ¹¹ Шихсаидов А. Р. Ислам в средневековом Дагестане (VII—XV вв.), С. 16.
- ¹² Крачковский И. Ю. Избр. соч. Т. IV. М.-Л., 1957. С. 22—23.
- ¹³ Магомедов Р. М. Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII—начале XIX в. Махачкала, 1957. С. 203.
- ¹⁴ Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 2. М.-Л., 1941. С. 175.
- ¹⁵ Путешествие в Тану и Барбаро, венецианского дворянина. Библиотека иностранных писателей о России. Отделение первое. Т. 1. 1836. С. 45.
- ¹⁶ Эвлия Челеби. Книга путешествия. Вып. 2. М., 1979.
- ¹⁷ Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербенда. М., 1963.
- ¹⁸ Тарихи Дербенд-наме. Тифлис, 1898. С. 76.
- ¹⁹ См.: «Тарих Дагестан» Мухаммадрафи — В кн.: Шихсаидов А. Р., Айтберов Т. М., Оразаев Г. М.-Р. Дагестанские исторические сочинения. М., 1993. С. 101.
- ²⁰ Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссиею. Т. II. Тифлис, 1868. С. 1072—1073.
- ²¹ Шихсаидов А. Р. Ислам в средневековом Дагестане. С. 19.
- ²² Гербер И. Г. Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря//ИГЭД. М., 1958. С. 60—120.
- ²³ Османов М. О. Указ, соч. С. 70.
- ²⁴ Неверовский А. А. Краткий взгляд на Северный и Средний Дагестан в топографическом и статистическом отношении. СПб., 1847; Петухов П. Очерк Кайтаго-Табасаранского округа//Кавказ, 1867. № 2, 12, 13, 16; Дубровин Н. Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. СПб., Т. I. кн. 1—3; Козубский Е. И. Дагестанский сборник. Темир-Хан-Шура. Вып. 1. 1902. Вып. 2. 1904; Он же. История города Дербента. Темир-Хан-Шура, 1906 и др.
- ²⁵ Магомедов Р. М. Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII — начале XIX в.; Он же. История Дагестана. Махачкала 1961; Он же. История Дагестана. Махачкала, 1968; Он же. По аулам Дагестана. Махачкала, 1979 и др.
- ²⁶ Гаджиева С. Ш. Кумыки. М., 1961; Она же. Дагестанские терекменны XIX—нач. XX в. Историко-этнографическое исследование. М., 1990.
- ²⁷ Хашаев Х. М. Общественный строй Дагестана в XIX в. М., 1961; Он же. Феодалные отношения в Дагестане. XIX — начало XX в. Архивные документы. Составление, предисловие и примечания Х.-М. Хашаева. М., 1969.
- ²⁸ Рамазанов Х. Х., Шихсаидов А. Р. Очерки истории Южного Дагестана. Махачкала, 1964; Шихсаидов А. Р. Указ. соч.; Он же. Дагестан в X—XIV в. Махачкала. 1975 и др.
- ²⁹ Османов М. О. Поселения; Он же. Формы традиционного скотоводства народов Дагестана в XIX — нач. XX в. М., 1990 и др.
- ³⁰ Каймаразов Г. Ш. Очерки истории культуры народов Дагестана М., 1971.
- ³¹ Гаджиев В. Г. Сочинение И. Гербера «Описание стран и народов между Астраханью и р. Курой находящихся» как исторический источник по истории народов Кавказа. М., 1979; Он же. Дагестан в известиях русских и западно-европейских авторов XIII—XVIII вв. Составление, введение, вступительная статья к текстам и примечания проф. В. Г. Гаджиева. Махачкала, 1992.
- ³² Булатова А. Г. Традиционные праздники и обряды народов Дагестана в XIX—нач. XX в. Л., 1988.
- ³³ Гаджиев Г. А. Донсламские верования и обряды народов Нагорного Дагестана. М., 1991.
- ³⁴ Булатов А. О. Пережитки домонотеистических верований народов Дагестана в XIX—нач. XX в. Махачкала, 1990.
- ³⁵ Салихов Б. М. Археологические памятники Кайтага//Актуальные проблемы истории дореволюционной Чечено-Ингушетии. Тезисы докладов региональной научной конференции. Грозный, 1990. С. 14—15; Он же. География расположения оборонительных сооружений древнего и средневекового Кайтага//Тезисы докладов конференции по итогам географических исследований в Дагестане. Вып. XXI. Махачкала, 1993. С. 111—113; Он же. Народный календарь кайтагцев. Г. Труженник Кайтага. 1994. № 92, 94, 98, 100 и др.
- ³⁶ Умаханов М.-С. К. Взаимоотношения народов Дагестана и Закавказья в период борьбы с сефевидской агрессией в XVII веке//Из истории взаимоотношений Дагестана с Россией и с народами Кавказа. Махачкала, 1982; Он же. Подлитические взаимоотношения союзов сельских обществ Дагестана в XVII — XVIII вв.//Общественный строй союзов сельских общин Дагестана в XVIII—нач. XIX в. Махачкала, 1981.
- ³⁷ Алиев Б. Г. Предания и легенды народов Дагестана//Общественный строй союзов сельских общин Дагестана в XVIII—нач. XIX в.
- ³⁸ Махмуд из Хиналуга. События в Дагестане и Ширване XIV—XV вв. Пер. с арабского, составление, предисловие, комментарии и приложения А. Ф. Шихсаидова. Махачкала, 1997.
- ³⁹ История Дагестана. Т. I.; Очерки истории Дагестана. Т. I, II. Махачкала, 1957; Шихсаидов А. Р., Айтберов Т. М., Оразаев Г. М.-Р. Дагестанские исторические сочинения.
- ⁴⁰ Памятники обычного права Дагестана. XVII—XIX вв. Архивные материалы. Составление, предисловие и примечания Х.-М. Хашаева. М., 1965.
- ⁴¹ Шиллинг Е. М. Кайтаки//Шиллинг Е. М., Панек Л. Б. Сборник очерков по этнографии Дагестана. 1940—1947 г. Рук. ф. ИИЯЛ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 37; Алиев Б. Г. История аулов Верхнего Кайтага. Рук. ф. ИИЯЛ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 175; Он же. История аулов Верхнего Кайтага (общества Ганк, Муйра, Каттаган). Там же. Д. 187; История происхождения рода уммиев и кайтагских беков. Рук. ф. ИИЯЛ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 286.
- ⁴² Гарданов В. К. Обычное право как источник для изучения социальных отклонений у народов Северного Кавказа в XVIII—нач. XIX в.//СЭ, 1960. № 5. С. 12.
- ⁴³ Магомедов Р. М. Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII—начале XIX в.
- ⁴⁴ Материалы по археологии Дагестана. Махачкала, 1959.

Как видно, границы Кайтага к концу XV в. значительно расширились. Поэтому, в источниках XV века Кайтаг упоминается уже как большая страна. Венецианский путешественник И. Барбаро писал, что кайтаги — «народ, занимающий все пространство между Мингрелиею и Каспийским морем.»¹⁷ М. О. Османов пишет, что «Если даже сделать поправку на преувеличение и незнание других племенных наименований, следует полагать, что Кайтаг занимал тогда земли от моря до высоких гор и что в страну Кайтаг включалась, по видимому, и большая часть территории остальных даргинцев».¹⁸

Из рассказа современника Барбаро, русского купца Афанасия Никитина также следует, что территория кайтаков в XV в. простиралась до Тарков. По свидетельству А. Никитина «...глава Кайтаков (Халил-бек) носил мусульманское имя и был шурином Ширваншаха. Когда русское судно на пути из Астрахани в Дербент около Тарков было выброшено на берег, то экипаж был захвачен в плен кайтаками, но потом Халил-бек, по просьбе Ширваншаха, добровольно отпустил всех пленных в Дербент.»¹⁹

В другом месте читаем, что «...Булат-бег послал скоро да к Ширвану, что судно русское разбило под Тарки и Кайтаки пришед людей поймали, а товар их разграбили.»²⁰

В XVI в. Кайтагское уцмийство продолжало оставаться одним из наиболее сильных феодальных владений в Дагестане. В XV—XVI веках Кайтаг состоял из уцмийства Кайтага и ряда «вольных обществ», занимавших горные местности. «Вольные общества» находились в разное время в большей или меньшей зависимости от Кайтагского уцмийства.

«Уцмий, — писал И. Г. Гербер (1728 г.) о кайтагском уцмие Ахмедхане, — после Шамхала всегда знатнейший у здешних народов был и ныне еще в великом почтении. От онаго зависят с некоторыми договорами Султан Мамут Утямиш, Кубяша, Акуша и несколько таулинцев».²¹

Ссылаясь на соответствующие источники (Ф. Н. Ртищев. Сведения о Дагестане 1913 г. ИГЭД, С. 248; И. Г. Гербер) М. О. Османов пишет, что «многие авторы вплоть до XX в. указывают на то, что даргинские общества являлись «вольным народом» и «подданными себя числить не дают», но, подчеркивая вольность даргинцев, почти все они в то же время указывают на их зависимость от уцмий и Шамхала, связанную с их бедностью и малоземельем».²²

В XVI—XVII вв. Кайтагское уцмийство продолжает оставаться одним из влиятельных владений Дагестана.²³

В XVIII в. уцмийство «занимало территорию к югу от р. Ороай-булак до р. Дарбак и к западу от Каспийского моря протянулось километров на 100. Нагорная часть уцмийства была населе-

на кайтагами — народностью, говорившей на языке, относящемся к даргинской группе дагестанских языков»²⁴. Уцмийство Кара-Кайтагское состояло в этот период «из пяти частей: Мюйра, ЧибакI-Кайтаг (Верхний Кайтаг), УбахI Кайтаг (Нижний Кайтаг), Маджалис-Катта (Маджалисское ущелье) и Терекеме. Сюда же входило и Гимри-дарго, носившее самостоятельное название, потому что там сидел один из членов уцмиева дома и управлял им. В XVIII в. многие джамааты отошли от уцмийства. В частности, к этому времени относится отход Каба-дарга».²⁵

В административном отношении уцмийство делилось на магалы и бекства.

В XIX в. Кайтагское уцмийство, как политическое объединение, включало не только кайтагов, но также даргинцев (Уцми-Дарго), кумыков, терекемцев и горских евреев, т. е. жителей гор и равнины и делилось на Верхний и Нижний Кайтаг. Верхняя часть Кайтага называлась еще Кара-Кайтагом, а нижняя — Кайтагом. Между прочим подобное разделение сохраняется и сегодня.

Население Верхней части Кайтага (Кара-Кайтаг) было этнически однородным, т. е. она была населена непосредственно кайтагами и считалось узденским. Нижний Кайтаг был населен не только кайтагами, но и терекемцами (зависимые крестьяне), жумыками и горскими евреями. И наторной и плоскостной частью Кайтага управлял уцмий.

В Верхнем Кайтаге в нач. XIX в. было 32 селения, 2502 двора и 11063 жителя; в Нижнем Кайтаге — 25 селений, 3530 дворов, 18421 житель. Во всем уцмийстве насчитывалось около 30 тыс. человек. Раятских дворов было около 2 тыс., главным образом, в терекемейской части.²⁶

Согласно данным, собранным в 1796 г., в уцмийстве Кайтагском было 25 тыс. дворов, 75 тыс. человек.²⁷

В XVI—XVII вв. по неполным данным, в подданстве уцмий находилось от 40 до 60 тыс. населения. Этнически это население не было однородным.²⁸

В середине XIX в. сами кайтаги входили в феодальное образование — кайтагское уцмийство и союзы «вольных обществ» или магалы: Маджалис-Катта (сс. Санчи, Ахмед-кент, Маджалис) с главным селением Маджалис (сюда входили и собственно даргинцы сс. Дарша, Иричи, Чахдикна); Шуркант (Лица, Жирабачи, Дакниса, Сургия, Гулды, Абдашка, Мерсия, Арша, Сураги) с главным селением Жирабачи; Ирчамуль (Урчамуль) — Керки, Кирчик, Варсит, Турага, Шурагат, Пилякьи, Бажлук, Шиланша, Адага, Сурхавкент, Тама (гл. с. Кирки); Каттаган (сс. Кулиджа, Шиляги, Хунгия, Дурети, Джигия, Мижигли) с главным селением Кулиджа. В народе этот магал еще называют «Къаттигли». Магал Кара-Кайтаг (гл. с. Баршамай). Сюда входили такие селения как

Джавгат, Рука, Жибахни, Машатды, Хадаги, Кулегу, Карацан, Карталай, Джинаби, Баршамай, Газия.

Известно, что местные исторические хроники — «Тарих Дагестан», «Асари Дагестан» связывали происхождение дагестанских правителей, в том числе уцмиев, с именем Абу Муслима. Согласно «Дербенд наме» арабский полководец Маслама, завоевав Кара-Кайтаг назначил правителем его своего родственника Амир Хамзу (от него происходят кайтагские уцми). Анонимное сочинение «об уцмийях Кайтака» возводит род уцмий Рустем-хана к потомкам «Хамзы, араба, курейшита, дяди пророка». Согласно другой хронике, кайтагские уцми имеют «двустороннее» родство с пророком: «они по отцу, согласно древнему преданию, происходят от дяди пророка... Аббаса, а по матери — от дяди пророка — Гамзы»²⁹. И само слово уцмий местная традиция связывает с арабским словом «исм» («имя»), откуда и перевод «именитый».³⁰ А вот Б. Г. Малачиханов считает, что термин уцмий произошел от «иудейского слова «оцум» (множ. ч. — ацацим), который означает «сильный», «мощный»».³¹

По мнению А. Р. Шихсаидова ни одно из перечисленных мнений документально не подтверждается. «Арабские авторы IX—X вв., писавшие о Дагестане, не знают термина уцмий. Не знает его местный автор, составитель «Истории Ширвана и Дербенда». Даже надпись, палеографически относящаяся ко времени не позднее XIII в. и обнаруженная в Кала-Корейше на могиле местного правителя, просто пишет о «владельце (сахиб) Кала-Корейша», и здесь к нему не применен термин уцмий.

«Тарих Дагестан», относящийся в основном к XII—XIV вв., правителя Кайтага также не называет уцмием, он носит титул султана («амир их вилайата, султан по имени Газанфар ал-Гаррир»). Только в хронике Махмуда Хиналугского, датированной 861 (1456 — 1455 г.), в связи с событиями последней четверти XIV в., впервые упоминается кайтагский правитель с титулом уцмий — это Султан Мухаммедхан уцмий.

«Однако отсутствие письменных сообщений, — считает А. Р. Шихсаидов, — еще не означает отсутствие самого термина, обозначающего должность Кайтагского правителя.»³²

Что же касается утверждения относительно происхождения самого владельца Кайтага, поставленного арабами, то тут нельзя не прислушаться к мнению Р. М. Магомедова. В частности, он считает, что если даже арабам и удалось убить правителя Кайтага и подчинить себе Кайтаг, назначив правителем мусульманина, следует ли из этого делать вывод, что он был арабом и происходил из рода пророка. «Неправдоподобность такого утверждения очевидна, — пишет он. После учиненного разгрома чужеземец не смог бы во враждебном окружении долго править страной. Ясно, что

после расправы над непокоренным правителем арабы поставили в Кайтаге нового властелина, угодного завоевателям, могущего защищать их интересы. Но таким слугой завоевателя мог оказаться и кто-либо из представителей рода бывших кайтагских правителей, согласившийся принять мусульманство. Именно таким представителем был Амир-Чупан, правивший Кайтагом при арабах»³³ — завершает Р. Магомедов.

Власть уцмий традиционно (XVII—XVIII вв.) была наследственной и переходила обычно к старшему в роде, но при этом утверждалась на общем сходе представителей всех свободных обществ с соблюдением специальных обрядов. Тот, кто должен был получить власть и титул уцмий после его смерти, «именовался «гатым». Церемония провозглашения нового уцмий происходила обычно в сел. Башлы при большом стечении народа. Согласно церемониалу, на голову наследника возлагали специальный головной убор как знак власти. Примечательно, — что этот головной убор хранился у одного из знатных тухумов (арабского происхождения) в магале Урчамиль.³⁴ Привилегия исполнения обряда торжественного возложения головной убора на голову нового уцмий принадлежала старшему в башлинском тухуме Гасанбека.³⁵

Таким образом, «в избрании на уцмийское достоинство башлинцы имеют главное влияние».³⁶

Однако такой порядок передачи престола часто приводил к столкновениям между претендентами на престол. Имели место случаи, когда каждая из двух враждующих феодальных группировок «выбирала» своего уцмий.³⁷

Первоначальной резиденцией уцмиев была крепость Кала-Корейш (магал Гапш), «древность которого засвидетельствована обнаруженными там памятниками эпиграфики XI—XII вв., а также устной традицией («Кала-Корейш» — крепость курейшитов)».³⁸ Впоследствии центр Кайтага переносится сначала в Уркарах, затем с начала XVII века в сел. Маджалис,³⁹ а XVII — XVIII вв. в сел. Башлы³⁹, «подчеркивая тем самым претензии кайтагских уцмиев на равнинные земли».⁴⁰

«А сам усми живет в деревне подле самых гор, которая поселена на косогоре, имя ей Баршлу», — писал в 1718 г. А. И. Лолухин.⁴¹

«Уезд... состоит во многих хороших и великих деревнях, между которыми знатнейшая именем Башло, в которой усмей сам живет», — отмечал И. Г. Гербер в 1728 г.⁴²

Основную массу населения Кайтага составляли свободные уз-

* Касаясь вопроса переселения уцмиев на равнину Т. М. Айтберов пишет, что «уцмий из гор, уцми обосновались именно в Башлы». (См.: Т. М. Айтберов. История Маза//А. Р. Шихсаидов, Т. М. Айтберов, Г. М.-М. Оразаев. Дагестанские исторические сочинения. М., 1993. С. 129).

дени. В Верхнем Кайтаге узденских магалов было восемь, и каждый магал составлял отдельный и независимый союз. Только в случае угрозы нашествия врагов все магалы и другие части Кайтага составляли общий союз под названием Уцми-Даргуа и под предводительством уцмий. Джамааты «вольных обществ» считали уцмий своим военным предводителем в случае войны. Они обращались к уцмию и в других ситуациях. В свою очередь и уцмию приходилось считаться с узденскими джамаатами, чтобы в нужное время заручиться их поддержкой.

Известно, что для упрочения своего положения среди сильных узденских обществ, кайтагский уцмий посылал своих детей на воспитание к ним, причем все женщины этих «вольных обществ» должны были по очереди прикладывать ребенка к своей груди. После этого сын уцмий оказывался связанным с «вольными обществами» родственными узами. «В данном случае речь идет об использовании уцмием широко распространенного на Кавказе обычая аталычества, или искусственного отцовства. Аталычество скрепляло два тухума или два общества нерушимыми узами дружбы. Учитывая это обстоятельство, уцмий ставил все общество в положение аталыка и тем самым обеспечивал себе и своему наследнику не только покорность, но и полную поддержку со стороны всего общества»,⁴³ — пишет Р. М. Магомедов.

И.-Г. Гербер в нач. XVIII в. в своей статье «Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря» (1728 г.) писал, что «Усмей следующую обыкновенность имеет, чтоб своих подданных к обязанию к себе содержать. Когда у усмея родился сын, то несколько дней по рождению младенец посылается к некоторую из деревень, котораго тамошних жителей жены грудьми своими кормят, а когда во всей деревне ряда отошла, то отвезут младенца в другую деревню, где таким же образом поступают, потом в третью, и в четвертую, пока время младенца от грудей отставить: отчего обитатели тех деревень обязанными считаются свой живот и тело для их терять, ибо они себя, с ними в свойстве числят, понеже одну грудь с ними сосали.»⁴⁴

Тем не менее, эти общества не прекращали бороться с уцмийми, отстаивая свое самоуправление и независимость, требуя невмешательства уцмий во внутренние дела «вольных» джамаатов.

Некоторые уцмий Кайтага отличались своей энергичностью, предприимчивостью, умом. Так, с именем уцмий Ахмет-хана, правившего до 1578 г., связана попытка урегулировать взаимоотношения беков и райтов, впоследствии принятые во всем Дагестане. При нем был составлен сборник кайтагских адатов и впервые определены права владетелей и чанков.⁴⁵ Ахмед-хан установил постоянное место народных собраний в Маджалисе и установил порядок, по которому сыновья бека исключались из отцовского наслед-

ства, если их мать не принадлежала к знатному (бекскому) роду. Именно при нем окончательно лишились самостоятельности башлины и урчамульцы. Им был проведен и ряд других административных мероприятий.

С 1601 по 1631 г. правителем Кайтага был Рустем-хан. Он кодифицировал судебник (свод законов), представляющий собой один из древнейших дошедших до нас сборников права народов Северного Кавказа, в котором с точностью определяются взаимоотношения между феодалами и зависимым населением. Основная цель, назначение этого документа — укрепление прав беков.

Сборник «Постановлений кайтагского уцмий Рустем-хана» впервые был опубликован А. В. Комаровым в 1868 г. (См.: ССКГ. Вып. I. Тифлис, 1868). Кодекс Рустем-хана появился почти одновременно с кодексом Умма-Хана Аварского, но «Сборник Рустема отражает более высокую ступень общественного развития, чем кодекс Умма-хана Аварского, — пишет Х. М. Хашаев, — он вводит новые понятия, неизвестные кодексу Умма-хана: подстрекательство и неосторожность. Более четко выражено в нем правовое положение беков и привилегии феодализирующейся общинной знати, а также духовенства. Шире применяются денежные взыскания. В нем ярче выступают черты классового общества.»⁴⁶

По мнению М. М. Ковалевского «Постановления» Рустем-хана являются одним из интереснейших памятников кавказского права, памятником, заслуживающим не меньшего изучения, чем армянский кодекс Мехитара Гоша или законы грузинских царей — Георгия Черного, Агбуги и Вахтанга VI».⁴⁷

М. М. Ковалевский назвал сборник Рустем-хана «народной правдой Дагестана».⁴⁸

Ф. И. Леонтович также считал, что по своему содержанию сборник Рустем-хана принадлежит к числу важнейших памятников древнего права кавказских горцев.⁴⁹

Мы здесь не будем приводить весь текст кодекса Рустем-хана. Он опубликован рядом авторов.⁵⁰ Попытаемся лишь вкратце остановиться на некоторых моментах этого памятника права.

В сборник вошли положения, устанавливающие наказания за убийства, прелюбодеяние, кражи, грабежи, поджоги, оскорбление женщины, а также правовые требования о гражданских сделках, порядке управления, о соблюдении постов и молитв.

Здесь следует отметить, что согласно судебнику на разбираемость дел требовалось письменное разрешение уцмий. Кроме того, без ведома бека кадий не должен был читать эти законы.

В «Постановлениях» Рустем-хана говорится, что «В государстве без правителя, в обществе без суда, в стаде без пастуха, в войске без разумного, в селе без головы — добра не будет». Или же. Каждая глава сборника начинается со слов: «Кто будет беречь рот свой,

того и голова будет спасена».

За невыполнение постановлений уцмья взыскивался штраф. Поскольку денежные отношения в этот период были слабо развиты, функции денег выполнял хабцалдику (грубая пеньковая материя). В отдельных случаях сборник предусматривает взыскание штрафа деньгами.

В сборнике «Постановлений» Рустем-хана большинство норм относится к уголовному праву и процессу. Сборник признает кровную месть. В зависимости от тяжести совершенного преступления «Постановления» в каждом отдельном случае предусматривали число канлы (жировников) — обычно от двух до семи человек.

Почти все имущественные преступления объединяются под названием «воровство». Воровство по кодексу считалось тяжчайшим преступлением. Убийство вора, подстрекателя и грабителя по кодексу не влечет за собой наказания. «Постановления» уцмья предписывали выполнение ряда правил для признания захвата имущества (ишкиль). Запрещалось изъятие имущества без свидетелей. В то же время, никто не имел права сопротивления, когда у него отбирали скот или любое другое имущество. Разрешение на захват имущества зависело от усмотрения сельской администрации.

Основными наказаниями, предусмотренными кодексом, являлись штрафы, разрушение дома (при особо тяжких преступлениях) и изгнание виновного из общества.⁵¹

Кодекс Рустем-хана различает класс феодалов (беки), раят и признает существование свободных уздней. В кодексе подчеркивается, что им должно руководствоваться не только кайтагское общество в лице уздней и др., но и беки. Правовой документ как бы напоминает о существовании джамаата, с которым беки обязаны считаться.

Уцмий, как и другие владельцы Дагестана, вели сложную внешнюю политику. Обычно уцмий «поддерживал связь с теми государствами и владельцами, связь с которыми давала большие политические и экономические выгоды».⁵²

Уцмийство имело свои таможенные границы. Вступить на территорию уцмийства без согласия самого уцмья никто не мог. «Каждый, кто следовал через его территорию, обязан был остановиться у пограничного пункта, дожидаться прихода уцмиевых людей, и лишь получив соответствующее право, мог следовать дальше».⁵³

В этой связи интересно привести описание дворянином Лопухиным трудностей, которые ему пришлось испытать во время его проезда через владения уцмья Кайтагского от Дербента до Тарков. Как свидетельствует путешественник, на обращение его к уцмью с просьбой беспрепятственно пропустить до Тарков, последовал отказ. Лопухин добивается специального «послания» с той же

просьбой от правителя Шемахи и султана Дербента. Посланцы возвратились в Дербент с ответным письмом уцмья, в котором говорилось: «Ко мне пишет хан Шемахинский и султан Дербентский, я у них не под командою и писем их не слушаю и по их письмам сего дела на себя не присмлю»...⁵⁴

Союзники обычно проезжали через владения уцмья беспрепятственно.

Отношения уцмья с другими владельцами Дагестана не всегда были мирными. Временами уцмий враждовали с соседними владельцами и государствами, временами между ними завязывалась дружба, а иногда и родственные отношения.

Интересны в этом отношении сведения об отношениях Шамхала и Уцмья. По предписанию Петра I Шамхал, как союзник России, должен был обеспечить доставку почты и продвижение в сторону Дербента. В своем письме Петру I от 12 августа 1722 г. Шамхал жалуется на то, что указ Петра I «за трудным проездом от Кайтагского народа отправить мне невозможно; для того, что оные мол суть не приятели и не учинили с какой посланцем пакости, того опасаясь не послал...»⁵⁵

Временами отношения уцмья с Россией сильно осложнялись. Особенно осложнились они при уцмие Эмир-Гамзе. Причиной послужил тот факт, что в 1752 г. большое число терекменцев и татов бежали от Эмир-Гамзы и были приняты андreeвскими владельцами. Тогда уцмий обратился с жалобой к российскому правительству, «так как северная Кумыкия входила в состав границ России и была подвласта ей, Уцмий требовал вернуть его беглых терекменцев или возместить ему эту утерю деньгами в сумме тридцать тысяч рублей. В просьбе уцмья не было отказано, но и беглецы ему возвращены не были. Это восстановило уцмья против России».⁵⁶

Здесь следует напомнить, что в «1774 г. уцмий Кайтага задержал действительного члена Российской Академии наук проф. С. Г. Гмелина, который возглавлял экспедицию по изучению географических условий, экономики, политического строя Восточного Кавказа и Персии. Кизлярский комендант обратился с требованием к уцмью отпустить профессора Гмелина, на что Амир-Гамза потребовал вернуть 200 семей его подданных, бежавших в Кизляр еще в период нашествия Надир-шаха, или уплатить за них выкуп в сумме 30 тыс. руб. Пока шли переговоры проф. Гмелин умер в Ахмедкенте».⁵⁷

«Это обстоятельство, — считает Р. М. Магомедов, — положило начало разладу между уцмием и Кавказским начальством и привело в 1774 г. к гибели академика Гмелина».⁵⁸

В течение XVIII в. уцмий временами признавал над собою верховную власть то Турции, то Персии, то России. Но здесь следует

иметь в виду, то обстоятельство, что эта зависимость была скорее номинальной, чем действительной. Для подтверждения этого обратимся к такому факту. В 1740 г., находясь в Дагестане, Надир-шах предлагает уцмию Ахмед-хану со своими войсками идти на соединение с его армией, которая в данный момент направлялась в Чирах. Шах был уверен, что уцмий исполнит его приказ, но уцмий не откликнулся на это. Даже тогда, когда шах обещал уцмию вознаграждение, уцмий не дал согласия. Тогда шах начал упреждать уцмию, что он, совершит поход на Кайтаг и разорит его, «но ни лесть, ни угроза шаха не возымела действия — уцмий не выполнил шахского предписания. Это случилось в то время, когда персидский шах с громадной армией находился неподалеку от Кайтага».⁵⁹

После присоединения Дагестана к России местные владетели, в том числе и уцмий, стали подчиняться власти высшей военной администрации на Кавказе. «За ревностное служение» в числе других владетелей Дагестана уцмий Рустем-хан был пожалован «в 4-й класс чинов государственных» и стал получать 2000 руб. серебром в год.⁶⁰ Адильхан Уцмиев и его внук Амирчопан Уцмиев получили чины генерал-майоров, а Ахмедхан Уцмиев — чин полковника и т. д.

В 1804 г. в Дербенте уцмий Адильхан принял присягу верности Российскому престолу. «Принявши над владением сим управление, как сам, так и все народы наши, желаем служить Е. В. Государю и быть в числе его верных», — писал Адильхан в своем письме кн. Цицианову в марте 1804 г.⁶¹ Однако надо было иметь в виду, что в случае измены присяге уцмий немедленно лишался власти и покровительства. «Так, за измену и отказ явиться в комендатуру в Дербенте уцмий Адильхан был лишен власти. Одновременно был навсегда упразднен титул уцмий».⁶²

В этой связи интересно привести послание генерала Ермолова к гр. Нессельроде 10 января 1820 г. В этом послании Ермолов писал об Адильхане, что «Сего, как подлейшего изменника, прокламациею удаляю с сыном от уцмийского достоинства».⁶³

В 1824 г. (19 февраля), уже после смерти Адильхана, его старший сын с матерью явились к Ермолову с повинной. Его ответ был таков: «Навеки уничтожено достоинство уцмий... Заслугами одними снискивать должны благоволение справедливого правительства».⁶⁴

С упразднением титула уцмий были конфискованы в пользу государства и все доходы уцмий, «как с родовых его имений, так и с деревень, по достоинству уцмий плативших ему подать».⁶⁵ Одновременно «были изъяты в пользу казны имения и тех беков, которые присоединились к уцмию Адильхану».⁶⁶

Конфискованными имениями царская администрация одарива-

ла беков. По этому поводу П. В. Гидулянов писал, что «уничтожая в 1820 г. достоинство Кайтагского уцмийства, Ермолов санкционирует права беков на управление и получение с них доходов».⁶⁷

26 января 1820 г. генерал Ермолов издал прокламацию к каракайтагскому народу. В прокламации говорится: «Та часть Каракайтага, которой даровано высокое покровительство российского императора, не может зависеть ни от кого более. Уцмием никто быть не может без утверждения императора, и сего достоинства не иначе достигнуть можно, как отличною верностью, большими трудами и усердною службою...

Народ должен управляться беками и кевхами, как до сих пор... Беки должны иметь участие в управлении тех деревень, кои не имеют они по наследству или получают от правительства в вознаграждение заслуг...»⁶⁸ Еще Ермолов отмечал, что «обязанности относительно к беку изменяются в том только, что без воли Российского правительства не должен он требовать от общества войска. Доходы должен он требовать от общества те же и с той же деревни, как и прежде».⁶⁹

Уже позже в 1828 г. был утвержден особый Комитет об устройстве магометанских провинций. По требованию этого комитета дербентский комендант полковник Розенфельд представил такие сведения по Каракайтагской провинции: «Во времена уцмиев беки на народ, находящийся под их управлением, имели большое влияние и делали такие же наказания, как уцмий, и брали с них разного рода штрафы. Со времени же российского правительства беки над народом той власти уже не имеют, кроме того, что берут с каждой пары рабочего скота по 20 мер пшеницы, 5 мер ячменя, десятую часть шелку, и жители обязаны беку своему сеять пшено сорачинское. В деревнях же тех, кои не подведомственны бекам, беки как при уцмиях не могли на них иметь ни малейшего влияния и делать своих распоряжений, так равно и при правительстве русском...

Беки, имевшие в управлении своем деревни, при уцмиях имели полное право распоряжаться как своими поданными, стою только разницею, что бек ни один не имеет права продать из деревни своей ни одного человека, поселяне же обязаны во всем повиноваться своему беку и исполнять все его приказания и платить наложенную на них подать».⁷⁰

Царская администрация на Кавказе всячески поддерживала членов уцмийского дома, раздавая им ответственные должности, а в случае необходимости, пользуясь их услугами. В частности, в 1824 г. наибом в сел. Башлы «вместе с кубачинским и гамриозенским обществом» был назначен Амиргамза-бек, двоюродный брат Адильхана,⁷¹ а в 1834 г. сын Адильхана управлял Верхним

Кайтагом.⁷² Кроме того, «с упразднением в 1841 г. приставства было создано Кайтагское владение, которым с 1843 по 1857 г. (до самой смерти) управлял Джемавбек Адиль Уцмиев, имевший при себе помощника из числа армейских офицеров. Постепенно уцмийским бекам возвращались и родовые имения».⁷³

В связи с административными реформами 60-х гг. XIX в. в составе Дагестанской области были образованы округа. Округа делились на наибства, а последние распадались на сельские управления.

В 1860 г. был образован Кайтаго-Табасаранский округ, а уже в феврале 1866 г. в Кайтаго-Табасаранском округе было введено наибское управление. В Каракайтагское наибство входили 12 сельских обществ (Баршамайское, Варситское, Джибахнинское, Джирабачинское, Джавгатское, Карацанское, Киркинское, Кулиджинское, Кирцикское, Лищинское, Таминское, Ургаинское) и 49 населенных пунктов с населением 11492 человека.

В Нижне-Кайтагское наибство входили 16 сельских обществ, 28 населенных пунктов с населением 23155 человек. Ицаринское сельское общество входило в Уркарахское наибство.⁷⁴

Территория Кайтага, как ближе расположенная к Дербенту, часто подвергалась нашествию завоевателей. (Верхний Кайтаг значительно меньше подвергался этим вторжениям).

Чтобы отстоять свое этническое единство и сложившийся уклад жизни, кайтагам пришлось выдержать длительную борьбу с разными захватчиками, вторгавшимися как с севера, так и со стороны Дербента. Особенно сильно страдал от нашествия завоевателей Нижний Кайтаг. В разное время на него нападали кочевники савиры, гунны, хазары, позже кайтаги испытали на себе последствия арабских нашествий, полчищ Тимура, вторжений иранских и турецких захватчиков в Дагестан.

Что касается социальной структуры, то население Кайтага по социальному составу подразделялось на восемь и более разрядов — уцмий, беки, джанка-беки, кулы, уздени, раяты, и т. д.⁷⁵

Во главе всего Кайтага как феодального, так и узденского стоял уцмий. Выше мы уже говорили, что Кайтаг делился на узденский и раятский. Население узденской части — это свободные люди, пользующиеся самоуправлением и выборностью своих судебных и исполнительных органов, а население раятского Кайтага находилось в судебной и административной зависимости от уцмий и беков. В узденском Кайтаге действовали народные сходы и существовала выборность сельской администрации. Во внутреннем устройстве узденский Кайтаг распадался на «вольные» джамааты, а они, в свою очередь, входили в магалы, т. е. в союзы джамаатов.

Таких магалов в Кайтаге было 13 со своими руководящими адатами, решающими и исполнительными органами. В двух мага-

лах уцмий имел полную власть и управление (об этом мы скажем ниже). Что же касается раятского Кайтага, то здесь вся политическая власть находилась в руках беков.

Но в случае войны и внешней опасности «весь Кайтаг составлял один большой союз магалов под названием Уцми-дарго, в этом случае признающий главенство уцмий. В русских источниках это объединение называется обычно уцмийством Кара-Кайтагским, а затем это название прочно закрепляется за всеми кайтагскими землями».⁷⁶

Как свидетельствуют сохранившиеся памятники обычного права, когда-то власть уцмий была неограниченна; он имел право на жизнь, «производил сам и через своих нукеров суд и расправу, назначал преданных ему лиц в управляющие деревнями (узбашами). Это было вначале, по завоевании Кайтага. Со временем исчезло из памяти народа воспоминание о завоевателе, горные деревни стали стремиться к независимости и приобрели ее. Чтобы поддержать свою власть силой, у уцмиев ее не доставало. Поэтому они стали поддерживать свое влияние подкупам (подарками) влиятельных лиц. Раздор между членами уцмийского дома совершенно уничтожил их значение как правителей в горах. На призыв уцмий народ охотно собирался только во время избрания в уцмий, надеясь на хорошее угощение, и во время грозящей опасности, при нашествии внешнего врага, по чувству самосохранения».⁷⁷

Здесь следует отметить еще и то, что уцмий являлся крупным собственником. Доходы кайтагских уцмиев складывались из различных источников. Прежде всего это были доходы из его земельных владений, поскольку уцмий являлся самым крупным землевладельцем Кайтага. Кроме того, он держал в своих руках ятаги. «То, что наряду с пахотной землей, уцмий и беки обладали ятагами мы считаем основной особенностью кайтагского общества данного времени, ставившей уцмий в исключительно выгодное положение как внутри страны, так и вне ее. На этой базе росла и крепла власть уцмий».⁷⁸ — пишет Р. М. Магомедов о Кайтаге XVIII — нач. XIX веков.

Доходы уцмий складывались и из налогов с подвластного населения (оброк и барщина). Кроме того, уцмий имел еще дополнительные доходы (пошлина) с торговых караванов, проходящих через Кайтаг. Д. Тихонов и А. Серебров писали, что уцмий получает доходы от одной только пошлины за провозимые через его территорию товары — 45 тыс. руб. в год.⁷⁹ Только таможенная дамба в Дербенте⁸⁰ «доставляла в год 1000 руб. серебром, а каждый выюк с шелком, перевезенный через Кубачи, — по одному червонцу. Пошлина бралась не с населения владений уцмий, а только с посторонних купцов и с провозимых ими через владения уцмий товаров».⁸¹

По сведениям Д. И. Тихонова (1796 г.) пошлина взималась с посторонних купцов «серебряной российской монетой с каждой повозки, как бы она нагружена не была товарами, по 2 руб. 50 коп., с фруктов с одной повозки по 1 руб. 30 коп., с красок с каждого пуда по 2 р. 50 коп., с канцелярского семя 5 руб. с пуда, с лошади по 50 коп., с овец и с рогатого скота с 20-ти голов по одной овце и скоту, с рыбы с 10-ти по одной же. С людей: на лошади верхом едущего и пеших с россиян, армян и жидов с каждого по 1 руб. С магометанов же ничего не собирают».⁸²

Значительный доход уцмий получал от аренды зимних и летних пастбищ. Как отмечает Гербер, только на зимние пастбища уцмий Ахмедхана многие горцы — «акушинцы и таулинцы «ежегодно перегоняют» более 100 000 баранов», от чего уцмию «немалые доходы приходят».⁸³

С тринадцати ятаг и пастбищной горы Андрее-чи последний уцмий Адильхан брал от 700 до 1000 голов баранов и ягнят. Кроме того, с каждого паслуха, пасшего этих баранов, брал по одному кругу сыра.

Немалый доход давали уцмию нефтяные и соляные источники. Так, например, терекемейские нефтяные черные колодцы ежегодно давали уцмию от 500 до 700 руб. серебром. Приблизительно столько же он имел и от соляного озера, который находился между с. Дарбах и с. Деличабан.⁸⁴

Уцмий получал доходы и от сдачи «на откуп» марены с аулов Янгикент, Хан-Магомед-Кала, Великент, Татлар, Карадаг и Падар. Жители этих сел не имели права продавать марену на сторону «кроме тех лиц, которым отдал уцмий эту марену на откуп». Селения Башли, Янгикент, Маджалис, Улу-Терекеме, Джемикент, Берикей и некоторые другие села пользовались правом свободной торговли, но с условием, что от каждого пуда покупатель должен был платить уцмию 10 коп. серебром.

Кроме того, уцмий имел натуральные приношения с жителей Каба-Дарга (до конца XVIII в.) пшеницей, ячменем, а с жителей магала Ицари и Мюйра (Шари) — баранами, медом, маслом, сизязи (грубый холст). Он имел доход с башлинской мельницы и ореховых деревьев, «у сел. Башлы».⁸⁵

Укажем еще на одну важную статью доходов уцмий, на которую обратил внимание Р. М. Магомедов: «целый ряд лиц, имевших то или иное отношение к владениям Кайтагского правителя, все, как один, свидетельствуют о военных предприятиях уцмий, об уволении им людей в плен и скота для продажи. Таким образом и статья «военная добыча» являлась немаловажным источником дохода уцмий».⁸⁶

«Годовой доход уцмий к концу 1796 г. составлял 60 тыс. руб. серебром.»⁸⁷

В материалах сословно-поземельной комиссии Х. М. Хашаевым обнаружена ведомость о доходных статьях уцмий, составленная генералом Вреде в феврале 1821 г. (См.: Таблица № 1).

Основную часть своих доходов уцмий получал от жителей Нижнего Кайтага. Что же касается Верхнего Кайтага, то как было сказано выше, после переселения уцмий на равнину, феодальный гнет здесь ослаб.

Большинство жителей Верхнего Кайтага были свободны от податей. Однако некоторые и здесь платили подати и отбывали повинности в пользу уцмий, беков (об этом будет ниже). Капитан генерального штаба Прушановский, например отмечал, что почти все горные магалы в прошлом находились под юрисдикцией уцмий Кайтагского, платили подати, в частности, даже Каба-Даргуа и Сюрга.⁸⁸

Вслед за уцмиями в сословной иерархии феодального общества Кайтага шли беки. Еще задолго до XIX в. уцмийство было разделено на ряд бекств. (Р. М. Магомедов, например, считает, что юридическое оформление сословий беков в Кайтаге получило в XVI в. при уцмий Ахмед-хане)⁸⁹.

По мнению С. Ш. Гаджиевой, «этому процессу способствовала и политика царского правительства, которое, выступая против чрезмерного усиления крупных владельцев, нередко делало ставку на средние слои класса феодалов. Так, в начале XIX в. за последним уцмием Адильханом практически числилось только шесть деревень в Терекеме, а остальные, надо полагать, являлись уже уделами беков».⁹⁰

Как отмечалось, по сведениям дербентского коменданта полковника Розенфельда (1828 г.), «во времена уцмиев беки на народ, находящийся под их управлением, имели большое влияние и делали такие же наказания, как уцмий, и брали с них разного рода штрафы. Со времени же российского правительства беки над народом той власти уже не имеют, кроме того, что берут с каждой пары рабочего скота по 20 мер пшеницы, 5 мер ячменя, десятую часть шелку и жители обязаны беку своему сеять пшено сорачинское».⁹¹

Беки владели как населенными, так и ненаселенными землями. Уцмий и сам выделял бекам, происходившим из «великого рода дагестанского уцмий» в наследственное владение и управление населенные и ненаселенные земли (кутаны, ятаги). Беки взимали с подвластных им раят и узденей некоторых джамаатов различные подати и повинности.

Беки могли увеличить свои земельные угодья путем покупки их у раят. Кроме того, земли раят, бежавших на новую землю, также становились собственностью беков, равно как и те земли, которые оставались после смерти раят, не имевших наследников. «В конце XVIII в. и особенно в нач. XIX века, беки, помимо наследования,

стали получать имения путем пожалования их российскими военачальниками». ⁹²

Случалось, что ж уцмью переходили на службу беки, но они при этом не получали наследственных земель, а имели право на временное пользование доходами с селений, иногда даже нескольких дворов раят.

Уцмиевские беки различались по своему имущественному состоянию. Так, например, Исмаил-бек имел под своим «владением 16 деревень». ⁹³ Большинство же беков владели двумя-тремя селами, а иногда и одним селом и несколькими кутанами. В 1815 г., например, Бадир-хан-бек владел селением Уллу-Терекеме и двумя ятагами. ⁹⁴

Случалось и так, что в качестве уделов бекам выделялись не только селения, но и их части (кварталы). Так, например, в «Терекеме селение делилось на несколько частей в зависимости от того, какие дворы каким членам уцмийской фамилии, бекам, становились подвластными и какие феодальные подати платили». ⁹⁵

Следует отметить, что в определенных случаях действия бека были ограничены. Так, например, бек не имел права выселить из селения раята, хотя притеснять его мог. Кроме того, он не мог притеснять какое-либо селение. В «Постановлениях» Рустем хана на этот счет сказано, что: «Если бек будет притеснять какое-либо селение, то остальные селения должны вступить за него и остановить бека...»

Бек должен наказывать поступающих противозаконно, в противном случае бека удалять». ⁹⁶ В «Постановлениях» говорится также, что «бек не должен предпринимать похода, предварительно не посоветовавшись о том с благоразумными. В противном же случае, брать с него штраф триста рублей в пользу общества. Если поход будет предпринят беком после обсуждения о нем с благоразумными, то с того, кто не выедет в такой поход, брать сто кари хабзалдику». ⁹⁷

«Постановления» Рустем-хана устанавливают, что «никто не должен завещать имение свое в пользу бека или чанки. Кто же сделает такое завещание, того вместе с семейством изгонять из селения. А кто будет упрашивать и советовать, чтобы такого завещателя оставить, того дом разрушить». ⁹⁸

Комментируя данное постановление Р. М. Магомедов пишет, что «это очень строгое предписание, пожалуй, такое, какое редко можно встретить у других народов. Оно целиком направлено против бека, против роста земельной собственности и, следовательно, против усиления политической власти бека». ⁹⁹ Причины такого порядка, по мнению Р. М. Магомедова, исходят не из-за того, что уцмий Кайтага был противником расширения бекской собственности и противником укрепления господствующего положения феодалов:

в лице беков и чанков. «Дело, конечно, тут не в противодействии или в неуважении собственного класса, а прежде всего в силе тухума и джамаата. Уцмий при всем своем желании не мог обойти их, сам он тысячей нитей был связан с джамаатом. Рустем-хан запечатлел в своих «Постановлениях» конца XVII в. рамки, в которые ставился растущий феодальный класс при существующем в Кайтаге общественно-экономическом строе. Кроме того, надо полагать, что уцмий этим суровым актом в известной степени сдерживал неимоверно быстрый рост бекских земель и отгораживал себя от усиливающихся беков». ¹⁰⁰

Однако, это не приостановило процесс роста бекского землевладения. Впоследствии, в частности, в XIX в., отчетливо наблюдается рост земельного надела беков, постепенное разложение джамаата и «усиление феодальной зависимости свободных общинников». ¹⁰¹

Уцмиевские беки по своему происхождению делились на два разряда. Это чистокровные беки, рожденные от матерей и отцов из знатных фамилий. Наряду с ними возникла социальная группа чанка-беки. Это были беки, рожденные от простой женщины, т. е. от неравного брака бека.

Примечателен случай, который произошел в Маджалисе. Девушка из феодальной фамилии вышла замуж за сравнительно бедного парня (без согласия на то родителей). Ее родители отказались от нее. Вскоре она умерла. Осталась у этой женщины дочь, которую все же ее материнская родня решила взять замуж в свой богатый тухум. Когда невесту привезли к жениху, у ворот дома родственницы невесты и жениха начали состязаться в песенном творчестве. Сторона жениха пела:

Гелин, гелин, гел чечек.
Гелтирганинг дорт тошек.
Ичи-тыши бизинки
Къайда, гелин, сизинки.

(Невеста, невеста, иди, цветок. Привезла ты с собой четыре матраца, и то чехлы на них и шерсть в них наши, что же в них твое, невеста?)

Сопровождающая невесту свита на это отвечала: Бары да бизга геле.

Биз башгъа гучлубиз му. Каравансарайлар уллу деп.
Толтурма борчлубизму. (Разве мы сильнее других. Если дом ваш огромен как каравансарай, разве мы обязаны заполнить его имуществом?)

Далее они же: Гет дегенде, гетип биз
Гел дегенде, гелинбиз
Коп покъ ашай турмангиз, Чанка къызны берипбиз.

(Когда вы прогнали нас, мы ушли. Когда позвали пришли. А теперь вы много не болтайте. Мы свое дело сделали, выдали за

вашего сына девушку-чанку).

Им отвечает сторона жениха:

Кесип кьачалай алдым,
Чарыгъыма ултанга
Кеп покъ ашай турмангиз
Къайтартибиз Султанга.

(Я отрезал кусок сыромятной кожи для подошвы на чарыки. Вы так много на себя не берите, не то верном вас обратно к Султану (Султан — отец Девушки).¹⁰²

В данном случае интересно отметить, что чанка называли не только детей, рожденных от матери-узденки, т. е. матери, не равной бийке, но и, наоборот, от матери из феодальных фамилий, и от отца узденского происхождения. Именно такой случай мы и проиллюстрировали выше.

Комаров А. В. также отмечал, что дети, рожденные от неравных браков владельцев и беков называются чанка. «Права чанков не определены положительно; большею частью они пользуются значением, которое придают им их отцы, и те из них, которые произошли от матерей непростолоудинок, именуются тоже беками. Дети же чанков, происходящие от жен простого сословия, не имеют права на звание бека, и, не отличаются от обыкновенных узденей».¹⁰³

Кроме того, что касается права на отцовское наследство, то чанка-беки не наследовали в равной мере с чистокровными беками «имение отца». В данном случае чанка беки получали «из недвижимого имени отца: 12 дворов раят, 12 дворов евреев, 12 дворов чагар и один или часть ятага. По всем остальным правам они несколько не отличались от чистокровных беков. Подвластные им райаты находились точно в той же зависимости, в какой райаты чистокровных беков от сих последних. Именья их переходили по наследству на тех же основаниях, как у чистокровных беков».¹⁰⁴

Источники подразделяют и чанка-беков на две группы. Первая — это группа, которая происходит «из двора уцмиев, но не могут связать своей родословной с этим родом. Чанки эти живут по преимуществу в узденских селениях Кайтага, как в нагорной его части, так и в сел. Башлы.

Чанки не владеют населенными землями, а имеют в своем владении обыкновенные участки при селениях, в которых живут и пользуются общественной землею наравне с прочими жителями. Вообще чанки слились совершенно с прочим населением и ни в чем не отличаются от него, кроме названия чанки в этой стране».¹⁰⁵

Вторая группа чанков была тесно связана с феодальной верхушкой, — знатные чанко-беки. Известно, еще что в конце XVIII века племянник Магомед-шамхала Тарковского («мать же его была из рода мехтулинских ханов) Шура-Гибек попал в Кайтаг

по жральной мести из мехтулинского ханства (сначала в Дербент при Фет-Али-хане, а потом перешел на службу к уцмию). Впоследствии Шура-Гибек был женат на внучке Али-бек уцмия, и от этого брака у него было два сына — Шахнаваз и Рустам. Уцмий дал во временное пользование Шура-Гибека несколько дворов янгикентских евреев, несколько дворов терекемейских раят и один ятаг. Шура-Гибек и его потомки пользовались при уцмиях особым положением.¹⁰⁶

Позднее, потомки Шура-Гибека (его братья Халил и Нуцал) — сыновья прапорщика Каграман-бека, пользовались доходами с 7 дворов янгикентских евреев и 3 дворами раят сел. Хан-Мамед-кала и имели участки земли в сел. Янгикент¹⁰⁷

Здесь следует отметить, что «получивший такой удел во временное (чаще всего) или постоянное владение обычно также именовался беком и пользовался всеми правами бека, пока он находился у уцмия на службе.

Служилый бек, пользуясь налоговым иммунитетом на пожалованную ему землю, не имел, однако, права распоряжаться ею полностью, отчуждать ее, т. е. эта земля являлась его владением, а не мюльком».¹⁰⁸

По мнению ряда исследователей, подобная дифференциация сословия беков «и определение их личных и имущественных прав была проведена в 1583 г. уцмием Султан-Ахмедом, а потом якобы принята феодальными владельцами всего Дагестана»¹⁰⁹

Но и родовые беки, являясь полновластными хозяевами в своих владениях, все же находились в подчинении уцмия (хотя и в значительно меньшей мере), как верховного правителя всего Кайтага.

Определенными привилегиями в Кайтаге пользовалось духовенство. Оно имело значительное влияние на уцмия и беков и по отношению к своим владельцам не несло никаких обязательств.

Основную массу населения Кайтага составляли крестьяне, которые в свою очередь делились на узденей и раят. Самую многочисленную группу крестьян составляли уздени. Как было сказано выше, в середине XIX в., из 6032 дворов 4032 приходилось на узденей, 2000 на раят.

По данным посемейных списков 1886 г. в Кайтаго-Табасаранском округе было 15510 хозяйств. Из 113 населенных пунктов округа 48 отбывали подати и повинности бекам. В 1894 г. здесь жило 58668 узденей и 290 беков и чанков.¹¹⁰

В «Записке о сословно-поземельном строе в Кайтаге» говорится, что «Уздень был свободный человек, ни от кого не зависимый, распоряжавшийся свободно своим временем и имуществом. По правам все уздени равны между собою, различие же между ними было только по состоянию, по силе и древности тухума».¹¹¹

В этом же документе отмечается, что уздени «владеют землями на праве собственности, из которых некоторые, так называемые мюльки, составляют собственность отдельных хозяев, другие же находятся во владении целых общин.

Эти последние земли преимущественно составляют пастбищные горы и леса...».¹¹²

При более основательном изучении данного вопроса следует, что узденство Кайтага так же как Табасарана, например, нельзя рассматривать как однородную массу свободных, ни от кого не зависящих людей. Учитывая то обстоятельство, что к исследуемому времени процесс феодализации в Кайтаге не был завершен, то и фактическое положение разных групп узденей было различным.¹¹³ «Имелись уздени, которые жили в Верхнем Кайтаге, и уздени Нижнего Кайтага. Их общественное положение было неодинаковое.

В Верхнем Кайтаге уздени сохраняли в себе больше черт демократизма и свободу в личных и имущественных делах. Они были связаны с уцмием и входили в состав его владения, тем не менее их мы не можем назвать феодально-зависимым населением кайтага».¹¹⁴

В то же время, не будучи феодально-зависимым сословием, уздени находились в некоторой зависимости от феодалов. Эта зависимость проявлялась в разнообразных формах.

Учитывая то обстоятельство, что узденский Кайтаг являлся опорой уцмий в его внутренних и внешних предприятиях, от того, пойдет ли узденская масса за ним или нет, — зависел успех дела и будущность уцмиев.¹¹⁵

Известно также, что из всех узденских обществ сел. Башлы «имело преобладающее влияние в делах, относившихся до всего Кайтага. Но вместе с тем, это селение из всех узденских обществ было в более тесных отношениях с уцмием, так как он жил здесь почти постоянно, хотя и случалось, что башлинцы, недовольные поведением уцмий, изгоняли его из своего селения, и тогда он переносил свое местопребывание в Маджалис».¹¹⁶

Чуть выше мы говорили, что «Постановления» Рустем-хана предусматривают права джамаата наказывать беков, нарушающих сложившиеся правовые нормы общины. «Постановления» предусматривали в данном случае разные формы наказания от штрафа до его смены. Согласно «Постановлениям» «Бек должен наказывать поступающих противозаконно, в противном случае бека удалять». «Бек должен всякий год собирать суд, в противном случае его сменять».¹¹⁷ Или же. «Если бек прикоснется к жене узденя, то должен дать штраф сто рублей в пользу всего общества».¹¹⁸

Из сказанного следует, что уцмий «в Верхнем Кайтаге имел дело, во-первых, с узденским джамаатом, а, во-вторых — за спиной

отдельного узденя стоял тухум, а все уздени, вместе взятые, объединялись магалом и составляли внушительную силу»,¹¹⁹ на которую в случае необходимости уцмий мог вполне опереться. Уцмий в свою очередь, в случае необходимости, защищал интересы узденей во взаимоотношениях с соседями «и доставлял возможность безопасно пасти свой скот на плоскости», выступал в качестве военного предводителя и защитника как от внешних, так и внутренних врагов».¹²⁰

В благодарность за все это уздени Верхнего Кайтага вначале делали уцмью «незначительные приношения, а затем отдельные работы до тех пор, пока все это не стало взыскиваться в отдельных джамаатах периодически. По существу это было данью и в своей основе оставалось данью для Верхнего Кайтага на протяжении всего XVIII в.

Иначе обстояло дело с узденями Нижнего Кайтага, которые жили смешанно с раятами. Так, в магалах Маджалис-Катта и в других джамаатах первоначальная дань к этому времени стала принимать форму феодальной ренты. На первых порах она имела примитивную форму, не такую, как отработочная рента раят, — но все же это была уже не дань, а следующий этап превращения свободного общинника в феодально-зависимого крестьянина».¹²¹

Следует отметить, что в исследуемое время само узденство не было однородной массой. В каждом обществе выделялась сельская узденская верхушка, которая состояла из представителей зажиточных и влиятельных тухумов.

Следующую категорию крестьян составляли раяты. Жители раятского Кайтага терекемцы по своему положению мало чем отличались от крепостных крестьян. А. А. Неверовский писал, что «относительно зависимости, простой народ во владениях сходствует с нашим крепостным состоянием. Он должен вносить деньгами или хлебом определенную владельцами подать и вообще исполнять беспрекословно все его приказания. Разница между крепостным и этим классом людей состоит в том, что владельцы не имеют право их продавать».¹²²

Живя на землях кайтагских феодалов, раяты должны были платить подати и отбывать повинности. «В получении хлебной подати (чихиш) и в отбывании некоторых натуральных повинностей, главнейшая из которых арбяная, заключался главный источник доходов и средств существования беков».¹²³

Когда-то земли терекемцев принадлежали ирчамульцам и каракайтагам (по другим сведениям ирчамульцам и башлинцам). Эти земли служили для них только зимними пастбищами для скота. Впоследствии один из уцмиев завладел этими землями и заселил их выходцами из других мест. Поводом к этому послужило то обстоятельство, что уцмий потребовал от ирчамульцев пода-

ти, которые они будто бы ранее платили ему. Ирчамульцы отказались исполнить это требование. Тогда уцмий объявил эти земли своею собственностью. Затем, земли эти уцмий поделил между своими наследниками — беками.

Здесь следует отметить, что при переходе имения по наследству делились между наследниками только ненаселенные земли, так называемые кутаны и ятаги бекские, служившие прежде зимними пастбищами, земли же, находившиеся в общественном пользовании поселян, не делились, а при переходе какого-либо селения к нескольким бекам делились не земли, которыми пользовались жители известного селения, «а выделялось число переселянских дворов, но так как передел земель между поселянами производится не на равные части между дворами, а по количеству рабочего скота, которое по обстоятельствам могло изменяться, то следовательно, изменялся и надел, которым пользовались поселяне, отбывающие повинности известному беку».¹²⁴

Раяты не находились в личной зависимости от беков, как, например, чагары и кулы. Поэтому беки не могли запретить или совершенно отвергать права свободного переселения раят. Но беки выдвигали такие условия перед раятами, при которых свободное переселение фактически делалось невозможным. Так, раят, переселившийся без разрешения бека, должен был оставить все свое имущество как движимое, так и недвижимое, в распоряжении бека.¹²⁵

Тем не менее, раяты Терекеме часто уходили от своих беков в русские пограничные районы.

Помимо раятов в Кайтаге существовала и такая группа феодально-зависимых крестьян как чагары. Они жили в обществах Туменлер, Янгикент и Башлы... Селение Башлы разделялось на 6 магалов, из которых жители одного магала по происхождению чагары, а остальные — уздени. В «Записке о сословно-поземельном строе в Кайтаге» лишь отмечается, что чагары были поселены в Башлах уцмиями и пользовались они землями: «отчасти на бекских кутанах, отчасти на общественных землях этого селения».¹²⁶ К началу XIX в. они слились с узденским населением и стали пользоваться «общественными землями наравне с прочими жителями этого селения».¹²⁷

Р. М. Магомедов предполагает, что чагары — «кумыки-то ли переселенцы, то ли беглые от кумыских феодалов».¹²⁸

В рассматриваемое время в Кайтаге была и немногочисленная прослойка кулов (рабов). Кулы обычно выполняли хозяйственные работы в доме уцмия или бека. Кулы были собственностью феодалов. О существовании в Кайтаге кулов говорится еще в кодексе Рустем-хана. Так, в «Постановлениях» говорится: «За убийство кем-либо бекского раба взыскать с каждого дома всего общества

по одной паре обуви и по мешку саману». Или же — «Если раб прикоснется к жене узденя с прелюбодейной целью, то его убивать».¹²⁹

Согласно адатам рабы не имели никаких прав: политических, гражданских. Они не допускались к разбирательству дел в качестве свидетелей, не принимали участие в сходах джамаата. Основной источник рабства — пленные. М. М. Ковалевский отмечал, что «всенопленные и несостоятельные должники — эти два источника рабства были известны издревле и дагестанским горцам».¹³⁰

Уцмий Кайтага располагал значительной военной силой. Военные силы состояли из нукеров уцмия, бекских и узденских ополчений. По призыву уцмия как беки со своими подвластными, так и узденя обязаны были ополчаться. В случае войны по распоряжению уцмия каждый двор обязан был выделить для участия в войне по одному человеку. Но «этот призыв делался обязательным для узденей к исполнению только в том случае, когда вопрос о войне был решен на общем их народном совещании...»¹³¹ По этому поводу Д. И. Тихонов (1796 г.) также отмечает, что «Уцмия владения все жители на случай надобности в войске на зачисление праиц своих дают с каждого двора по одному человеку. Если же угодно будет уцмию их войском сделать пособие другому владельцу, в таком случае просит их согласия и с заплатою им за то денег, а насилеиом к таковой сторонней войне их не принудит».¹³²

Уцмий имел при себе постоянно войско из 300 всадников — нукеров, а уцмий Адильхан (начало XIX в.) выезжал в Дербент в русскую комендатуру, «не иначе... как окруженный до 500 чел. и более конно-вооруженными, в панцирях нукерами».¹³³ Обычно это был основной костяк его войска, который не только охранял уцмия, сопровождая его при поездках и т. д., но и выполнял ряд других обязанностей. Например, в их функции входило поддержание внутреннего порядка в уцмийстве, «приведение в повиновение узденей, не исполнявших требований уцмия». Они же, кроме названных обязанностей и постоянной стражи при уцмие, «исполняли и некоторые полицейские обязанности».¹³⁴

Поскольку комплектование боевой дружины (нукеров) производилось исключительно из узденей, то их (нукеров) «влияние при отправлении последней обязанности относительно узденской части населения было более нравственное, так как сами они были преимущественно из жителей этой части Кайтага».¹³⁵ Нукеров содержал уцмий. Он обеспечивал их оружием, одеждой и лошадьми.¹³⁶

Нукеров имели и беки. Но их количество было гораздо меньше — 20—30 чел. Уцмий и беки сами выбирали себе нукеров из числа преданных уцмию и бекам узденей, особо отличавшихся смелостью, преданностью.

Некоторые владельцы Кайтага (Кара-кайтатский владелец Али-

хан) могли собрать войско до 4000 тыс. человек.¹³⁷

По первому же призыву уцмия как уздени, так и беки со своим ополчением, составленным из раят, обязаны были явиться к уцмию. В основном ополчения состояли из узденей. Обычно каждый узденский магал выставлял свое ополчение. По сведениям информаторов, наиболее внушительное и сильное ополчение было у ирчамульцев (Урчамуль).

В «Постановлениях» Рустем-хана сказано: «Кто не выедет на тревогу вместе с обществом, с того брать штраф — сто кари хабцалдику».¹³⁸ «С того, кто возвратился прежде выехавших на тревогу — сто кари хабцалдику».¹³⁹ «Если бек выедет на тревогу, то должны все ехать, с невыехавшего же на тревогу вместе с беком — тысячу кари хабцалдику».¹⁴⁰

«Если поход будет предпринят беком после обсуждения о нем с благоразумными, то с того, кто не выедет в такой поход, брать сто кари хабцалдику».¹⁴¹

Являясь полновластными хозяевами в своих владениях, беки, тем не менее, подчинялись уцмию, как верховному правителю всего Кайтага. Это относится и к воинской повинности беков. «Беки обязаны были беспрекословно исполнять приказания уцмия, относящиеся к исполнению воинской повинности: являлись на службу его во время войны, на коне или пешие, вместе со своими подвластными. ...За хорошую службу уцмий награждал беков подарками, состоявшими из вещей и разного рода скота...»¹⁴²

Земельно-правовые отношения

Анализируя имеющиеся сведения о формах земельной собственности, мы пришли к выводу, что в начале XIX в. у кайтагов существовало три вида земельной собственности: общинная земля, крестьянские мюльки, мюльки и ятаги кайтагских феодалов. «Первые два вида земель находились в пользовании крестьян. Общинная земля ежегодно перераспределялась между всеми членами общины, а мюльки находились в полной собственности крестьян. Если говорить о Терекеме, то раяты располагали для своего хозяйства землей из общинного фонда и мюлками. Причем земли, принадлежащие в целом общине, считались бекскими, а мюльки были личной собственностью раятов. Мюльки не входили в расчет при отбывании повинностей бекам и могли кому угодно продаваться и передаваться по наследству».¹⁴³

В 60-х годах XIX в. уцмийское и бекское управление в Кайтаге было упразднено. Был образован Кайтаго-Табасаранский округ. Часть уцмийских земель была передана казне. Во второй половине XIX в. в экономике края произошли серьезные изменения. Эти изменения неуклонно приводили к разрушению сословного землевладения и возникновению новой прослойки богатой узденской верхушки, которая сосредоточила в своих руках много земель и скота. Тем не менее, феодальная собственность на землю и в конце XIX в. оставалась довольно значительной.

В Кайтаго-Табасаранском округе в начале XX в. можно проследить следующие формы земельной собственности: казенные земли, образовавшиеся за счет изъятия земель уцмия, отдельных беков и сельских обществ; земли принадлежащие бекам и чанкам, как населенные, так и ненаселенные; мюльки, принадлежащие крестьянам-узденям; общинные земли, главным образом пастбища и выгоны, и мечетские земли.¹⁴⁴

Посемейные списки 1886 г. указывают на следующие казенные, владельческие и общинные земли, находящиеся в пользовании крестьян: пахотных — 29339 десятин, покосных 5634,2 десятины, пастбищных — 36342 десятины, под садами — 244 десятины, под лесом — 36788,4 десятины, под выгонами — 2329,2 десятины, соляных рядов — 15 десятин.¹⁴⁵ Казенных земель в 1905 г. было 26348 десятин. В частновладельческие земли входило 26756 десятин, находящихся в пользовании раятских селений.¹⁴⁶ «По данным 1915 г., в Кайтаго-Табасаранском округе числилось 68378 десятин частновладельческих земель и только 28924 десятины, принадлежащие сельским общинам и отдельным крестьянам; вакуфных земель было 920 десятин.¹⁴⁷ Во всем Кайтаго-Табасаранском округе 35 узденских хозяйств владели 6866 десятинами земли, в частности

Муртазали-Кичи-Оглы из сел. Утамыш имел 1152 десятины, Чапту-Паша-Гаджиоглы — 1264 десятины; в сел. Александркент Дарха-Ахмед-Оглы — 809 десятин¹⁴⁸. Эти цифры свидетельствуют о глубоком классовом расслоении также и узденского Кайтага.

Отдельные беки из уцмийской фамилии в 1905 г. в Нижне-Кайтагском участке имели свои земли. Так, например, Айханум-бике Уцмиева в сел. Чумлы имела 1553 десятины земли, Абдул-Меджид-бек Уцмиев с братьями — 1254 десятины, в селении Туменлер Казий-бек Уцмиев имел 1270 десятин земли.¹⁴⁹

Пользование землей в разных частях Кайтага было разным. Почти все земли, пахотные и покосные, в узденской части Кайтага составляли мюльки, т. е. собственность каждого отдельного хозяина. Только в Магале Ирчамуль шесть селений имели общинные покосные участки в совместном пользовании. В целом пахотные земли в большинстве селений, за исключением магалов Ирчамуль и Кара-Кайтаг, составляли незначительные участки. Мюльки в основном представляли собою участки, очищенные от кустарника, леса. Владельцы мюльков считали их своей собственностью и могли их передавать по наследству, продать и завещать. (О количестве земель, находящихся в пользовании узденских магалов Кайтага, см. таблицу № 2). В некоторых магалах земли не хватало.

Кроме частной собственности в узденской части Кайтага мы наблюдаем и общинную собственность. Здесь индивидуальная собственность сочетается с общинной. Обычно пастбища и леса оставались в пользовании джамаата. «Для этой части Кайтага,— пишет Р. М. Магомедов,— как одну из особенностей экономического строя, мы можем отметить полное отсутствие феодальных земель и наличие уцелевших остатков общинного порядка землепользования при наличии частной собственности на землю. Уздени, т. е. свободные крестьяне Верхнего Кайтага пользовались правом собственности на землю и никому ничем не были обязаны».¹⁵⁰ В то же время в узденской части Кайтага также, как в Нижнем Кайтаге, старшина джамаата имел право выбирать себе участок без жребия.¹⁵¹

М.-З. О. Османов выделяет три категории земель, «различающихся по степени развития феодальных отношений. К первой категории он относит земли Нижнего Кайтага, Кадар и некоторые другие селения, ко второй — часть селений Верхнего Кайтага и Кубачино-Даргинского нагорья; третьей, самую многочисленную группу — селения бывшего Акушинского союза союзов «вольных обществ» и Сюргинского союза.

На землях первой категории феодальные отношения были сравнительно развиты... Так, например, в селении Чумлы, крестьяне должны были внести в пользу владельца различные натуральные повинности, как например, обеспечивать их дровами, обмолачивать хлеб, скашивать, собирать, сушить и подвозить сено с угодий вла-

детелей, давать по их требованию транспорт или самим на арбе отвозить зерно, фураж и пр. куда укажут владельцы. Характерно, что пашни владельцев находились в Теркеме, а в Чумлы были только сенокосные угодья. Это показывает, что в процессе феодализации крупные собственники легче создавали большие владения за счет общинных земель, а не частных мюльков. Процесс феодализации зашел здесь не так далеко, как на плоскости, поэтому крупные массивы пахотной земли владельцы имеют в Теркеме, а в Чумлы только присвоенные общинные сенокосные угодья...

Вторая группа селений характеризуется тем, что феодальная зависимость выражена здесь в менее четкой форме. Селение входит в какое-либо феодальное объединение, подчиняется политической власти владельца, поставляет в случае необходимости воинов, но непосредственной экономической феодальной зависимости мы здесь не находим; феодальная рента выступает здесь в замаскированной форме, например, в виде подарков от общины за пользование ханской землей, в виде предоставления представителям бекских фамилий права выбора участка без жребия, в виде огромных помочей, устраиваемых для выполнения сельскохозяйственных работ на бекских землях и т. п...»¹⁵² Следует еще отметить, что «ятаги и пастбищные горы кайтагских феодалов были прежде почти исключительно пастбищами. Сельские общества имели, согласно установленным обычаям, право пользоваться этими пастбищами для своего скота и иногда производили распашку. Теперь кайтагские феодалы стали лишать крестьян этих прав и производили на этих землях собственные распашки. Как общее правило, до начала XVIII в. все выморочные земли поступали обыкновенно в распоряжение сельского общества, а к началу XIX в. выморочные райтские земли поступали уже в распоряжение бека.

Все это свидетельствует о тех изменениях, которые происходили в судьбе узденского и райтского населения Кайтага и об усилении феодальной эксплуатации, о развитости процесса закрепощения узденей».¹⁵³

Что касается райтского Кайтага, то земля здесь подразделялась на общественную и мюльки. В отличие от Верхнего узденского Кайтага, «здесь, хотя и существовала поземельная община, но все земли, занимаемые ею, принадлежали беку, с разрешения которого община делила их между собою по числу рабочей скотины, полагая на каждую по 50 саб. Дележ пахотных земель производился ежегодно на участки по числу плугов. В плуг обыкновенно впрягали четыре пары буйволов.

Так как не всякий теркемеец имел их на полный плуг, то в каждом плуге участвовало несколько дворов. На полуживом таким путем участке пахота, сев, жатва и обмолот производились силами и средствами всех участников «плуга». Урожай делился

между дольщиками пропорционально числу рабочего скота. Не имеющим рабочего скота отводился особый участок. В Берикее и Уллу-Терекеме отводились особые участки и кузнецам. Такие участки обрабатывались обыкновенно теми из поселян, которым кузнец чинил в течение года какие-либо железные инструменты». ¹⁵⁴ Обычно односельчанам кузнец выполнял работу бесплатно.

Что касается покосных земель, то раздел производился таким же путем — пропорционально числу рабочего скота. ¹⁵⁵

В узденском Кайтаге общественная земля распределялась ежегодно. В отличие от раятского Кайтага, делалось это без вмешательства бека, но не по плужному принципу, а по хозяйству, двору. Как отмечает Р. М. Магомедов, подобный порядок землепользования встречается только у кумыков «и то не везде. Остальной Дагестан его к этому периоду (XVIII—нач. XIX в. — Б. А.) не знал». ¹⁵⁶

Следует отметить, что не все селения Кайтага располагали достаточными пастбищными землями, а некоторые джамааты их вовсе не имели. Поэтому пастбища часто находились в совместном пользовании нескольких селений. Так, жители селений Маджалис, Ахмет-Кент и Санчи имели общий общественный выгон и лес; лесом, которым пользовались жители селения Чумлы и других селений магала Маджалис-Катта, пользовалось селение Янгикент. Жители селений Туменлер, Янгикент и Маджалис также пользовались одним лесом, а лесом, которым пользовались жители селения Янгикент, пользовались и жители селений Чумлы, Туменлер, Молла-Кент; лесом, находящимся в пользовании жителей селения Гулли, пользовались башлиңцы. ¹⁵⁷

Жители джамаатов, которые не имели собственных пастбищ, нанимали их за определенную плату (зимой на плоскости, летом в горах). Магал Ицари в связи с недостатком своих пастбищных гор, брал их на откуп у соседей. ¹⁵⁸ Из всех магалов самыми обеспеченными пастбищами считались Ирчамуль и Кара-Кайтаг. ¹⁵⁹

В магалах Шуркант и Каттаган жители также не имели пастбищных гор, хотя в Магале Шуркант жители селений Абдашка, Джирабачи, Дакнирса и Беркли, а в магале Каттаган жители всех селений занимались овцеводством и пастбища им приходилось нанимать (зимой — на плоскости, летом — в горах). В магале Ирчамуль селения имели пастбищные горы: селения Турага и Кирадж совместно владели сенокосной и пастбищной горой Цуван (верхняя часть горы — пастбище, нижняя — покос). Селения Шиланша и Барша также имели общую сенокосную и пастбищную гору Диглян; а селения Бартуа и Ургаа имели общую сенокосную и пастбищную гору Агли-Дирба. Селения Тама и Ганаки также имели общую пастбищную гору, а селение Адага владело отдель-

ной горой. На этих горах жители перечисленных селений не только пасли свой скот, но отдавали пастбища в наем.

Что касается магала Кара-Кайтаг, то и здесь почти все селения имели пастбища. Одни селения (с. Джихбахни) имели отдельные пастбища, а другие совместные. Так, например, селения Джавгат и Рука имели одно общее пастбище, а селения Кулегу, Машаты, Хадага пользовались общими пастбищными угодьями. Селения Газия, Баршамай, Каргалай и Карацан также имели общее пастбищное место. Таким образом, общественные выгоны так или иначе имели почти все селения. ¹⁶⁰

Не все селения имели лес. Так, например, в магале Ицари леса было очень мало. По этой причине для топлива широко использовался кизяк. Магалы Каттаган и Шуркант имели лес «в совместном пользовании нескольких селений; в магале Ирчамуль при каждом селении есть лес, но не везде строевой; магал Кара-Кайтаг изобилует лесом, лес по Кара-Сырту находился в общем пользовании жителей всего магала; лес, лежащий на плоскости под названием Уллумеша, находился в исключительном пользовании жителей селений: Газия, Баршамай, Караталай, Карацан и Джинаби, а лес под названием Угру-меша — в исключительном пользовании селений Рука, Джавгат и Джихбахни.

Кроме перечисленных земель, жители магала Кара-Кайтаг имеют сады внизу почти на плоскости, а в пользовании жителей магала Ирчамуль находится земля, лежащая ниже каракайтагских садов, под названием Утар-Кутан, служащая зимним пастбищем для их скота, они имеют сады вместе с Каракайтагцами. «Сверх сего 6 селений магала Ирчамуль имеют право пользоваться солеными озерами на берегу моря, в Терекеме, два весенних месяца. Право это принадлежит селениям: Антиль, Кирцук, Варсит, Киркия, Шиланши и Барша». ¹⁶¹

Как уже отмечалось выше, значительная часть земли в Кайтаге принадлежала феодалам. Они владели не только пахотной землей, но и пастбищами. Гербер, в частности, отмечает, что кайтаги имеют «довольно пашен, садов и речек, ... а особенно имеются добрые луга для корму скотины и баранов, чего ради акулиңцы и многие таулиңцы баранов своих зимним временем сюда на корм пригоняют, и за то успею положено пошлин платить. И повеже каждую зиму более 100000 баранов здесь кормятся, успею от того немалые доходы приходят». ¹⁶²

Уже упоминавшиеся авторы — Тихонов и Серебров, также писали, что «имеющиеся в удмиевом владении кутаны на плоскости некоторые принадлежат самому удмию, а другие, подаренные им за услуги своим чиновникам, отдаются на зимнее только время в наем горским жителям, смотря же по величине оного кутана и его выгодам и полагают за оной и число баранов». ¹⁶³

В свое время уцмий отдал жителям селений Абдашка и Турага гору Дубасара, «которая до сего времени находится в их пользовании под хлебопашеством и покосами».¹⁶⁴

Кайтагские феодалы умело использовали свои кутаны, извлекая для себя экономические выгоды. «На девять месяцев кутаны отдавались на откуп горцам, а с весны до осени ими пользовались сами кайтаги, терекемейцы и кумыки.

На кутанах находились нефтяные колодцы и соляные озера, принадлежащие уцмию, которые отдавались за определенную плату, в пользование как местным жителям, так и горцам...»¹⁶⁵

Кайтагские уцмии располагали не только хорошими пастбищами, но и землей для ведения земледелия, хотя «кайтагские феодалы не вели широкого земледелия, и земли под пашни занимали второстепенное место в их хозяйстве... После смерти уцмий земли, входившие в его владение, делились между его наследниками — беками. Но делились между наследниками не все земли, а только ненаселенные, так называемые кутаны, т.е. зимовники и пастбища. Земли же находящиеся в общественном пользовании поселян, не делились. А как же обстояло дело с теми населенными пунктами, которые переходили во владение бека или нескольких лиц? В этом случае делились не земли, а выделялось число крестьянских дворов. Так как внутри общины передел земли между крестьянами производился не на равные части между дворами, а по количеству рабочего скота, то, следовательно, изменился и надел, которым пользовались поселяне, отбывавшие повинность известному беку».¹⁶⁶

В экономическом строе кайтагов исследователи отмечают и очень своеобразный вид поземельных отношений между кайтагскими беками и райатами. Петухов писал, что в Кайтаге, как повсюду, «тогда феодально-зависимые крестьяне наделялись беками землей под пашню. Отведенный участок земли считался крестьянским наделом. Но крестьянин на эту землю имел ограниченное право. Он своим участком земли мог пользоваться только в период сельскохозяйственных работ (с весны до осени). Осенью земли, занятые под распашку и считавшиеся крестьянскими наделами, бек отдавал в откуп горцам овцеводам для зимней пастбы, получая вознаграждение по барану с сотня. Это называлось «бекским правом пастбы».¹⁶⁷

Причину такой высокой цены пастбищам в хозяйстве уцмий Кайтагского Р. М. Магомедов видит в том, что «Этот вид земельной собственности для уцмий и его беков был более выгоден. Пастбища были экономической базой не только для Кайтага, но и для соседних общин, не входящих в уцмийство. Обладание пастбищами для кайтагских феодалов было средством укрепления своего влияния на соседние сельские общины, нуждавшиеся в пастбищах. С помощью пастбищ уцмий рассчитывали, видимо, приобрести к своим владениям многочисленные соседние сельские об-

щества. Что касается хлеба для нужд уцмийства, то он вдоволь доставлялся райатами Терекеме».¹⁶⁸

Из других видов землевладения в горной части Кайтага следует назвать мечетские земли, которые имелись во всех джамаатах. Обычно это были земли пахотные и покосные. Земли эти по роду пользования делились на три категории. К первой категории относились земли, которыми пользовались наследники завещателя с уплатой вакуфа; ко второй — земли, переданные в распоряжение общества, которыми пользовались жители села тоже с уплатой вакуфа; к третьей — земли, находившиеся в непосредственном распоряжении мечети, которые обычно отдавались жителям села в аренду с условием внести в мечеть определенную часть урожая. За землю двух первых категорий вакуф с пахотных земель вносился пшеницей, а с покосных — салом. Из этой пшеницы выпекался хлеб, который раздавался всем, кто приходил на вечерний намаз в месяц Рамазана и муталимам; сало употреблялось на освещение мечети.¹⁶⁹

В магале Ицари мечетские земли были разделены между всеми жителями, которые платили в мечеть по 10 батманов печеного хлеба с каждой сабы земли.¹⁷⁰

По данным посемейных списков 1886 г. из 113 населенных пунктов—(15510 хозяйств) Кайтага-Табасаранского округа 48 отбывали подати и повинности феодалам.¹⁷¹ Феодалные повинности в Уцмийстве в зависимости от категории зависимого населения были разные. В самом тяжелом положении находились жители раятского Кайтага-терекеменцы. Здесь получили развитие «все три формы докапиталистической земельной ренты: отработочная, продуктовая и денежная».¹⁷² Размер и виды натуральных повинностей, отбываемых раятами бекам, зависели от произвола беков, и они часто бывали такими обременительными для поселян, что за «освобождение от них или уменьшение оных они готовы бывают отказываться от пользования частью общественных земель...»¹⁷³

Жители магалов Маджалис-Катта (сс. Маджалис, Санчи, Ахмед-Кент, Иричи, Дарша, Чагдыкна) и Верхнее Терекеме (Гулли, Молла-Кент, Янгикент, Туменлер, Чумлы) на барщину к уцмию не ходили, но давали с каждого двора «масла и мед» по «состоянию земледельца». Сюда не входило то, что давали тем владельцам, которым «принадлежали оные деревни».¹⁷⁴ Зависимость жителей этих магалов от бека выражалась в том, что они обязаны были доставлять дрова и колючки для ограды сада в дом бека. В магале Маджалис-Катта жители доставляли беку две арбы дров и одну арбу колючки для ограды сада, а также сено, саман и траву для содержания одной лошади, принимали бекских кунаков. Нукерами же у беков жители Маджалис-Катта служили только по своему желанию, и таким беки давали лошадей, оружие и одежду.¹⁷⁵ Размер повинностей для жителей селений Чумлы, Туменлер и Янгикент обычно зависел от количества лошадей и рабочего скота у бека. Кроме того, «Поселяне дают своих лошадей для посылок по надобностям бека. повинность эта зачитается в очередь с арбами; выставляют нукеров; доставляют дрова в дом беков и дают арбы по другим надобностям беков; заготавливают и перевозят материал для постройки дома, казмы и заборов для беков; иногда работают при постройке заборов и при починке дома бека, что продолжается не более одного дня. На полевые работы для беков не выходят: только жители сел. Туменлер иногда эврезом жнут хлеб бекский один день в году и косят сено один день в году».¹⁷⁶

Следует отметить, что эти повинности не были одинаковыми для всех трех селений (Туменлер, Чумлы, Янгикент). Кроме того, не все повинности были постоянными. «Главнейшая из всех видов этих повинностей есть арбяная».¹⁷⁷ Так, например, в сел. Туменлер отмечено наибольшее число арб дров. «Это происходит от того, что беки этого селения круглый год живут в нем... Число арб,

выставляемых жителями сел. Янгикент, потому наименьшее, что беки там не проживают зимою, через это значительно сокращается размер доставляемых в их дом дров».

В одном из документов приводятся показания жителей сел. Чумлы, где говорится, что «прежде они давали арбы только для перевозки бека с семейством, если оно куда-нибудь ехало, доставляли дрова в дом бека в селении и перевозили хлеб бекский на мельницу и обратно в дом бека. Теперь же исполняют и другие повинности; что прежде был один бек и ему отбывали меньше повинностей, а теперь три и каждому отбывают больше повинностей...»

Муллы, старшины и чауши освобождены в этих селениях от повинностей бекам; нукеры бекские тоже освобождаются от всех других повинностей».¹⁷⁸

Жители этих трех сел платили и в казну по 2 руб. в земский сбор и исполняли натуральные земские повинности.¹⁷⁹

Следует еще отметить, что население магалов Маджалис-Катта и Верхнее Терекеме (за исключением селения Туменлер) в разное время по разным поводам «перешли в ведомство казны, но потом два из них, Чумлы и Янгикент были отданы бекам. Таким образом, в зависимости от беков оставались селения Чумлы, Туменлер и Янгикент. Кроме того, в селении Маджалис было несколько дворов евреев также подвластных бекам. «Затем все же селения магала Маджалис-Катта и сел. Гулли считаются казенными, но в казну, кроме двухрублевого земского сбора другими податями не обложены...»¹⁸⁰

Трудно определить происхождение зависимости селений этих двух магалов. Возможно эта зависимость произошла от того, что «селения эти образовались с разрешения уцмиев, которые, как правители Кайтага, могли простирали свои права на все ненаселенные земли и на этом основании наложить на переселенцев некоторые обязательства, или, как объясняли поверенные некоторых селений, что общества их были слабы и за покровительство, оказываемое им уцмиями, подчинялись их непосредственной власти и стали служить им, т. е. отбывать им некоторые натуральные повинности, право на взыскание которых впоследствии перешло по наследству их потомкам-бекам».¹⁸¹

По другим сведениям селения этих магалов поселились на ненаселенную землю, которая «никому исключительно не принадлежала, кроме уцмий».¹⁸² Так, например, «жители сел. Чумлы (за исключением 2 дворов, происходящих от чагар) считают себя выходцами из Верхнего Кайтага и, не указывая времени поселения, объясняют это так: «Предки наши были бедные люди; найдя место настоящего поселения удобным, расчистили из-под леса для себя пашни и покосы и образовали селение...»¹⁸³

По преданию, селение Молла-кент тоже образовано выходцами

из горного Кайтага (Даргинский округ и из сел. Хушаха). «На месте этого селения, по преданию, было прежде селение, носившее то же самое название, жители которого во время чумы все погибли. Нынешнее сел. Мола-кент образовалось во время управления Кайтагом Джамов-бека, который, разрешив селиться на этом месте, заключил с переселенцами условие, по которому они обязались по истечении 30 льготных лет доставлять ему по одной арбе дров».¹⁸⁴ Однако Джамов-бек в это время был управляющим Кайтагом, поставленным русским правительством и поэтому «как видно из протокола Дербентской комиссии, не простирали свои права на это селение, ибо оно в оных не значится; тогда как все земли и селения, на которые предъявляли свои права беки, записаны во вторую графу этого протокола.

Жители этого селения и теперь не отбывают повинностей бекам. Когда стали селиться в Мола-Кенте, места прежде бывшего поселения заросли уже лесом, так что новые переселенцы и до всего времени расчистили для себя лишь небольшие участки под пашни и до 30 саб земли для общественного выгона; покосов же своих не имеют и нанимают их у жителей ближайших селений».¹⁸⁵

Из всех узденских обществ селение Башлы находилось в более тесных отношениях к уцмием. Башлинцы видели в нем своего предводителя и защитника от врагов (внешних и внутренних) и поэтому отдавали в его распоряжение всех своих тулганов (земскую стражу), словом, вверяли ему в некотором роде исполнительную власть и в вознаграждение за это предоставляли ему некоторые материальные выгоды.¹⁸⁶ В частности, «Уцмий имел право пасти свой скот на землях башлинцев и мог отдавать их пастбища в аренду, однако, с уплатой обществу Башлы части дохода (восьми баранов с каждого ятага). В пользу уцмий поступала половина штрафов, взыскивавшихся в сел. Башлы за убийство, воровство и увоз женщины. Суд башлинцев был независимым от уцмий».¹⁸⁷

Совсем другая картина была в Верхнем Кайтаге. Жители этой части Кайтага считались свободными и независимыми от уцмий. Исключение составляли некоторые общества, которые платили подати и отбывали повинности в пользу уцмий и беков. «Капитан генерального штаба Прушановский отмечал, что почти все горные магалы в прошлом находились под юрисдикцией уцмий Кайтагского, платили подати, в частности даже вышеупомянутые Каба-Даргуа, Сюрга и др. «Но с уничтожением уцмийства, после уцмий Адильхана, — пишет Прушановский, — из одного целого Кайтагского народа, привыкшего столетиями признавать над собою власть, породились несколько демократических обществ, независимых одно от другого и не признающих власти русского правительства».¹⁸⁸

Узденских магалов в Верхнем Кайтаге было восемь. Каждый магал составлял отдельный и независимый союз. Из них непосред-

ственно кайтагских магалов было пять (Маджалис-Катда, Шур-каит, Ирчамуль, Каттаган, Кара-Кайтаг).

Лишь в случае внешней угрозы эти магалы объединялись в общий союз под названием Уцмий-Даргуа и под предводительством уцмий.

Уздени некоторых селений Верхнего Кайтага также платили уцмием некоторые натуральные подати* маслом, медом, сыром, овцами. Так, жители магала Ицари платили уцмием следующие подати: 30 баранов, 30 ягнят, 20 козлов, 20 козлят; жители селения Шари — 20 баранов, 20 ягнят, 10 козлов, 10 козлят и 2-х годовалых телят; общество Чагры — 21 батман (один батман — 6 фунтов) масла; общество Сона-Кара — давало 9 веревок для увязки вьюков с маслом, «которое давали чагринцы, одну сабу ячменя для лошадей нукера уцмий и один шерстяной чувал для нукера». Общество Абдашка платило маслом, а жители селения Турага вносили либо масло, либо сигязи, либо хлеб.¹⁸⁹

Сложно объяснить происхождение таких обязательств по отношению к уцмием. Сами жители магала Ицари объясняют это тем, что магал «их составлял слабое общество и очень часто подвергался нападениям сюргинцев и кайтагов. Не имея сил и возможности самим защититься от них, ицаринцы якобы обратились за помощью к уцмием и с тех пор они находились под его покровительством, за что и обязались платить ему дань. Уцмий нашел способ усмирить кайтагов и сюргинцев. Последние постоянно приходили в Терекеме для торговли солью, хлебом. Здесь уцмий без особых проблем мог хватать и арестовывать их за набеги на ицаринцев.

Что касается обязательств жителей селений Абдашка и Турага, то это случилось после того, как уцмий отдал им принадлежащую ему гору Дубасара».¹⁹⁰

Таким образом, нельзя утверждать, что Верхний Кайтаг совершенно не знал классового деления. По данным Временной земельной комиссии, в 1908 г. в Кайтаго-Табасаранском округе «в 40 селениях было 3662 дыма, подлежащих освобождению от зависимости беков с выкупной платой в 18612 руб.»¹⁹¹

О взаимоотношениях кубачинцев с уцмием Е. М. Шиллинг писал: оказывается «обязательства кубачинцев перед уцмием заключались в уплате годовой натуральной повинности, особых взносов за проезд через землю владельца (в том числе и взносов за провозимые товары), в плате за пользование пастбищными участками, принадлежащими уцмием, в подчинении уцмием при решении дел, касавшихся взаимоотношений между Кубачами и другими обществами, и в признании за ним прав «внешнеполитических».¹⁹²

* Подати эти по конфискации имений и доходов уцмий долгое время поступали в казну в том же виде, впоследствии взамен этого жители были обложены земским сбором по 2 руб. со двора (См.: Феодалные отношения. С. 220.)

Из всего сказанного выше можно сделать следующее заключение. Еще в начале XIX в. у кайтагов господствовали феодальные отношения. В горной части они были менее развиты и переплетались с пережитками патриархально-родовых отношений. Здесь отношения между крестьянами и землевладельцами в определенной мере регулировались адатами, в равнинной части, особенно Терекеме господствовало «неприкрытое крепостное право».¹⁹³

В то же время в целом «для всего Кайтага характерным признаком надо считать использование в производстве, с одной стороны, труда раята, т. е. крепостного, и, с другой стороны, труда «свободного общинника».¹⁹⁴

Органы власти и управления

Во главе всего Кайтага (феодалного и узденского) стояли уцмий. Как было сказано выше, жители узденского Кайтага, за незначительными исключениями, были свободные люди, которые пользовались полным самоуправлением и выборным судом, и не отбывали никакому лицу каких либо податей и повинностей, тогда как жители плоскостной части—Терекеме всегда находились в зависимости от беков и обязаны были нести различные подати и повинности, «управлялись теми же беками, которым принадлежало и право суда над ними».¹⁹⁵

Хотя все магалы узденской части Кайтага и Терекеме и составляли общий большой союз под названием Уцми-Дарга, главою которого признавался уцмий, но полного политического и правового господства уцмий в Кайтаге не было.¹⁹⁶ Тем не менее, уцмий поддерживал с узденскими джамаатами и при определенных ситуациях находил у них взаимопонимание и согласие. Так, например, существовал обязательный обычай провозглашения уцмий на собраниях представителей только от узденских кайтагских джамаатов. Для узденского Кайтага было не безразличным, кто будет властвовать на их земле и поэтому они принимали самое активное участие в его избрании. Известен случай, когда «во время усобицы после смерти Эмир-Гамзы Али-бек, нарушив все правила наследования, захватил с помощью акушинцев власть в Кайтаге, и тогда кайтагцы восстали против самозванца, свергли его и избрали уцмием Устар-хана. Известен и другой факт. Когда узденское общество Башлы, где была резиденция уцмий, недовольное поведением уцмий, изгнало его из своего селения. Уцмий в связи с этим вынужден был перенести свою резиденцию в Маджалис...» И еще. Когда в 1801 г. неблагонамеренный поступок уцмий снова принудил кайтагов¹⁹⁷ «единогласно его, Рустам-хана лишить уцмийского достоинства и возложить оное на высочайшего Магомед-Рази-Хана, сына покойного Алихана...»¹⁹⁸.

Еще раньше, в 1718 году, уцмий Ахмед-хан писал дворянину Лопухину, «что у него дорога не заперта, что хочет тот едет, а что взять на свои руки и проводить в опасных местах до Тарков, тово де я сделать не могу, потому что меня сживут каракайтаки, которые никто унять не может».¹⁹⁹

Рустем-хан также говорил, что «народ его владения есть вольный, мало ему повинуется и он не в состоянии принудить его к удовлетворению обиженных».²⁰⁰

Р. М. Магомедов считает, что во всем этом (о чем было сказано выше) мы должны видеть «не беспомощность уцмий, не его слабоволие или поблажки в применении своей власти над «народом», а своеобразие политического строя Кайтага. Это своеобразие, в частности, выразилось в том, что класс феодалов, политически еще не окрепший, не мог не считаться с такой внушительной силой, как узденские джамааты, объединенные в магалы».²⁰¹ Все это в свою очередь показывает ограниченность власти уцмий в Кайтаге.²⁰²

Хотя узденские джамааты всячески старались сохранить свою независимость, внутреннее устройство, но и они нуждались в покровительстве уцмий. Граница с Дербентом, Кайтаг часто подвергался нападениям извне (Иран, Россия, Турция и др.), а в лице уцмий они видели военачальника, который мог в любой момент защитить как их, так и весь Кайтаг. В случае неизбежности войны, уцмий действовал «совместно с главами магалов, и вопросы войны или мира не могли быть решены без народных сходок, без собраний, на которых присутствовали представители джамаатов».²⁰³ В записке о сословно-поземельном строе в Кайтаге также написано, что в случае войны по-первому же призыву уцмий точно так же, как беки со своими подвластными, узденцы обязаны были ополчаться. Но это делалось лишь в том случае, если вопрос о войне был решен на общем народном собрании узденских джамаатов.²⁰⁴

В то же время по отношению к раятам уцмий оставался полновластным господином. Именно «это необычное положение уцмий в Кайтаге выделяло его среди других дагестанских владельцев. В раятском Кайтаге уцмий выполнял функции государственного управления и суда, издавал законы и держал военные силы... Высшими сановниками уцмий являлись везиры, за ними следовал назир, а затем шел мирза».²⁰⁵

По некоторым сведениям уцмий имел и специального сборщика пошлин.²⁰⁶

В административном отношении уцмийство делилось на бекства. Каждый бек на своей территории производил суд. Обычно их отношения к раятам должны были строиться на адатах и на постановлении Рустем-хана, хотя на деле беки чинили суд и расправу над своими раятами по своему усмотрению и желанию.

Суд в узденских джамаатах был совершенно самостоятельным.

Здесь имелись свои судебные и исполнительные органы, независимые от уцмий и свой апелляционный суд. Как отмечается в Записках о сословно-поземельном строе в Кайтаге со ссылкой на показания полковника Ахмет-хана, «гаттым (наследник уцмий) один раз в год объезжал все узденские селения и производил суд, но не иначе, как при помощи и в присутствии местных картов («судей»». ²⁰⁷

В узденских селениях для разбора как уголовных, так и гражданских дел джамаат выдвигал из своей среды почетных лиц (картов),* старшин («хулель», в некоторых селах — кевха), кадия для решения дел по шариаду. Обычно кевхи разбирали дела по адату. Кроме кадиев, старшин и почетных лиц были еще и другие члены сельского управления. Это, в частности, мангуши (чоуш по-кайтагски) — глашатай и тулгаки или чильми (надсмотрщики, помощники старшии). На каждый магал было по одному мангушу (чоушу). Обычно они постоянно жили в главных селениях магала. Так, например, урчамульский мангуш жил в Варсите, Кара-Кайтагский — в Джибахнях, Шуркантский — в Лища и т. д. В обязанности мангушев входили созыв жителей на сход, взыскание штрафов и исполнение приказаний старшин, приглашение картов для разбора судебных дел, созыв тулгаков. В случае необходимости они объезжали все селения магала и объявляли народу, чтобы он собрался в такой-то день и на такое-то место. ²⁰⁸

Тулгаки (чильми) — стражники были в каждом селе, но число их было не везде одинаково. «Во всем Кайтаге до Адиль-уцмий было 300 тулгаков, а после его смерти — 150» ²⁰⁹. В обязанности тулгаков входило наблюдение за порядком в общественных местах. Им вменялось выгонять жителей на полевые работы; по приказанию старшин взыскивать штрафы; выселять из дому канлы, если на данный момент родственники скрывали его. С тех, кто отказывался подчиняться приказу тулгака, последние имели право взыскать с виновного штраф (быка или его стоимость). Кроме того, если старшины отдают обществу приказания не копать марены, не косить сена или не собирать фруктов раньше определенного дня, а кто-нибудь из жителей ослушивался их приказаний и приступал к работам прежде назначенного времени, то тулгаки немедленно штрафовали ослушников. Или если кто-нибудь пускал свой скот на чужую пастьбу или в сады, тулгаки обязаны были захватить скот и держать его у себя до тех пор, пока хозяин скота не уплатит штраф за потраву. И еще. Если должник долгое время не удовлетворяет своего кредитора, тулгаки взыскивали с него настолько долг и удовлетворяли займодавца. ²¹⁰

Следует еще сказать, что в магалах Ирчамуль и Кара-Кайтаг

* В некоторых магалах карты назывались тамада. См.: Памятники обычного права Дагестана. С. 18—19.

тулгаки не назначались. Здесь в случае «сопротивления подчиниться решению суда лицо, которому следовало удовлетворение, прибегало к помощи своего тухума; через это по созданию поверенных этих магалов у них часто происходили споры между тухумами и убийства». ²¹¹

Были и другие различия в общественном строе магалов. Так, например, в одних магалах на должность кевхов, картов должны были избираться только из известных тухумов, в других — на эти должности избирались из среды всего населения. Так, например, в магалах Шуркант (кевхи), Каттаган (кевхи), Ирчамуль (кевхи) и Кара-Кайтаг (кевхи), а также карты избирались из известных тухумов. В магале Ицари карты избирались из среды всего населения.

В то же время «тухумов, которые бы пользовались наследственно особыми правами относительно общественного управления, в Кайтаге не было и нет, кроме Урчамульского магала. В Урчамульском магале было три тухума, пользовавшихся наследственно (правом) на общественное управление, — Кевха (в Шиланшах), Гасан-бек (в Киркия) и Басур (в Кирцике); из этих трех тухумов постоянно выбирались старшины, которым переходило наследственно это право от отца к сыну. По какому случаю этим тухумам предоставлено наследственное* право на общественное управление, кем оно предоставлено и когда? Наверное неизвестно. Только об одном тухуме Кевха и сохранилось небольшое и темное предание». Предание гласит, что «с давних времен вблизи деревни Шиланша была большая деревня Ирцыга, из которой постоянно в военное время выходило 80 всадников — 40 на белых и 40 на вороных лошадях. Во время разорения этой деревни персидским шахом (неизвестно каким) одна женщина с несколькими детьми спаслась бегством и поселилась в сел. Шиланши. С тех пор будто бы тухуму дано название Кевха и наследственное право на общественное управление». ²¹²

Что касается остальных магалов, где тухумы не пользовались наследственным правом на общественное управление, то и здесь очень часто старшины и карты постоянно выбирались из одних и тех же тухумов, но уже по желанию общества. В данном случае только лишь по той причине, что эти тухумы или представители тухумов пользовались уважением и почетом среди народа; «и кроме того, сами по себе (тухумы—Б. А.) были очень сильны; так, например, тухумы: Омар, Хасул-Ахмед, Галуа (в Джибахнях)... Аравлар, Панкя Адам и Наналар (в Карацане)... Казихан и Мерем-Магома (в Джирабачах), Ника-Магома (в Абдашке) и др...» ²¹³

* Одни говорят, что право им дано Абумуслимом, который будто бы вывел их из Аравии, а другие говорят, что персидским шахом. См.: Памятники обычного права Дагестана. С. 19.

Карты, кевхи и кадии были почти во всех селениях. Исключение составлял магал Ирчамуль, в состав которого входили 22 селения. Здесь было всего 3 старшины (Кевхи, Хулель) и один кадий. Они жили в селениях Киркия, Шиланши и Кирдик. Старшины обычно выбирались исходя из численности джамаата. Так, например, в «Каракайтаге всех старшин, имевших право на решение сельских дел, насчитывают — 30, в Джибахнях — 3, в Карацане — 5, в Баршаме — 5, в Хадаге — 1, в Рука — 2, в Карталае — 2, и т. д. В Шуркантском магале также были старшины в каждой деревне, но с той разницей, что на общественном месте большим уважением и большим правом, чем другие, пользовались всего четыре старшины, которых решения и приказания исполнялись (впрочем, не всегда) беспрекословно».²¹⁴ В целом же главным лицом в джамаате были кевхи.

Точно также и кадиев было по одному в каждом селе. Но «на общественном месте при разборе важного дела кадий избирался один (по желанию общества), более знающий и учнее».²¹⁵

Если стороны не были согласны с решением сельских картов, то апелляции на их решения поступали «в одних магалах к джамаату (обществу), из среды которых почетные люди решали дела, в других — к собранию всех картов, в третьих — к картам известного селения; в числе последних карты сел. Уркарах пользовались особым предпочтением, которые в своем селении решали дела безапелляционно; с апелляциями же жалобами обращались к ним не только жители этого магала (Гапш), но и других магалов — Муйре и Ицари».²¹⁶

Иногда, если спор возникал между жителями разных селений, то этот спор разбирали карты тех селений, к которым принадлежали тяжбущиеся, и если случалось так, что карты не смогли примирить тяжбущихся или стороны не довольны их решением, то дело разбиралось и решалось картами какого-либо постороннего селения».²¹⁷

Здесь еще надо отметить то обстоятельство, что если спорное дело касалось двух сел или двух магалов, его разбирали на границе спорных мест; а если же дело касалось нескольких сел или трех, четырех магалов, «выборные для решений или рассуждений собирались на особые общественные места».²¹⁸

Когда же собирались такие важные дела, как, например, кража, убийство, похищение девушки или женщины, спорящие стороны обычно отправлялись в главные селения, где дела, которые относились к адату, решались старшинами, а к шариату-кадием. Если стороны (истец и ответчик) оставались неудовлетворенными решением членов главных сельских управлений, «они требовали разбора своей жалобы на общественном месте в присутствии кадия, старшин и других почетных лиц всего магала. Тогда все старшины

магала, почетные лица по 2, по 3 или по 4 с каждой деревни (иногда целое общество) и кадии собирались в определенное место и подвергали разбору претензии спорящих; если же жалобщики оставались и здесь неудовлетворенными, один или оба, то тогда они ходили к уцмию, брали у него печать и отправлялись в Киша, где и оканчивали свой спор по уцмиевским адатам, решению которых они не имели права прекословить, а в противном случае, общество подвергало их строгому наказанию».²¹⁹ Следует отметить, что при разборе судебных дел, большое значение имели свидетельские показания. Свидетели обычно общались путем присяги и соприсяги. Такие свидетельские показания применялись как при разборе дел уголовного, так и гражданского характера.

Как уже было сказано выше, все дела по шариату решали кадии (духовные лица). Кадии были почти в каждом селении, за исключением магала Ицари. Здесь на все четыре селения был всего один кадий. Кроме сельских кадиев в каждом магале был еще главный кадий, к которому жители магала обращались в случае необходимости с апелляционными жалобами на решения сельских кадиев. Случалось, что иногда с апелляциями обращались к кадиям совершенно из другого магала, а в некоторых случаях даже к акушинскому кадию. В Нагорном Кайтаге особенным предпочтением пользовались уркарахский и кубачинский кадии. К ним с апелляционными жалобами часто обращались жители других магалов. Кадии обычно избирались из людей, знающих шариат и известных своею справедливостью, порядочностью, авторитетом. А вот в магале Кара-Кайтаг и в магале Ирчамуль первенствующие кадии избирались из одних и тех же тухумов обществом всего магала. Первый кадий жил в селении Карталай, а второй в сел. Тама. Оба эти тухума, из которых избирались первенствующие кадии, были известны обществам особым знанием и соблюдением шариата.²²⁰

Члены сельского управления получали определенную плату за свою службу. Правда, она была различна в разных магалах, обществах. Так, например, в магале Ицари кадий получал от общества покосное место на 20 вьюков сена; если же кадий был избран не из общества их магала, то сверх всего он получал по 15 баранов в год.²²¹

Определенную плату кадий получал и за исполнение обрядов при смерти человека, при совершении — кебина, при разделе оставшегося имущества между родственниками; при разделе общественного леса или сенокосного участка, за написание бумаги о продаже имущества и об отдаче на откуп кутана, пастбищного места и т. д. Следует сказать, что все члены сельского управления (кадий, хулель, мангуш, тулгак) не отбывают никаких сельских повинностей. Кроме того, вода кадию для полива пахотных участков давалась два раза в год вдвойне и без очереди.²²² «За написа-

ние кадием доверительного акта, присяжного листа, контракта или бумаги на право торговли в деревне и других деловых бумаг кадий получает 4 руб., старшина — 3 руб., старший мангуш — 1 руб., младшие — по 50 коп.; кроме всего этого кадию полагалось в год от 8 — до 10 руб. деньгами, или баранами». ²²³

Старшина, как правило, за свою службу не получал никакой платы. Что касается тулгаков и мангушей, то за исполнение своих обязанностей, они получали часть штрафов. ²²⁴ Обычно две части штрафа получали тулгаки, а третью — мангуши. Старший мангуш без очереди пользовался еще водой (вдвойне) для полива своих пахотных участков. ²²⁵

Что касается картов, то, в магале Ицари, например, они за исполнение своих обязанностей получали также часть штрафов, взыскивавшихся с жителей за преступления и проступки, и освобождались от очередной караульной службы. В других магалах или тухумах, где право быть избранным в карты и в кевхи принадлежало только известным тухумам, они кроме освобождения от караульной службы, не получали от общества никакого вознаграждения. ²²⁶

Таким образом, из сказанного можно заключить, что взаимоотношения уцмий с узденями и вольными джамаатами регламентировались адатами. Уцмий в отношении к узденям являлся предводителем в военное время «и первым лицом во внешних делах, касающихся всего Кайтага. Многочисленные факты говорят, что даже в этом случае в соглашении о перемирии, наряду с уцмиями, вступали и наиболее сильные джамааты и магалы. Они также давали обязательство в дружелюбии». ²²⁷ Уцмий не имел права распоряжаться судьбами вольных джамаатов, самопроизвольно творить суд, нарушать адаты, вести войну и т. д., когда это касалось всего Кайтага — раятского и узденского, без санкции на это со стороны узденских джамаатов.

Выше мы уже попытались разобраться в политической структуре узденского джамаата Кайтага «и показать место и роль этого фактора в системе уцмийства». ²²⁸ Как и в Нагорном Дагестане, в Кайтаге «В сфере экономической каждый член общины обладал правом на недвижимую частную собственность и на совладение территорией общины». ²²⁹

Здесь мы постараемся показать роль сельской общины и входящих в нее тухумов в производственной, общественно-политической и культурной жизни населения узденского Кайтага, уточнить права и обязанности членов общины и т. д.

Известно, что «являясь низовой территориальной организацией общества, сельская община регулировала всю производственную и общественно-политическую жизнь села. Она всецело распоряжалась землей, находящейся в общественном пользовании (пахотной, пастбищной, сенокосной и лесными участками), ведала ирригационной системой. ²³⁰ Кроме того, община занималась вопросами аренды земельных участков (община могла сдавать и брать участки в аренду), она же занималась распределением воды для орошения; регулировала взаимоотношения с другими обществами. «Большое значение община придавала охране земель от потравы посевов, вопросам выпаса скота, найма пастухов и др. Оборона села, защита его от внешнего нападения, сбор в необходимых случаях общего ополчения также входили в число важнейших обязанностей сельской общины». ²³¹ В компетенцию общины входила также защита целостности территории. Община контролировала и организовывала выполнение общественных обязанностей (трудо-вые — строительство мечетей, дорог, источников), ремонт или строительство кузницы, культовых мест, организация народных праздников. Она принимала участие в распределении вакуфной земли и доходов от нее. Значительной была роль общины в примирении кровников и т. п.

Как мы уже отмечали выше, раятскими селениями управляли беки. Поэтому роль общины в этих селениях была незначительна, хотя и тут бек опирался на общинную верхушку, защищая ее экономические интересы. Говорилось также, что для решения внутриобщинных и внешнеполитических дел созывался сход всего джамаата. На сходе принимало участие обычно все мужское население, но решающее слово всегда принадлежало главам влиятельных тухумов. Одним из главных лиц в джамаате оставались и кевхи.

На общем собрании узденей (основном политическом органе узденских джамаатов) происходили выборы и назначения должностных лиц (судебных и исполнительных органов) и принятие за-

конодательных актов. Обычно на эти должности избирались почетные, отличающиеся своим умом, авторитетом и влиянием люди. «В компетенцию собраний входил самый широкий круг вопросов военного, гражданского и уголовного характера, и по ним выносились специальные постановления. Для решения особо важных и спорных дел, возникавших между джамаатами и владельцами, созывались специальные собрания с участием почетных представителей из совершенно отдаленных земель. Решения, вынесенные таким порядком, назывались «маслагатскими» постановлениями. Все решения такого собрания — этого высшего политического органа узденей — считались обязательными для всех».²³²

На сходе чаще всего обсуждались вопросы, связанные с землепользованием и водопользованием, с наложением штрафов, строительством и ремонтом оросительных систем, ремонтом дорог и мостов и т. д.

Сходы проводились в специально для этого отведенных местах в центральных селениях магалов, где участники сходов располагались строго по тухумам. Такими местами собраний для урчамульцев было селение Варсит, шуркантцев — сел. Лиша, в Каракайтаге — селение Джибахни, в магале Ганк-Кубачи и Кища. К селению Кища у кайтагов было особое отношение. Здесь хранились уцмиевские адаты.

В перечисленные выше села приходили с жалобами и люди из других сел для разбора своих претензий, если они оставались недовольны решением местного сельского управления. Кроме перечисленных сел, каждый магал в Кайтаге имел еще «особенные места, куда они собирались для рассуждений или решений по общественным делам. Так, например, каракайтагцы собирались на возвышенном месте вблизи деревни Кулегу, называемом «Гули-Гули-Гадда», урчамульцы — на ровном и большом месте между селениями Варсит и Киркия, называемом «Декаллашара», шуркантцы — на возвышенном месте вблизи деревни Лиша: «Мукрукат»; уркарахцы — на возвышенном месте «Аф-ка»; это место служило общественной сходкой для трех магалов — Гапша, Ганка и Ицари..., каттаганцы на месте «Межгили». Здесь также собирались жители Урчамульского, Каракайтагского и Шуркантского магалов для рассуждений и решений по общественным делам».²³³

Перед отправлением для решения спорного вопроса между истцом и ответчиком часто возникал спор о том, в какое из названных сел идти со своей жалобой. Спор разрешался так: жалобщики бросали жребий, и чей жребий и с чьим именем деревни первый выпадал, туда и шли. Кроме того, они брали от общества к обществу бумагу, в которой излагалась подробно их жалоба.²³⁴

* Возвышенное место вблизи сел. Уркарах; оно прилегает к левой стороне дороги, идущей из Уркараха в Маджалис.

Иногда, в особо важных случаях (убийство важного лица, притеснение сильным тухумом слабого, сбор ополчения для защиты края от врага и т. д.), жители Верхнего и Нижнего Кайтага, в том числе и Терекеме, «собирались на «семее»* Джин-Такер,** на котором присутствовали все старшины, кадии, почетные лица и уцмий. Перед разбором дел от каждого магала назначалось несколько человек тулгаков смотреть за порядком. Эти же тулгаки по приказанию уцмий и других присутствовавших на семее лиц рассылались для наказаний виновных и взыскания с них штрафов».²³⁵

Учитывая сказанное выше, мы не можем утверждать, что узденские сельские общины Кайтага были совершенно обособлены от уцмий. Но уничтожить волность джамаата в Кайтаге в XVIII—нач. XIX в. «уцмиям, все-таки не удалось. Этому способствовало то обстоятельство, что джамааты Кайтага были объединены в магалы. Магал — это примитивная политическая организация узденских обществ — не давал в обиду своих членов, предохранял их от агрессивных поползновений со стороны феодалов и сумел сохранить волность джамаатов вплоть до падения власти уцмий в Кайтаге».²³⁶

После падения власти уцмий в сельском управлении, «как и во всей общественной жизни населения, стали происходить определенные изменения. Последние были вызваны необходимостью приспособления управления аулами к потребностям новой административной власти в Дагестане. Функции сельской общины теперь значительно сузились, но одновременно расширились функции сельского управления, особенно по части обслуживания дорог, нужд проходящих воинских частей и др.»²³⁷ Кроме того, согласно «Положению о сельских обществах», утвержденному главнокомандующим кавказской армией в 1868 г., сельский старшина (Кевха) и его помощник уже стали назначаться окружным начальником. Роль сельского схода (джамаата) в данном случае была сведена на нет. Выше мы говорили, что сельский кадий избирался сельским сходом (обычно на три года). Теперь же сельского кадия стали утверждать в должности военные власти. Еще в начале XIX в. (1820 г.) Ермолов сказал, что кевхи «должны утверждаться быть Российским в Дагестане начальником».²³⁸

Правда, одновременно повысилась и ответственность этих должностных лиц перед окружным и участковым начальством. Если прежде старшина отвечал перед джамаатом, теперь он должен был отвечать за все что происходит в закрепленном за ним участке, в первую очередь, перед администрацией округа.

* Возвышенное место.

** «Обширная долина, расположенная вблизи сел. Маджалис; она окаймлена наибольшим лесом и с одной стороны орошена рекой Улу-чай (ныне она под сенокосом) (См. Памятники обычного права, С. 24.)

Кроме того, по-новому «Положению о сельских обществах», решения сельского схода считались законными лишь в том случае, если в сходе присутствовал старшина или его заместитель».²³⁹

В то же время в «регуливании общественной жизни большую роль продолжали играть местные адаты, обычаи, традиции, которые передавались из поколения в поколение и охватывали почти все стороны общественной жизни народа. Однако сама жизнь вносила в кодексы народных правил свои коррективы. Эти изменения стали более ощутимы после создания новых административных учреждений, по мере распространения русского законодательства».²⁴⁰

Сельская община (джамаат) представляла собой очень сложную социальную организацию. Джамаат сам по себе не мог существовать и не существовал. Он обычно состоял из тухумов, которых в каждом селе бывало несколько. Среди них были тухумы сильные и влиятельные, слабые, большие и малочисленные. Следует отметить, что большим считался не тот тухум, где много людей вообще, а тот, который имел в своем составе много мужчин. Тухум не мог существовать изолированно от общества. По адатам тухум вне джамаата — не сила. «Честь джамаата была честью тухума. Поэтому общественный престиж джамаата должен был стоять высоко, и все его тухумы выступали за свой джамаат коллективно, представляя внушительную силу».²⁴¹

Мы уже говорили, что члены сельской администрации почти всегда выбирались из числа сильных и влиятельных тухумов.

Родственные (тухумные) связи в жизни общества имели большое значение. Каждый член тухума мог рассчитывать на материальную и моральную поддержку со стороны своего тухума. Важно отметить, что «сам факт существования тухума вызывал к жизни целый ряд обычаев и обрядов. Взять к примеру вопрос о чести тухума. Тухум ревностно оберегал свое достоинство, старался ни в чем не уступать и не делать никакого снисхождения по отношению к другим тухумам».²⁴² Приведем на этот счет несколько документальных фактов из адатов. Так, например, в одном из образцов адатов говорится, что «Когда между двумя тухумами произойдет драка, в которой будут убитые, и если убитых с обеих сторон равное число, то засчитывается кровь за кровь, а если с одной стороны больше убитых, чем с другой, то та сторона, в которой убитых больше, требует от противной стороны плату за превышающее число кровей. Если кто из раненых до своей смерти назначит, от чьей пули он умрет, то не принимая никаких отговорок, с названным лицом, поступает как с убийцей; в противном случае тухум, в котором больше убитых, требует предъявления нескольких пуль противной стороны на тот конец, чтобы выбрать себе канлы из числа убитых свыше своих».²⁴³

В подобных адатах, считает Р. М. Магомедов, «мы видим не

только связанность членов тухума, отстаивающих честь тухума мериллом «кровь за кровь» круговой порукой, это есть самое настоящее родовое возмездие».²⁴⁴

Адаты, например, ограждали членов тухума от простовщиков, от кабальной зависимости и разорения. В данном случае тухум выступал в защиту своих членов. Так, например, в адатах по долговым обязательствам сказано: «Если кто должен кому и в том не отказывается, но не имеет чем заплатить, то родственники его обязаны удовлетворить кредитора».²⁴⁵

В «Постановлениях» Рустем-Хана написано, например, что «Если кто-либо заметит своего родственника в дурных поступках, то родственники должны убить его; в противном же случае обязаны отвечать за все противозаконные его поступки».²⁴⁶

Члены тухума были связаны между собой тесными взаимными правами и обязанностями по отношению друг к другу. В случае необходимости они выступали как единое целое.

В любом случае особым авторитетом среди тухумов пользовались старшие члены тухума. С ними всегда советовались при решении важнейших семейных дел. Главы тухумов выступали в роли защитников или судей своих тухумов перед джамаатом. Они также выступали в роли маслаатчиков («шила холати») во время межтухумных конфликтов и т. п.

Кроме того, еще в «Постановлениях» Рустем-хана давались установления: «Если канлы из другого общества придет, то его принимать; кто придет и пожелает остаться в нашем обществе на жительство того принимать; у кадия, чоуша, нарочного, старика и ученика баранты не брать; если же кто возьмет баранту у упомянутых лиц, с того брать пени (3 рубля 60 коп.); если несколько лиц, сговорившись, пожелают отделиться от общества, то с таких брать тысячу кари хабцалдику; с того, кто поведет канлы на разбирательство по какому-нибудь делу к кадию или обществу, взыскивать сто кари хабцалдику».²⁴⁷

Адат констатирует, например, следующее: если какой-нибудь состоятельный представитель тухума не имеет своих детей и желает, чтобы его наследство перешло в руки другого тухума, он оставляет свой тухум и переходит в другой. Тот, кто желает отделиться, заранее должен взять от общества или уцмий бумагу «за которого обязан заплатить трехлетнего бычка (уцмию или обществу), а своему тухуму — само собою. Со дня получения бумаги он уже больше не принадлежит своему тухуму и живет, где вздумается (только не в своем тухуме)».²⁴⁸

Однако, случаи добровольного отделения родственника от своего тухума были крайне редки. Исключение в уцмийстве составляли только магалы Урчамульский (кайтаги) и Гамринский (с. Утемиш и Киркия). А вот случаи, когда сам тухум отказывался

от какого-нибудь своего родственника были во всем уцмийстве. К подобным мерам прибегали тогда, «когда кто-нибудь из членов тухума вел себя дурно: ворует, убивает, то за него тухум отвечает только до трех раз со стороны мужской и со стороны женской линий, притом ему даются неоднократно наставления об исправлении.

После всего этого, если член тухума не исправляется, его убивают или отделиают. Обряд при отделении родственника обыкновенно совершается следующий: все родственники тухума собираются в определенное место посреди деревни и подле моста, причем присутствуют и посторонние. После долгих совещаний тухум по общему соглашению составляет бумагу (...в Шурканте ее называют «хумбекла», а в остальных местах Кайтага — «Зоркан-кагъар», которую здесь же на месте пишет деревенский кадий и отдает ее отделенному родственнику. Содержание этой бумаги следующее: «Мы, родственники такого-то тухума, отделием из среды своей таксо-то за его дурное поведение, и с этой поры, если кто-нибудь убьет или он кого-нибудь убьет, то мы за кровь его не отвечаем и его крови искать не будем; обворует ли кого или ограбит — мы также за него не отвечаем, и наоборот; после нас или его останется какое бы то ни было имущество, мы не имеем на него никакого права, и он также на наше. Кроме того, после сего дня он не имеет права снова войти в состав нашего тухума и быть его членом. В удостоверение чего присягаем на святом Коране и прилагаем свои пальцы. Родственники такой-то и такая-то* Отделенный** родственник получает от тухума «Зоркан-кагъар», жертвует на местную мечеть коверчик и отправляется (по адату) в Калакорейш, где прибывает*** гвоздем «Зоркан-кагъар» к стене большой мечети, жертвует (по адату) один коверчик на Калакорейшскую мечеть, а другой — присутствовавшим при этом свидетелям, затем он проживает в Кола-Корейше или в другом месте — словом, где его примут.»²⁴⁹

Из приведенных выше адатов видно, что в одних случаях выходец из одного тухума принимался в другой тухум без особых на то препятствий, в других — добровольный выход из тухума фактически был запрещен. А для тех, кто вынужден был покинуть тухум была установлена сложная процедура выхода из нее. Кроме того, «была установлена сложная процедура мер поощрения канлы, гарантирована защита членов тухума и установлена ответственность тухума в целом за поведение отдельных его членов и

* При этом слышат три или четыре свидетеля из посторонних.

** При отделении тухум дает (по адату) трехлетнего бычка отделенному родственнику.

*** И ныне уцелели признаки гвоздей, которыми прибывали бумагу.

все это вместе взятое служит яркой характеристикой внутренней организации кайтагской общины.»²⁵⁰

Думается, что в свете вышеприведенных данных нет никаких сомнений в том, что кайтагский джамаат и тухум постепенно теряют свой прежний облик. Ясно, что в исследуемое время уже невозможно квалифицировать джамаат как совершенно свободную общину. Джамаат «не был свободен внутренне, не было равенства между тухумами, с одной стороны, и с другой, — между всеми людьми, которые входили в состав джамаата. Да и тухум внутренне не был единым. Во многих случаях он дробился на несколько хозяйств, семейств. В джамаате со времени Рустем-хана в привилегированном положении были кадии, чоуши, почетные старики.

Таким образом, выходит, что в Кайтаге, в смысле общественного устройства, с одной стороны, развивался процесс феодализации в одной его части, и, с другой стороны — сохранялся джамаатный строй, основанный на тухумах, но не свободный внутренне и как бы находящийся в переходной стадии к классовым отношениям.»²⁵¹

А теперь несколько слов о самых тухумах (по кайтагски — жинс, (нихъала жинс), тайпа. Главой тухума не обязательно считался старший по годам, а тот, кто лучше знал адаты, традиции, пользовался уважением и авторитетом среди тухума и к кому члены тухума обычно обращались за советом при разных ситуациях. В свете известных нам материалов XIX в., которые могут быть обращены и в предшествующие два столетия (XVII — XVIII вв.) и на начало XX в. «Прав в отношении членов тухумов глава не имеет ровно никаких: давать наставления, устранять происходившие в семье беспорядки обязан; но исполнение членами тухума советов и приказаний своего главы зависит совершенно от их доброй воли.»²⁵²

Происхождение названий тухумов различны. Одни тухумы носят названия от наименований села откуда их предки (например, тухум «жамбух-алла» из сел. Жамбу (сел. Жирабачи), другие, например, от имени предков, чем-нибудь прославившихся и отличившихся, например, храбростью, умом, богатством или ученостью и т. п. В этом же селении Жирабачи есть тухумы — Кылайла Писахалла жинс, Кыойчухалла жинс, Нячйалла Хулаттахалла жинс, Гямузган Хясанхалла жинс и др.

В каждом селении были известные и влиятельные тухумы. Так, например, в селении Киркия такими тухумами были — Аю-Каймар, Ях-Яла-Абакар, Куртала Гасан-бек; в сел. Шиланша-Кевха; в Варсите-Ярдар, Башурты; в Кирцьике-Басур; в Каракайтаге-Омар (в сел. Джибагни), Аравлар, Наналар, Панка-Адам, Эльдар-Чопан и Черталар (в сел. Карацан). В Шуркантском магале извест-

ные тухумы: Кади-Хан-Омар, Мереле, Магомед (в сел. Джирабачи); Джахвала и Гасан-Магомед (в сел. Лиша); Адам и Гусейн (в Дакниса); Ника-Магама и Малиц (в сел. Абдашка); Кара-Кайтагский магал: Сулейма (в сел. Сураги); Хусул (в Джибахнях), Ахмед, Уруч (в Джавгате); Кабани-Магома (в сел. Рука).²⁵³

Родственники считаются принадлежащими к тухуму в одних обществах до 4-го, в других — 5-го, а в третьих — 7, 8 и даже 9-го колена. Так, например, в Кара-Кайтаге, Урчамуле родственниками считаются до 5-го колена (уццы, уццы-кьар, кьариган, гариган и т. д.). Дети последнего колена хотя и считаются принадлежащими тухуму, но по убийству кого-нибудь из них и наоборот крови его не ищут и за кровь не отвечают.

В Шуркантском магале родственниками считаются до 8-го колена (уццы, уццы-кьар, кьариган, рикан, гариган и турбикан).²⁵⁴

В Урчамульском магале родственники считаются принадлежащими к тухуму до 4-го колена (уццы, уццы-кьар, кьариган, гариган). В исследуемое время при кровной мести мстили только родным и двоюродным братьям, хотя и с остальной родней отношения складывались натянутые. Те, кто не являлись ответчиками говорили: «до меня не дошло» или «до нас не дошло» — («нихьай бегьил аккура»).

Выше мы уже говорили, что тухумов, которые бы пользовались наследственно особыми правами относительно общественного управления, в Кайтаге не было, за исключением Урчамульского магала.

Отмечали также, что были и такие тухумы, которые хотя и не пользовались наследственно правом на общественное управление, но из них постоянно выбирались кевхи лишь по желанию джамаата. Обычно это были те тухумы, которые пользовались большим уважением и почетом в народе.

Далеко зашедшая имущественная и классовая дифференциация в узденском Кайтаге создала своеобразную иерархическую структуру взаимоотношений внутри джамаата и тухума. Слабые, неимущие семьи подвергались со стороны сильных и богатых разным формам эксплуатации, в том числе и к обычаю «бахъра» (обычай взаимопомощи).

К обычаю бахъра в той или иной мере прибегали все члены джамаата. В данном случае чаще всего такая помощь проводилась на основе взаимности.

Обычай бахъра нашел широкое применение во время сельскохозяйственных работ, строительстве дома, при проведении свадеб, похорон, поминок, при приеме гостей и других событий (радостных и печальных) в семье. Кроме трудовой помощи, которая практиковалась эпизодически, родственники оказывали друг другу материальную поддержку. «В народе считается добрым и богоугодным

делом помогать убийце в примирении не только словами, но и делом. Часно, в случае несостоятельности канлы и его родственников, средства на расходы по примирению дают односельцы.»²⁵⁵

Такое соучастие в делах друг друга являлось важной формой выражения общинной солидарности. Кроме того, здесь играло большую роль родственное самосознание и тяготение.

Одним из древнейших обычаев, сохранившихся в исследуемое время, правда уже в пережиточной форме, была кровная месть. Причиной для уживания данного обычая, хотя и в трансформированном виде, были сохранившиеся среди членов тухума устойчивые родственные связи.

Как мы уже отмечали чуть выше, в исследуемое время круг мстителей и ответчиков значительно сузился. В одних обществах он ограничивался родными и двоюродными (уццы-кьар) братьями. Остальные (троюродные — кьариган и т. д.) говорили: «нихьай бегьил аккура» (до нас не дошло) — сс. Бажлук, Кирцик (Урчамуль). Такое положение, по мнению исследователей, «могло сложиться лишь на самом пороге формирования классового общества, когда семья стала не только хозяйственной но и общественной единицей.»²⁵⁶

Если совершалось убийство, кровник немедленно должен был покинуть село. Обычно он отбывал наказание в каком-нибудь отдаленном обществе.

Когда-то вместе с убийцей изгонялись из общества и его ближайшие родственники. В «Постановлениях» уцмия Рустем-хана сказано, что при убийстве с прабежом изгонялось в канлы 7 человек и взыскивался штраф семь пеней, а за убийство с грабежом женщины — четырнадцать пеней и четырнадцать канлы.²⁵⁷

Согласно «Постановлениям», «в случае убийства кого-либо в драке, произошедшей между группой людей, а виновник не будет отыскан, то родственники убитого могли считать кровным врагом, кого пожелают из числа бывших в драке. Если кто-либо умрет от ран, нанесенных несколькими лицами, говорится в «Постановлениях», то двоих из них считать кровными врагами и, по умерщвлению одного, с другого брать шестдесят рублей. С канлы, который не выедет из селения, в котором будет находиться искатель его крови, взыскивать в пользу общества сто кари хабцалдику... канлы не должен сам ходить на разбирательство, а посылать от себя доверенное лицо.»²⁵⁸

Однако, в «Постановлениях» оговаривалось, что ближайшие родственники (от 1 до 7 чел.), которые изгонялись из селения одновременно с убийцей, не могут быть убиты родственниками убитого, но они должны избегать с ними встречи до примирения. Примирение же могло состояться по истечении определенного времени — от 6 дней до 1-го года.²⁵⁹

Постепенно круг лиц, подлежащих высылке, сужался и к исследуемому времени стали выселять только убийцу.

Срок высылки был разным. Это зависело от тяжести и обстоятельности преступления. Случалось, что канлы вообще не возвращались на родину, особенно в тех случаях, когда он еще не обзавелся на родине семьей.

Но как же поступали в тех случаях, когда убийца вообще не был известен. В данном случае, в Кара-Кайтаге, например, родственники убитого «без посредства судей, собирались перед мечетью, называли убийцей кого хотели, присягали и затем уже считали себя вправе избранного ими убить, как настоящего убийцу. С устройством окружного управления, адат этот воспрещен».²⁶⁰ С этого времени убийцу стали ссылать в Сибирь или в другие отдаленные губернии России.

Следует отметить и такой момент. Кровомщение допускалось лишь между лицами одного сословия. Бек, например, убивший узденя из не очень известного тухума, подвергался изгнанию лишь на три месяца. По истечении этого срока родственники убитого обязаны были, за определенное вознаграждение, с ним примириться, без соблюдения обрядов, установленных адатом для примирения.

За убийство раба виновный обязан был только заплатить его владельцу высшую плату «какая полагается при оценке рабов. Раб, убивший узденя или бека, не подвергается кровомщению; за него выходит в канлы его владетель, если не освободить его:»²⁶¹

В исследуемое время с убийцы и его родственников взыскивались алым или дият и штраф в пользу наследников убитого. Величина алыма в разных обществах была разная. Так, например, в Верхнем Кайтаге она была равна 4 руб. 25 коп., в Кара-Кайтаге — 6 рублям и быку; в Урчамульском магал в алым брали быка, котел и 2—3 рубля деньгами.²⁶²

Что же касается «дият», то это условная плата, за которую лица, имеющие право на кровомщение, соглашались простить убийцу. Поэтому дият уплачивался уже после принятия условий о примирении.

Алым и дият (оба вместе) взыскивались только в Даргинском и Кайтаго-Табасаранском округах и в некоторых местах Западного и Среднего Дагестана. С устройством окружных управлений, в некоторых округах, дият, взимавшийся обыкновенно различными вещами, был переложен на деньги. В Кайтаге эта сумма составляла от 50 до 400 рублей.

Величина штрафа, взыскиваемого за убийство, также была разной.²⁶³

После создания окружной администрации в Кайтаге, кроме алыма и штрафа, стали брать еще штраф в общественную казну в сумме 100 руб.²⁶⁴

Следует отметить, что по числу убийств Кайтаго-Табасаранский округ опережал другие округа Дагестана. Так, с 1-го января 1861 года по 1-е января 1867 года в Кайтаго-Табасаранском округе было совершено 140 убийств и 207 поранений (Ср.: в Аварском округе соответственно 21 и 109; в Андийском — 30 — 88; Казикумухском — 37—250).²⁶⁵ Следует, правда, оговориться, что Кайтаго-Табасаранский округ по численности населения значительно превосходил упомянутые.

Во всех обществах для прекращения вражды и кровомщения устраивался обряд примирения враждующих сторон. Инициаторами всегда выступали родственники убийцы, главы влиятельных тухумов. Сразу же после совершения убийства родственники убитого с оружием собирались на одном дворе. В свою очередь и родственники убийцы собираются в другом доме. Они сразу же «собирают установленную адатом пеню за убийство, следующую в пользу родственников убитого. В это время старики и почетные люди «шила холати» селения должны принять участие и оказать содействие к скорейшему примирению обеих сторон. По выдаче пени старикам и почетным людям, родственники убитого и убийцы выводятся из домов, в которых они собирались, и становятся в некотором отдалении друг от друга; между ними становится кадий, или мулла, и читает первую главу Корана (фатихе). По окончании чтения всякая вражда между ними считается конченной и преследованию подвергается только убийца. Родственники убитого получают, при примирении, с родственников убийцы одного быка для угощения.

Если же после примирения произойдет убийство кого-либо из родственников убийцы родственниками убитого, то уже не засчитывается кровь за кровь; а случай этот рассматривается как отдельный, и виновный в свою очередь подвергается кровомщению.»²⁶⁶

Интересно отметить, что в селении Кулиджа (магал Каттаган) в качестве пени сторона убийцы давала пашню или сенокос, иногда зерно, скот, муку.

После примирения преследования должны были прекратиться. Однако, на деле все обстояло иначе. Не всегда потерпевшая сторона соглашалась на примирение. А. В. Комаров отмечает, что «успех примирения много зависит как от вида убийства, так от состояния убийцы, связей, родства или покровительства какого-либо влиятельного лица. Человеку бедному, неимеющему большого родства, которое бы могло ему помочь, трудно выхлопотать прощение от богатых и сильных родственников убитого, тогда как убийца, богатый и сильный родством и покровительством важного лица, иногда отказывается примириться с бедными родственниками убитого им.»²⁶⁷

По рассказам информаторов, даже после примирения родственники убийцы старались избегать встреч с родственниками убитого на свадьбах, похоронах, других общественных местах. Они обязаны были проявлять чуткость по отношению к родне убитого и соблюдать траур столько дней, сколько его соблюдала родня убитого.

- 1 См.: Шихсаидов А. Р. Дагестан в X—XIV вв. Махачкала, 1975. С. 9; Османов М. О. Поселения//Гаджиева С. Ш., Османов М. О., Пашаева А. Г. Материальная культура даргинцев. Махачкала, 1967. С. 9; Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербента. М., 1963. С. 112—144; Магомедов Р. М. История Дагестана. Махачкала, 1968. С. 52—61; История Дагестана Т. I. М., 1967. С. 121—124 и др.
- 2 Магомедов Р. М. Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII—нач. XIX в. Махачкала, 1957. С. 202.
- 3 Там же. С. 203.
- 4 Гербер И. Г. Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря//ИГЭД. Архивные материалы, М., 1958. С. 83.
- 5 Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербента. С. 192.
- 6 Там же. С. 203.
- 7 Там же. С. 127.
- 8 Там же. С. 192.
- 9 Там же. С. 128.
- 10 История Дагестана. Т. I. С. 124.
- 11 Там же. С. 183.
- 12 Рамазанов Х. Х., Шихсаидов А. Р. Очерки истории южного Дагестана. Махачкала, 1964. С. 66; См.: также Кайтагские рукописи. АКАК. Т. II. Тифлис, 1868. С. 1076; Махмуд из Хиналуга. События в Дагестане и Ширване. Пер. с арабского, составление, предисловие, комментарии и приложения А. Р. Шихсаидова. Махачкала, 1997. С. 43—52.
- 13 Рамазанов Х. Х., Шихсаидов А. Р. Указ, соч. С. 66 (См.: АКАК. Т. II. С. 1076.)
- 14 Там же.
- 15 Там же. См.: Махмуд из Хиналуга. События в Дагестане и Ширване. С. 51.
- 16 Бакиханов А.-К. Гюлистан Ирам. Баку, 1926. С. 50—52.
- 17 Путешествие в Тану И. Барбаро, венецианского дворянина. Библиотека иностранцев писателей о России. Отделение первое. Т. I. 1836. С. 45. Цит. по Османов М. О. Поселения//Гаджиева С. Ш., Османов М. О., Пашаева А. Г. Материальная культура даргинцев. С. 70.
- 18 Османов М. О. Указ, соч.
- 19 Бартольд В. В. К вопросу о происхождении кайтаков//ЭО. Кн. XXXI—XXXII. 1910. № 1—2.
- 20 Никитин А. Хождение за три моря. М., 1956. С. 28.
- 21 Гербер И. Г. Указ, соч., С. 83.
- 22 Османов М. О. Указ, соч., С. 71.
- 23 История Дагестана. Т. I., С. 250.
- 24 Там же. С. 324.
- 25 Магомедов Р. М., Указ, соч., С. 232—233.
- 26 Хашаев Х. М. Общественный строй Дагестана в XIX в. М., 1961. С. 172.
- 27 История Дагестана. Т. I. С. 308.
- 28 Там же. С. 250.
- 29 Шихсаидов А. Р. Дагестан в X—XIV вв. С. 112—113.
- 30 Козубский Е. И. Дагестанский сборник. Вып. I. Отд II. Темир-Хан-Шура. 1902. С. 16.

- 31 Малачиханов Б. К вопросу о хазарском Семендере//УЗ ИИЯЛ, Т. XIV (серия история). Махачкала, 1965. С. 179.
- 32 Шихсаидов А. Р. Указ, соч. С. 127—128.
- 33 Магомедов Р. М. Указ, соч. С. 202—203.
- 34 Записка о сословно-поземельном строе в Кайтаге//Феодалные отношения в Дагестане. XIX — начало XX в. Архивные документы. Составление, предисловие и примечание Х.-М. Хашаева. М., 1969. С. 183.
- 35 Гидулянов П. В. Сословно-поземельный вопрос и райская зависимость в Дагестане//ЭО. 1901. № 1. С. 20.
- 36 Рапорт ген. М. Хатунцова ген. Ртищеву от 6-го февраля 1815 г. АКАК. Т. V. Тифлис, 1873. С. 625—626.
- 37 Памятники обычного права Дагестана XVII—XIX вв. Архивные материалы. Составление, предисловие и примечания Х.-М. Хашаева. М., 1965. С. 37.
- 38 Шихсаидов А. Р. Дагестан в X—XIV вв. С. 11—12.
- 39 См.: Гаджиева С. Ш. Дагестанские терекменцы XIX—начало XX в. М., 1990. С. 110; Шихсаидов А. Р. Ислам в средневековом Дагестане (VII—XV вв.) Махачкала, 1969. С. 37 и др.
- 40 История Дагестана. Т. I. С. 183.
- 41 Лопухин А. И. Журнал путешествия через Дагестан//ИГЭД, С. 31.
- 42 Гербер И. Г. Описание стран и народов... С. 83.
- 43 Магомедов Р. М. Указ, соч. С. 222.
- 44 Гербер И.-Г. Указ, соч. С. 84.
- 45 Леонтович Ф. И. Адаты Кавказских горцев. Материалы по обычному праву северного и восточного Кавказа. Вып. I. Одесса, 1882. С. 45.
- 46 Хашаев Х. М. Общественный строй Дагестана в XIX в. С. 172.
- 47 Ковалевский М. Дагестанская «Народная правда»//ЭО. М., 1890. № 1. С. 47.
- 48 Ковалевский М. Указ, соч., С. 9.
- 49 Леонтович Ф. И. Адаты кавказских горцев. Вып. I. Одесса, 1882. С. 43.
- 50 См.: Магомедов Р. М. Памятники истории и письменности даргинцев XVII века. Махачкала, 1964; Из истории права народов Дагестана. Составитель А. С. Омаров. Махачкала, 1968.
- 51 См.: История Дагестана, Т. I. С. 258—260; Хашаев Х. М. Указ, соч.; Из истории права народов Дагестана. С. 176—184.
- 52 Магомедов Р. М. Общественно-экономический и политический строй. С. 233.
- 53 Там же.
- 54 ЦГАДА. Ф. Колл. ин. дел «Сношения России с Персией», Д. № 1, 1718. Л. 3. Цит. по Указ, раб. Р. М. Магомедова. С. 233.
- 55 ЦГАДА. Ф. Колл. ин. дел «Сношения России с Персией». Д. № 17, 1722. Л. 2. Цит. по Указ, раб. Р. М. Магомедова, С. 234.
- 56 Магомедов Р. М. Указ, соч. С. 240.
- 57 История Дагестана. Т. I. С. 378.
- 58 Там же.
- 59 Магомедов Р. М. Указ, соч., С. 234—235.
- 60 АКАК. Т. III. Тифлис, 1869. С. 284.
- 61 Там же. Т. II. Тифлис, 1868. С. 776.
- 62 Гаджиева С. Ш. Дагестанские терекменцы XIX—нач. XX в. С. 112.
- 63 АКАК. Т. VI, ч. II, Тифлис, 1875. С. 11.
- 64 Записка о сословно-поземельном строе в Кайтаге, С. 237.
- 65 АКАК. Т. VI, ч. II, С. 63.
- 66 Гаджиева С. Ш. Указ, соч. С. 112.
- 67 Гидулянов П. В. Сословно-поземельный вопрос и райская зависимость в Дагестане//ЭО, 1901. № 1. С. 67.
- 68 Записка о сословно-поземельном строе в Кайтаге. С. 244.
- 69 АКАК. Т. VI, ч. II, С. 64.

- 70 Записка о сословно-поземельном строе в Кайтаге. С. 244—245.
 71 АКАК. Т. VI, ч. II, С. 67.
 72 ЦГВИА СССР Ф. ВУА. Д. 6382, ч. I. 12—13.
 73 Гаджиева С. Ш. Указ, соч. С. 113.
 74 Хашаев Х. М. Общественный строй Дагестана. С. 172, 182.
 75 Магомедов Р. М. Общественно-экономический и политический строй. С. 222.
 76 Там же. С. 232.
 77 Памятники обычного права Дагестана. С. 37.
 78 Магомедов Р. М. Указ, соч. С. 222.
 79 ЦГВИА, Ф. ВУА, Ф. 18474. Ч. I, М. 8, 11. Цит. по Х. М. Хашаев. Общественный строй Дагестана. С. 175.
 80 «Право на получение таможенных доходов с Дербента уцмий получил после изгнания дербентского хана персидской ориентации и утверждения на месте его ханом» Фет-Али-хана Кубинского. Тогда же во владения уцмий отошла деревня Малахалил». См.: Магомедов Р. М. Указ, соч. С. 252.
 81 Там же. Ведомость о статьях, с которых бывший уцмий Адильхан пользовался доходами. — РФ ИИЯЛ. Ф. I, Оп. I, Д. 155 Л. 145.
 82 Тихонов Д. И. Описание Северного Дагестана, 1796 г.//ИГЭД С. 135.
 83 Гербер И. Г. Указ, соч. С. 84.
 84 АКАК. Т. VI, ч. II, Тифлис, 1875, С. 67; Ведомость о статьях, с которых. РФ ИИЯЛ Ф. I, Оп. I, Д. 155, Л. 145.
 85 Фонд сословно-поземельной комиссии. ЦГА ДАССР, ф. 50, Оп. I, Д. 5. ЛЛ. 1—2; Магомедов Р. М. Указ, соч. С. 253; Хашаев Х. М. феодальные отношения, С. 219—220.
 86 Магомедов Р. М. Указ, соч., С. 252.
 87 ЦГВИА, Ф. ВУА, Д. 184 88. Л. 92. Цит. по Указ, раб. Р. М. Магомедова. С. 252.
 88 Хашаев Х. М. Общественный строй Дагестана, С. 172.
 89 Магомедов Р. М. Указ, соч. С. 224.
 90 Гаджиева С. Ш. Указ, соч. С. 115.
 91 Справка к законопроекту, о прекращении зависимых отношений поселян Даг. обл. и Зак. округа, С. 2—4.
 92 Магомедов Р. М. Указ, соч. С. 224.
 93 ЦГАДА, ф. Колл. ин. дел. «Сношения России с Персией», Д. № 24, 1722, Л. 74. Цит. по Магомедов Р. М. С. 224.
 94 Там же.
 95 Гаджиева С. Ш. Указ, соч., С. 116.
 96 Из истории права народов Дагестана. С. 183.
 97 Там же. С. 183—184.
 98 Там же. С. 183.
 99. Магомедов Р. М. Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII—нач. XX в. С. 225.
 100 Там же. С. 225—226
 101 Там же. С. 226
 102 Алимова Б. М. Брак и свадебные обычаи в прошлом и настоящем. Махачкала, 1989. С. 12—13.
 103 Комаров А. В. Адагы и судопроизводство по ним. ССКГ. Вып. I, Тифлис, 1868. С. 79.
 104 Записка о сословно-поземельном строе в Кайтаге. С. 186.
 105 Там же. С. 186.
 106 Записка о сословно-поземельном строе в Кайтаге. С. 186.
 107 Там же. С. 187.
 108 Гаджиева С. Ш. Указ, соч. С. 118.
 109 Гаджиева С. Ш. Указ, соч. С. 117 (см.: Бакиханов А. Гюлистан — Ирам, С. 88—89).

- 110 Козубский Е. И. Памятная книжка Дагестанской области. Темир-Хан-Шура, 1895. С. 330.
 111 Записка о сословно-поземельном строе в Кайтаге. С. 187.
 112 Там же.
 113 Алимова Б. М. Табасаранцы XIX—нач. XX в. Историко-этнографическое исследование. Махачкала, 1992, С. 28—29.
 114 Магомедов Р. М. Указ, соч. С. 227.
 115 Там же
 116 Записка о сословно-поземельном строе в Кайтаге. С. 220.
 117 Из истории права народов Дагестана. С. 179—183.
 118 Там же.
 119 Магомедов Р. М. Указ, соч. С. 228.
 120 Там же.
 121 Там же. С. 228.
 122 Неверовский А. А. Краткий взгляд на Северный и Средний Дагестан в топографическом и статистическом отношении. СПб. 1847. С. 26.
 123 Записка о сословно-поземельном строе в Кайтаге. С. 188.
 124 Там же. С. 189—190.
 125 Там же. С. 188.
 126 Там же. С. 220.
 127 Там же
 128 Магомедов Р. М. Указ, соч. С. 230.
 129 Из истории права народов Дагестана. С. 181, 179.
 130 Ковалевский М. М. Закон и обычай на Кавказе, Т. II, М., 1890. С. 226.
 131 Записка о сословно-поземельном строе. С. 183.
 132 Тихонов Д. И. Описание Северного Дагестана. С. 134.
 133 АКАК. Т. VI, ч. II, С. 51
 134 Записка о сословно-поземельном строе в Кайтаге. С. 183.
 135 Там же
 136 Там же.
 137 АКАК Т. III Тифлис, 1869, С. 365.
 138 ССКГ. Тифлис, 1868, С. 87.
 139 Там же, С. 82.
 140 Там же, С. 87.
 141 Там же, С. 88.
 142 Записка о сословно-поземельном строе в Кайтаге. С. 183—184.
 143 Магомедов Р. М. Общественно-экономический и политический строй Кайтагов.//Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII — нач. XIX в. С. 214.
 144 Хашаев Х. М. Общественный строй Дагестана в XIX в. С. 182.
 145 Свод статистических данных, извлеченных из посемейных списков населения Закавказья. Тифлис, 1890. С. 186—188.
 146 Хашаев Х. М. Указ, соч., С. 182.
 147 Там же.
 148 ЦГА ДАССР Ф. 21. Оп. 4. Д. 101, Л. 144.
 149 Хашаев Х. М. Указ, соч. С. 183.
 150 Магомедов Р. М. Указ, соч. С. 207.
 151 Там же. С. 209.
 152 Османов М. О. Хозяйство//С. Ш. Гаджиева, М. О. Османов, А. Г. Пашаева. Материальная культура даргинцев, С. 12—13.
 153 Магомедов Р. М. Указ, соч. С. 217.
 154 Там же. С. 209.
 155 Там же.
 156 Магомедов Р. М. Указ, соч. С. 209.
 157 См.: Феодальные отношения в Дагестане. XIX—нач. XX в. С. 212.

- 158 Магомедов Р. М. Указ. соч. С. 207.
 159 Там же.
 160 Записка о сословно-поземельном строе в Кайтаге. С. 224—225.
 161 Записка о сословно-поземельном строе в Кайтаге. С. 225—227.
 162 Гербер И. Г. Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря. С. 83—84.
 163 Тихонов Д., Серебров А. «Географическое описание Северного Дагестана, владений: шамхала, уцмий и Али Султана-Женгутайского.» ЦГВИА Ф. ВУА, Д. 184, 74. Ч. I. С. 19.
 164 Записка о сословно-поземельном строе в Кайтаге. С. 220.
 165 Магомедов Р. М. Общественно-экономический и политический строй Кайтагов. С. 212.
 166 Магомедов Р. М. Указ. соч. С. 213.
 167 Петухов П. Очерк Кайтаго-табасаранского округа. — Кавказ 1867. № 12.
 168 Магомедов Р. М. Указ. соч., С. 217.
 169 Хашаев Х. М. Общественный строй Дагестана в XIX в. С. 181.
 170 Там же.
 171 «Свод статистических данных, извлеченных из посемейных списков населения Закавказья». С. 169, 173, 177, 181, 185.
 172 Гаджиева С. Ш. Дагестанские терекеменцы XIX—нач. XX вв. С. 130.
 173 Феодалные отношения в Дагестане XIX — нач. XX вв. С. 211.
 174 Топографическое описание Северного Дагестана, ЦГВИА, Ф. ВУА, Д. 184.
 74. Л. 15.
 175 Хашаев Х. О. Указ. соч. С. 180.
 176 Феодалные отношения в Дагестане, С. 217.
 177 Там же, С. 218.
 178 Там же.
 179 Там же, С. 219.
 180 Там же, С. 215.
 181 Феодалные отношения... С. 211.
 182 Там же, С. 212.
 183 Там же.
 184 Феодалные отношения... С. 219.
 185 Там же.
 186 Феодалные отношения. С. 220.
 187 Хашаев Х. О. Общественный строй Дагестана. С. 180.
 188 ЦГВИА, Ф. ВУА, Д. 2512, Л. 81. Цит. по Хашаев Х. О. Общественный строй. С. 179.
 189 Записка о сословно-поземельном строе в Кайтаге. С. 90.
 190 Там же, С. 220.
 191 ЦГИА Груз ССР. Ф. 416. Оп. 3. Д. 1224. Л. 35. Цит. по Х. О. Хашаев. Общественный строй Дагестана. С. 183.
 192 Шиллинг Е. М. Кубачи, Пятигорск, 1937. С. 22.
 193 Хашаев Х. О. Общественный строй Дагестана. С. 193.
 194 Магомедов Р. М. Указ. соч. С. 217.
 195 Записка о сословно-поземельном строе в Кайтаге, С. 182.
 196 Магомедов Р. М. Указ. соч., С. 243.
 197 Там же.
 198 Прошение каракайтагского народа Александру I об утверждении вновь избранного уцмий. Материалы по истории Дагестана и Чечни, С. 73. Цит. по Указ. соч. Р. М. Магомедова. С. 243.
 199 ЦГАДА, Ф. колл. ин. дел. «Сношения России с Персией» Д. № 1, 17, 18. Л. 7. Цит. по Указ. раб. Р. М. Магомедова. С. 243.
 200 АКАК, Т. 5. С. 617.
 201 Магомедов М. Р. Общественно-экономический и политический строй кайтагов. С. 244.

- 202 См.: Ковалевский М. Закон и обычай на Кавказе. ч. II. 1890. С. 223—225.
 203 Магомедов Р. М. Указ. соч. С. 247.
 204 Записка о сословно-поземельном строе в Кайтаге. С. 183.
 205 Магомедов Р. М. Указ. соч. С. 247.
 206 Рапорт кизлярскому коменданту Шендеру ротмистра терского войска Гарина, ИКМАИ, Т. III, Тифлис, 1925.
 207 Записка о сословно-поземельном строе в Кайтаге. С. 183.
 208 Памятники обычного права Дагестана. С. 21.
 209 Там же.
 210 Там же, С. 21—22.
 211 Записка о сословно-поземельном строе в Кайтаге. С. 223.
 212 Памятники обычного права Дагестана. С. 18—19.
 213 Там же.
 214 Там же, с. 20.
 215 Там же.
 216 Записка о сословно-поземельном строе в Кайтаге. С. 223—224.
 217 Там же.
 218 Памятники обычного права, С. 21.
 219 Там же.
 220 Записки о сословно-поземельном строе в Кайтаге. С. 224.
 221 Там же.
 222 Памятники обычного права... С. 22.
 223 Там же.
 224 Записка о сословно-поземельном строе в Кайтаге. С. 223—224.
 225 Памятники обычного права Дагестана. С. 23.
 226 Записка о сословно-поземельном строе в Кайтаге. С. 223.
 227 Магомедов Р. М. Указ. соч. С. 246.
 228 Магомедов Р. М. Общественно-экономический и политический строй кайтагов. С. 250.
 229 Агларов М. А. Сельская община в Нагорном Дагестане в XVII—нач. XIX в. М., 1988. С. 145.
 230 Гаджиева С. Ш. Дагестанские терекеменцы XIX—нач. XX в. С. 139.
 231 Там же.
 232 Магомедов Р. М. Указ. соч. С. 250.
 233 Сведения о Кайтаге, собранные по некоторым данным — Памятники обычного права Дагестана. XVII—XIX в. С. 23.
 234 Там же.
 235 Там же, С. 23—24.
 236 Магомедов Р. М. Указ. соч. С. 251—252.
 237 Гаджиева С. Ш. Указ. соч., С. 145—146.
 238 АКАК, Т. VI, ч. 2., С. 64.
 239 ЦГА ДАССР. Ф. 2., Оп. 5. Д. 1, Л. 34.
 240 Гаджиева С. Ш. Указ. соч. С. 146—147.
 241 Магомедов Р. М. Указ. соч. С. 220.
 242 Там же, С. 219—220.
 243 Адаты южно-дагестанских обществ. ССКГ. Вып. VII. Тифлис, 1875. С. 34.
 244 Магомедов Р. М. Указ. соч. С. 220.
 245 Адаты южно-дагестанских обществ. С. 40.
 246 Постановления кайтагского уцмий Рустем-хана. ССКГ. Вып. I. Тифлис, 1868. С. 87.
 247 Постановления Рустем-хана, С. 84.
 248 Памятники обычного права Дагестана. С. 19.
 249 Памятники обычного права Дагестана XVII—XIX вв. С. 19—20.
 250 Магомедов Р. М. Указ. соч. С. 221.

251. Магомедов Р. М. Указ. соч. С. 221—222.
 252 Памятники обычного права Дагестана. С. 16.
 253 Памятники обычного права Дагестана. С. 17.
 254 Там же. С. 18.
 255 Комаров А. В. Адаты и судопроизводство по ним //ССКГ. Вып. 1. Тифлис, 1868. С. 34.
 256 Гаглоева З. Д. Общественный быт осетии в XIX в.: Автореф. дисс. д-ра ист. наук. Тбилиси, 1975 г. С. 50.
 257 Комаров А. В. Указ. соч. С. 82.
 258 Там же, С. 82.
 259 Там же. С. 27.
 260 Там же. С. 18.
 261 Там же. С. 24.
 262 Там же. С. 31.
 263 Там же. С. 31—33.
 264 ЦГА ДАССР. Ф. 2. Оп. 4. Д. 17. Л. 12.
 265 Комаров А. В. Указ. соч. С. 39—42.
 266 Там же. С. 26.
 267 Там же. С. 33—34.

Глава II. ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Традиционными занятиями кайтагов с древнейших времен были земледелие и скотоводство. О развитости этих отраслей хозяйства в Кайтаге отмечают многие авторы, писавшие в XVIII—начале XIX в. Так, И. Г. Гербер отмечал, что кайтагцы «Питаются скотоплодием и имеют довольно пашен, также садов виноградных и прочих овощей. Пшеницею и ячменем удовольствуют многих в горах живущих народов, которые для покупки того хлеба сюда приезжают».¹ (Здесь речь идет о Нижнем Кайтаге). Далее он пишет, что «хайтацкой уезд имеет землю ровную от моря до нижних гор и того ради довольно пашен, садов и речек, при которых много мельниц построено».² Другое наблюдение автора касается жителей Верхнего Кайтага: «Карахайдакский уезд не так хлебороден, как хайтацкой, ибо он гористой и от того обиватели не в таком добром состоянии, как хайтаки, отчего их называют карахайтаками, то есть черными хайтаками».³ А. И. Ахвердов также отмечал, что «...у гор живущие имеют небольшие хлебопашества. Главной же их доход составляют фруктовые деревья, как-то: дулевые, яблочные, айвовые, персиковые, абрикосовые, ореховые. Персики и абрикосы привозят сушеные, а прочие все с дерева и самые свежие и продают довольно выгодными ценами в Кизляре, где за удовольствием везут в Астрахань и оттуда в Российские разные города. В самых же горах живущие имеют очень нужную землю, на которой сеют кукурузы и выделывают из оной муку, а главное пропитание имеют от овечьих стад, кои содержат зимой на плоскости, а летом в горах».⁴

Д. И. Тихонов также отмечает наличие в Кайтаге «Фруктов разных родов, как-то: груш, слив, больших орехов, винных ягод, абрикосов, винограда и прочих, во всех деревнях в довольном изобилии.»⁵

О развитости этих отраслей хозяйства у кайтагов пишут и дру-

гие авторы. Прочитируем, например, М. К. Ковалевского и И. Ф. Бларамберга: «Местность выше реки Большого Буама (Бугам-одно из местных названий Уллу-Чая, другое — хула эрки-кайт. дарг. — Б. А.) изобилует виноградными садами и что жители сего округа занимаются хлебопашеством, скотоводством, имеют хорошие сады, ведут торговлю с Дербентом, Кизляром и соседними горцами и даже разводят шелк. Главные произведения: сарачинское пшено, просо, пшеница, ячмень и хлопчатая бумага».⁶ В описании Ф. Гене также упоминается о том, что в «провинциях», лежащих ближе к морю, занимаются уже садоводством и огородами, и что здесь «растет виноград и другие фрукты».⁷

В другом документе читаем: «Кроме перечисленных земель жители магала Кара-Кайтаг имеют сады внизу почти на плоскости, а в пользовании жителей магала Ирчамуль находится земля, лежащая ниже Каракайтагских садов, под названием Утар-Кутан, служащая зимним пастбищем для их скота, они имеют сады вместе с каракайтагцами».⁸

Несомненно, развитие этих отраслей, как это видно из процитированных выше материалов, не было одинаковым для всего Кайтага. Территория Кайтага разнообразна по рельефу, почвенным и климатическим условиям, играющим немаловажную роль в развитии сельскохозяйственного производства, в его отраслевой специализации. Кайтаг, как уже говорилось выше, занимал несколько природных зон: горы, предгорье, равнина. В предгорной и равнинной зонах преимущественное развитие получили земледелие, садоводство, и виноградарство, а в горной — скотоводство, «соединенное с земледелием».

Земледелие

Ведущее место в хозяйстве кайтагов занимало земледелие. Из сельскохозяйственных культур в исследуемое время наибольшее распространение получили пшеница (ачи), ячмень (мухья), голозерный ячмень (мяхлар), просо (мичи), рожь (сусул), полба (перуш). В Нижнем Кайтаге среди зерновых, особенно в начале XX в., стали культивировать также кукурузу (хияжилачи)*, которую сеяли вместе с фасолью (хъара)**.

В удельном весе земледелия в экономике хозяйства отдельных зон наблюдаются существенные различия. По данным статистики в магале Кара-Кайтаг (11 селений, 616 дворов) площадь пахотной

* Так, например, в 1892 году посевы кукурузы в Кайтаго-Табасаранском округе занимали всего 67 дес. земли. (См.: Обзор Дагестанской области за 1892 г. Т-Х-Шура).

** Хияжла хъара разновидность фасоли.

земли равнялась 1316,6 дес. или 15800 саб, а на каждый двор приходилось 2,1 дес. пахотной земли; в магале Каттаган (5 селений, 109 дворов), соответственно — 83,5 дес., 1002 саб и 0,8 дес. на каждый двор; в магале Шурканти (10 селений, 214 двора) 229,5 дес., 2754 саб и по 1,07 дес.; в магалле Ирчамуль (22 селения, 428 семей) — 708,3 дес., 8499 саб и 1,65 дес. на каждый двор.⁹

Правда, по мнению некоторых специалистов, эти цифры занижены. В действительности, пахотных земель было больше.¹⁰ Тем не менее, судя по приведенным данным, площадь пахотной земли в Нижнем Кайтаге значительно больше, чем в Верхнем. Кроме того, природные условия Верхнего Кайтага (более глубокий снежный покров) способствовали выращиванию здесь преимущественно озимых культур (ивхьи). Так, например, в 1892 году в Кайтаго-Табасаранском округе озимые культуры занимали 30446 десятин земли, а яровые всего 8085 дес. (См.: Обзор Дагестанской области за 1892 г.).

Земледельческие работы во всех зонах начинались с подготовки почвы к пахоте. Землю по возможности удобряли «за исключением Кара-Кайтага».¹¹ Удобрениями служили навоз, птичий помет, зола. Основными средствами для перевозки удобрений служили арба (урква), сани (гьял) со специально приставленными большими плетеными корзинами и плетеными сапетками (тунекъ, урк-лела тунекъ). Удобрения обычно накапливали или недалеко от дома или в 2—5 местах на окраине села.

В богарных землях, чтобы восстановить плодородие почвы, часть земли оставляли под пар (сакка)*. Обычно на этих землях пасся скот. У разных хозяев и в разных селах земля могла «отдыхать» разные сезоны. Но все информаторы утверждают о том, что черный пар редко кто мог себе позволить. Обычно это был полупар — осенний или весенний. «Одна и та же земля ежегодно засеивается только в магалах Ирчамуль и Кара-Кайтаг, часть оставляется под паром»,¹² — читаем в документах.

В поливных участках чаще использовался двухпольный севооборот: два года подряд зерновые, затем пропашные, затем снова зерновые. Вообще, как мы могли убедиться, севообороты в разных селах разные. Они не укладываются ни в какие строго определенные формы в смысле чередования культур. По мнению информаторов, использование севооборотов связано не только с необходимостью получения высоких урожаев, но и для очищения поля от сорняков.¹³

Большое значение кайтаги придавали пахоте, которая производилась с помощью горского плуга (дерец). Применялось многократное вспахивание поля. Это зависело от качества пахотной зем-

* И целина называлась «сакка».

ли, от возможности самого хозяина. Если грунт был тяжелый, каменистый, твердый, то земля вспахивалась несколько раз. «Так, в магале Маджлис-Кайта и в сел. Гулли одна и та же земля распахивается 3 и 4 раза до посева».¹⁴ Для осеннего сева землю обычно вспахивали в конце мая — начале июня. Некоторые вспахивали еще и осенью (если успевали). Те хозяева, у кого не было возможности, ограничивались весенней вспашкой. В данном случае, после осеннего сева (ивхьнелла дехьни) производили глубокое боронование плугом. В Нижнем Кайтаге применялись и железные плуги (особенно в начале XX в.). Осеннюю вспашку обычно начинали тогда, когда начинала летать по небу паутина.

Кайтагский дерецц состоял из полоза — (жъирбитI, длина от 50 до 60—70 см), ручки — стойки (высота от 60 до 70—80 см. — его делали из отдельного куска дерева с полозом (чаще), дышла (длина от 230 до 330 см.), стойки (высота — 35—45 см.), железного лемеха длиной 20—25 см. и шириной 15—20 см., ушков (ширина 35—40 см., высота 5—6 см.). Все детали дерецц изготовлялись из различных твердых пород дерева. Так, например, полоз с ручкой из дуба, дышло — из грушевого дерева, соединительная стойка из клена и т. д.

В пореформенный период, наряду с сельскохозяйственными орудиями местного производства, в Нижнем Кайтаге стали применять привозные фабричные и харбужские железные плуги. У отдельных зажиточных крестьян были венгерские плуги, которые изготовлялись во Владикавказском чугунолитейном заводе промышленника Петрова. В конце XIX и начале XX в. стоимость одного усовершенствованного плуга равнялась 32 рублям, а местного 21—25 рублям.¹⁵ Именно этим обстоятельством (дороговизной) объясняется недоступность для широких масс усовершенствованных плугов.

Вспашку, как правило, производил мужчина. Личности пахаря (хъуццара), сеяльщика (велгванил) кайтаги придавали большое значение. Они должны были быть людьми «баракат луккан» (дающими изобилие), щедрыми, добрыми, удачливыми, естественно, опытными. Часто из-за отсутствия тягловой силы и других причин две семьи объединялись в супрягу (хъумхали — 1/2 хъу дирули). Поскольку и при жатве, молотье зерновых требовалась значительная кооперация рабочих рук, семьи и эти работы выполняли сообща.

Пахоту начинали рано утром до восхода солнца. В том случае, если у хозяина были запасные быки и второй пахарь, пахоту не прерывали, а продолжали до поздней ночи. В лунную ночь пахали и ночью.

Некоторые кайтаги по разным причинам на определенных условиях свои пахотные участки отдавали в аренду. Цитируем один

документ. «Арендная плата, по объяснению жителей, бывает обыкновенно 1/4 или 1/5 частью урожая, причем владелец земли дает семена на приходящуюся ему часть и нанимает на эту часть жнецов, так что арендатор, собственно, платит не долю урожая с арендуемой им земли, а принимает на себя обязательство распахать для владельца участок, равный 1/4 или 1/5 части нанятой им земли, и посеять на ней семена владельца».¹⁶

После пахоты в зависимости от климатических условий приступали к севу (дехьни). Время сева для Верхнего и Нижнего Кайтага не совпадало. Так, в Нижнем Кайтаге осенний сев начинали в сентябре, весенний в мае, в Верхнем — осенний сев — в конце августа — нач. сентября, а весенний в апреле.

Некоторые хозяева заранее проверяли семена на всхожесть (особенно после нескольких неурожайных лет). Для этого горсть семян высеивали в корыта (поднос и т. д.). Практиковался обмен семенами между отдельными хозяевами (родственниками, соседями) и хозяевами даже разных селений (между кунаками, знакомыми). Отбор семян производился еще на току во время молотбы.

Подготовленные для посева семена вывозили в поле в больших мешках (халар, харал), тавра, тавруми (мн. ч.), хула тавра, ГявхикIан — хадагинский диалект, (къап—с. Санчи). Мешки обычно ставили на концах засеваемого участка. Если участок был небольшой и семян было всего один харал (халар), тогда из этого мешка семена пересыпали в мешок меньших размеров (тавра) и ставили на другой конец участка, а уже из этих мешков семена пересыпали в хурджины (хунжи) и сеяльщик «велгванил» брал семена из хурджинов и равномерно разбрасывал по вспаханному полю. В конце поля сеяльщик поворачивался назад, отходил вправо на два-три шага (это зависело от роста сеяльщика) и продолжал сев в обратном направлении.

Вначале сеяли колосовые культуры (пшеница, ячмень, рожь, полба), после, когда температура почвы доходила до 10 и более градусов сеяли шротные (кукуруза—конец XIX—в нач. XX вв., картофель). Когда наступало устойчивое тепло, сеяли просо. В народе говорили, что полбу надо сеять тогда, когда зацветет шиповник. Предпочтение отдавали озимой пшенице «ивхьне». Наиболее известные сорта — гюльгери, сильсиль (мелкое зерно) и магар* (покрупнее).¹⁷ Ячмень чаще яровой «эвла». Из яровых еще культивировали кукурузу, коноплю — Гячу, лен, горох.

«Земли пахотные и покосные во всех магалах неполивные, только в магале Кара-Кайтаг есть часть поливных земель».¹⁸ Достаточно привести такие цифры: в 1905 г. во всем Кайтаго-Табасаранском округе протяженность поливных каналов достигла 147

* Здесь речь идет о голозерном ячмене «мяхIар».

верст. На территории Нижнекайтагского участка, канал длиной в 112 верст орошал 8935 десятин посевной площади.¹⁹ Для полива использовали воды Уллу-Чая (Большой буам), который «вершину свою имеет близ границ Казыкумыцких и табасаранских, течение же свое имеет большей частью между гор по устьям, а к морю по плоскости. Около же ее по обеим берегам есть строевой и дровяной лес... Сверх того, проведено из нее много каналов для напояния засеянной разным хлебом земли».²⁰ Один из больших каналов (ныне граница Кайтагского и Дербентского районов на автодороге) назывался «Жама (авлама) жери».

Строительством и ремонтом оросительных каналов занимались сами крестьяне. В сезон за поливной водой устанавливалась очередность. За распределением воды и порядком полива следили специальные люди, которых джамаат назначал из своей среды.

За сезон осуществляли два-три полива зерновых. Первый полив производили перед посевом (если земля очень сухая). Полив после посева был противопоказан. Существовало мнение, что такой полив уплотняет почву и замедляет всходы. Колосовые и пропашные культуры требовали прополки (арци). Пропашные культуры пропалывали железной мотыгой (кьупи) с деревянной ручкой, а для прополки колосовых был специальный скребок в виде садового ножа с деревянной ручкой для подрезки сорняков под корень. Некоторые для прополки колосовых использовали маленький железный скребок, предназначенный для очистки корыта после замеса теста. Деревянную ручку скребка женщины обматывали мягкой тряпкой, чтобы избежать образование мозолей на руках.

С появлением всходов посева тщательно охранялись от погрызов специально выбранными обществом надсмотрщиками.

С созреванием урожая приступали к его уборке. Сроки уборки в Верхнем и Нижнем Кайтаге были разные. Так, например, в Верхнем Кайтаге к уборке озимых приступали в конце июля — начале августа, яровых — в конце августа — нач. сентября; в Нижнем, соответственно — в конце июня и начале июля и в конце августа — начале сентября. Обычно вначале убирали ячмень, затем пшеницу (ячмень созревал на 2 недели раньше). В последнюю очередь убирали кукурузу.

Жали хлеба серпами (михъ), которые изготавливались местными мастерами. Основными центрами, откуда покупались серпы, косы были Ахмедкент, Амузги, Харбук. Некоторые состоятельные крестьяне для жатвы пользовались наемным трудом. Обычно жители Нижнего Кайтага нанимали жнецов из Верхнего Кайтага. После жатвы женщины и дети обходили поле вторично, убирая руками оставшиеся в поле колосья.

При уборке урожая для семян отбирались снопы из солнечных

склонов с крупными и тяжелыми колосьями, которых молотили отдельно. Конечно, так делали не все, а лишь те, у кого было много земли и достаточное количество рабочих рук. При хорошем урожае каждый хозяин в своем поле обязательно оставлял несжатыми десятку крупных колосьев, чтобы благополучие не покинуло поле. Эти колосья оставались в поле до самой пахоты. Сжатый хлеб (в одних случаях) складывали колосьями в одну сторону, после жатвы сам жнец или кто-то другой принимался за связку снопов. Некоторые жнецы сжатые колосья сразу же связывали в снопы (бигьам). Из пяти снопов складывали копну (хияпал)*, а через несколько дней сушки хияпалти собирали в копны покрупнее (22 бигьам) «гьял». После завершения жатвы весь хлеб свозили в аул к току (дерез, мурала хъачанна, тийрала) и укладывали в скирду «гебен» («хиянта»). Скирды бывали разной формы — продолговатые, круглые. Их перевозили на арбе или саях с приставными плетеными боргами.

Молотьба хлеба производилась молотильными досками (иркикми). Они обычно изготавливались из красного дуба (итин микква), тутовника, прецкого ореха и других твердых пород дерева. Ток «дерез» обычно устраивали недалеко от селения или на его окраине. Некоторые хозяйства, тухумы имели собственные токи. Очередность обмолота устанавливали по соглашению между сожаль или — кто первым ставил скирду, тот и начинал обмолот. Всегда право на первоочередное обмолачивание предоставлялось тем, у кого на исходе было зерно или тем, у кого в доме большая скирда. Право на первоочередное обмолачивание имели бездетные пожилые люди, вдовы, многодетные семьи, сироты и т. д.

В молотильные доски запрягали 1 или 2 коней (Верх. Кайтаг), быков, буйволов (Нижн. Кайтаг).

При обмолоте, когда зерно провеивали деревянными лопатами (кура), происходил и отбор основного семенного зерна. Старались отбирать зерно для семян с подветренной стороны кучи, куда попадают самые крупные и полновесные зерна. Специальными деревянными вилами (кьямкья, гьявтинхян (из трех зубьев) отделяли обмолоченное и провеенное зерно от крупной соломы (хъачч), затем деревянными граблями (мурккучи) зерно отделяли от мякины и лопатой собирали в кучу, а мякину метлой (хилми дигьунни барибил хула мугул) сметывали с остатками сорных растений. С помощью деревянного совка (хатага) набирали зерно в мешки и отвозили домой. Уже дома зерно еще раз провеивали при помощи деревянных круглых подносов (табакъ) и сита.

Все эти орудия изготавливали сами кайтаги из различных пород

* Копны из ячменя назывались «гьял». «Гьял» по размерам были больше, чем «хияпал».

дерева. Например, решето делали из лыка, вилы — из кизила (ччимби), орешника, иногда боярышника (мяи) и других твердых пород дерева; деревянные лопаты — из грешкого ореха, тополя, труши; прабли — из орешника; метлу из прутьев кизила (ччимбалахилми), тамариска, а ручку из кизила (такая метла называлась муглиг).

Кукурузу убирали двояким способом. В одних селах (Верх. К.) кукурузу убирали со стеблями, подрезая серпом, кинжалом или лезвием сломанной косы с самого основания, в других (Нижн. К.) чаще всего срывали початки, а стебли оставляли в поле. Затем в это поле запускали скот, а остатки уже весной перед всашкой сжигались.

Рущение кукурузы было делом трудным, т. к. оно проводилось без применения каких-либо приспособлений (быков, молотильных досок и т. д.). Рущка кукурузы производилась разными способами. Один из них выбивание подсохших початков. Для этого стелили на земляной пол свернутый в два — три слоя палас из конопля (гячула чянкIа), на него укладывали в один или два слоя початков и били по ним колотушкой с длинной рукояткой. С этой же целью початками наполняли конопляный мешок и били. Оставшееся после такой обработки в початках зерно рущилось вручную. Очень часто кайтаги для рущки кукурузы устраивали зимой помочки (бахъра) или же за долгие зимние ночи члены семьи сами освобождали початки от зерна вручную. Только таким образом рущили кукурузу на семена, а отбор семенной кукурузы производили при очищении початков от листьев.

Хранили зерно в деревянных ларях (сандуг) разной величины с 3—2 отделениями, украшенных резьбой, глиняных сосудах (кIа-ра), в зерновых ямах (кур), в плетеных корзинах, обмазанных с внутренней и наружной стороны глиной. Кукурузу хранили в специальных помещениях, сделанных из плетня в сухом, теплом месте. Часто кукурузу хранили в початках. Для этого початки оставляли с 2—3 крупными листьями, сплетали в косы и подвешивали под потолком.

По мере надобности производили помол зерна. Если зерно было заражено головней, перед помолом его промывали и сушили на растеленных на крышах конопляных паласах. Делали это в жаркий солнечный день. Кукурузу перед помолом обязательно поджаривали (гунацабирар) в печи (кари).

Помол производили на водяных мельницах (шинела (шина), урхав), построенных у каналов. Все мельницы обычно располагались на краю села и состояли из небольшого низкого помещения, грубо сложенного из камня. Такие мельницы встречаются в Дагестане повсюду. О мельницах ущмыйства Кайтагского Д. И. Тихонов писал следующее: «Мельниц мучных тамошними жителями сделано в до-

вольном количестве. Стоят на каналах, проведенных из текущих речек близ самых гор. Желобы деревянные, по каскаду вода сильное течение имеет. В сутки муку получают 2 четверти с небольшим: молоть же более не в состоянии по причине малости сих камней. Берут сии каменя лучшие на речке Большому Буаме при деревнях Карагурайш и Катътечено».²¹

В начале XX в. в Кайтаго-Табасаранском округе насчитывалось 528 мельниц.²² Большинство мельниц были коллективные. Однако имелось и немало мельниц, принадлежавших частным лицам. У многих кайтагов имелись и ручные мельницы (някъла урхав — самый древний вид мельниц). На такой мельнице обычно получали только крупу.

Зерновые культуры обычно давали невысокие урожаи. «Средний урожай в различных селениях различен и достигает от сам-четверт до сам-семь».²³ В тех селениях, где землю удобряли и поливали, собирали более высокий урожай — от 10 сам до 20 и более.²⁴

Несколько слов следует сказать о заготовке сена (мура). Сроки сенокосения не были одинаковыми для всего Кайтага. В Верхнем Кайтаге сено убирали чаще всего после жатвы (июль), в Нижнем — до наступления жатвы (конец мая — начало июня). Косили сено мужчины косой (къалкъа), женщины серпами (михъ). Серпы обычно приобретали у амугинцев, харбужцев. Лезвие косовицы делалось из стали, а деревянная часть — из липы, орешника. Убирали скошенную траву деревянными вилами. Скошенное и высушенное сено свозили в село и хранили в сеновалах (цуга), но чаще во дворе или перед домом из сена складывали стог (мятIа) конусообразной формы с длинной жердью (гъиппи) в центре. Самую вершину конуса накрывали каким-нибудь непромокаемым материалом. В некоторых селах сеновалы находились на окраине села (в целях пожарной безопасности). Перевозили сено на арбе, санях. Чтобы увеличить вместимость арбы и саней их борта парашивали жердями. Жители магала Маджалис — Катта очень часто после сушки сено складывали непосредственно на сенокосных участках (в садах), а потом свозили в аул. Бывало даже, когда стог зимовал в саду.

Огородно-бахчевые культуры

Появление огородных и бахчевых культур у кайтагов (Нижний Кайтаг), как единичных явлений, можно отнести к концу XIX и началу XX в., хотя некоторые виды огородных и бахчевых культур как лук (гваргвар), чеснок (шержи), арбуз (гарихъан), дыни (бистган), тыква (къабакъ), фасоль (хъара, хIяжла хъара — пят-жистая фасоль), морковь (житIа), (къая) выращивались и раньше

указанного времени. В Верхнем Кайтаге также выращивались некоторые огородные культуры — морковь (житла), редька (ктай, кбагы, квая), картофель (къярттушке), земляной орех (ярма).

Значительно позже (20—30 гг.) кое-где в Нижнем Кайтаге стали выращивать огурцы (хияр), помидоры (памадур). Проникновению огородных культур в большей степени способствовали дербентские азербайджанцы, терекеменцы, евреи и русские. Огородники азербайджанцы и терекеменцы весной часто сбывали на Маджалисском базаре семена некоторых овощных культур, а евреи привозили и рассаду (шитилти) помидоров, капусты, перца.

Рассказывают, что в нач. XX в. через Маджалис проходили русские солдаты и оставили здесь немного картофеля. Люди тогда не знали, что это такое. «В этот же период начальник почты Шнурков впервые начал выращивать в Маджалисе помидоры, капусту и картофель. Приблизительно в это же время здесь выращивал помидоры, огурцы, капусту и горский еврей по имени Натан. Сохранилось воспоминание о том, что первым в Маджалисе отважился есть помидоры житель Маджалиса по имени Удей». Кайтагские кумыки еще в XIX в. выращивали лук и чеснок, арбузы и дыни.

Огородные культуры наиболее требовательны к почве, влаге. Уход за ними заключался в многократной прополке, поливе. Участки под огородные культуры ежегодно удобряли.

Огородничество требует много труда и, по-видимому, недостаточную развитость его у кайтагов даже в поздние годы можно объяснить большой его трудоемкостью. Разумеется немалую роль здесь сыграло и отсутствие рынка сбыта, плохие дороги и т. д. Обычно после вспашки поля осенью, землю для огорода перекапывали весной, разравнивали граблями, одновременно измельчая почву, разбивали на грядки «арх, жери». Затем к каждой грядке подводили неглубокие канавки для полива. После посадки рассады неоднократно производили полив и прополку, окучивание. Все эти работы производили до самого созревания. Некоторые овощные культуры (лук, чеснок) требовали выдергивания сорняков вручную.

Основными орудиями труда для огородных работ служили лопата (кълугъа, кватла), мотыга (къупи), грабли (мурккучи), небольшой скребок в виде садового ножа.

Обычно под огородные культуры выделяли поливные земли. Орошение проводилось по бороздам, а через них по малым канавкам, расположенным между грядками. Для некоторых культур (помидоры, капуста) применяли подпитывающий полив, а для лука, чеснока, моркови, редьки и др. — сплошной полив.

Постепенно семенами некоторых огородных культур стали запасаться сами кайтаги. Семена арбуза, дыни, тыквы обычно отбирались по их вкусовым качествам. Следует отметить, что ого-

роды у кайтагов обычно располагались недалеко от дома, а бахчи на дальних участках.

Имелись и способы хранения овощных и бахчевых культур. Лук, чеснок для сушки сплетали в косы и подвешивали к потолку на открытой веранде. После сушки хранили в темном сухом неотапливаемом помещении. Тыкву хранили сначала на плоских крышах, затем с наступлением холодов в прохладном помещении на полу, арбузы также хранили в прохладном помещении, укрыв их сеном или соломой; морковь, редьку закапывали в сухом месте. Некоторые кайтаги на зиму мочили арбузы, а дыни сушили.

Садоводство и виноградарство

Значительного развития у кайтагов получили садоводство и виноградарство. Особенно большие возможности для развития этих отраслей хозяйства были в Нижнем Кайтаге. Что же касается Верхнего Кайтага, из-за климатических условий, отсутствия возможности орошения, садоводство и виноградарство были развиты слабо.

Кайтаги выращивали разнообразные фрукты (яблоки — гъинцы), груши (хъяр), айву (ччимисси), грецкий орех (хъих), черешню, вишню (пъякли, пъярпъяни), абрикосы (кваркки), сливы (гъымгы), туг (туг), терн (гугем), алычу (алича) и виноград (пугти (черный и белый)). Следует отметить и обилие здесь в лесах дикорастущих фруктовых деревьев и виноградарников (мускери), ежевики (чудур). Вряд ли в каком-либо другом районе Дагестана можно наблюдать такого разнообразия сортов плодовых, особенно груши, как в Кайтаге.

Выращивание плодов требовало значительных затрат времени и сил, умения проводить селекционную и другие навыки (прививки, омоложение деревьев, окулировки и т. д.) Во многих селениях имелись признанные садоводы, к которым обращались за советом, за саженцами и т. п.

Осенью, после сбора урожая, ждали пока опадут листья. Лишь после этого производили обрезку деревьев и полив. Полив производили и зимой, если зима была сухая и теплая (в течение года полагалось полить сад 4—5 раз). Старались обрезку семечковых производить ежегодно, а косточковые (слива, абрикос) могли и не обрезать. Их обычно прореживали. Черешню не трогали вообще.

Что же касается персиков, то их обрезали ежегодно. Считалось, что побеги на персиковых деревьях все время надо обновлять. Информаторы говорят, что если персиковое дерево не дает ежегодного прироста, урожая не будет.

Некоторые садоводы проводили обрезку дважды (весной и

осенью). При этом осенняя обрезка считалась предварительной, а детальную обрезку обычно производили уже весной. При такой обрезке в случае заморозков деревья не погибали. Кроме того, персики, абрикосы подвергаются заморозкам и поэтому их обрезали весной. К началу холодов (поздней осенью) по возможности, старались перекопать приствольный круг и внести удобрения. Обычно вносили перепревший навоз.

Сбор урожая начинался с ранних абрикосов, черешни, алычи, груш.

Кайтаги редко вывозили на продажу свежие фрукты. Покупатели сами приезжали к ним в дни массовых сборов. Чаше же они реализовывали их в сушеном виде. Сушили груши, яблоки, виноград, абрикосы. Некоторые сорта груш («Курхан хьяр», «таттейя»), яблок («Кивара гынци») ели в основном в моченном виде. Мочили их в специальных глиняных сосудах «Кивара». Мочили груши, яблоки только в утренней родниковой воде.

Из винограда, тутовника и некоторых сортов груш варили патоку «дуцруг», которую использовали для приготовления мучной и ореховой халвы «метухь». Для приготовления ореховой халвы из «дуцруг» варили густой «чичепп», добавляя от 2 до 7 яиц на поднос халвы. Листья тутовых деревьев шли на подкормку шелкопряда.

Многие садоводы и виноградари постоянно занимались улучшением сортов. Они умели и вести борьбу с вредителями садов и виноградников.

Обычно сады не ограждались. Каждому путнику разрешалось зайти в любой сад и есть столько, сколько он хотел, отдохнуть под деревом, поспать. В то же время фруктовые деревья не разрешалось ломать, рубить. Запрещалось приходить в сад во время цветения с топором. Некоторые хозяева, чтобы предохранить плодоносящий сад от сглаза, в центре сада устанавливали шест, к которому прикрепляли череп лошади.

У кайтагов были и способы хранения фруктов. Хранили фрукты обычно в сарае, засыпав мякиной (особенно сорт груш «Курхан»), папоротником, виноград подвешивали кистями под потолком в хозяйственной комнате, сушеные груши, яблоки также хранили под потолком, нанизав их на нитки.

К концу XIX века в садоводстве и виноградарстве намечаются некоторые положительные изменения. В частности, больше стало возможности реализовывать фрукты на рынке.

Из технических культур кайтагам известны конопля (гячу) и лен (урбеш, селе, сели). Жители ряда сел занимались разведением шелкопряда.

Скотоводство

В хозяйственной деятельности кайтагов, наряду с земледелием, важную роль играло скотоводство. В исследуемое время жители Кайтага разводили крупный и мелкий рогатый скот. В конце XIX века (1897) в Кайтаго-Табасаранском округе быков и коров было 46448 голов, буйволов — 6806, овец — 74239, коз — 17636, лошадей — 5370 и ослов — 1274 гол.²⁵

О распределении отдельных видов скота по магалам в начале XX в. См.: таблицу.²⁶

Название магалов	Всех селе- ний	Об- щее число дво- ров в ма- гале	Скотоводство				Сколько приходится на каждый двор			
			лоша- дей, число голов	рога- того скота, число голов	овец, коз, число голов	ос- лов, число голов	лоша- дей	рога- того скота,	овец и коз	ослов
1. Кара- Кайтаг	11	616	226	2124	5390	—	0,4	3,4	8,75	—
2. Каттаган	5	103	36	230	3380	6	0,3	2,2	31	0,6
3. Шурканг	10	214	75	556	849	29	0,4	2,5	около 4	0,14
4. Ирчамуль	22	428	171	1287	1799	—	0,4	3	4	—
5. Уцари	4	117	63	370	3950	70	0,5	3,2	34	0,2

Как видно из таблицы, основное поголовье скота в нач. XX в. было сосредоточено в магалах Кара-Кайтаг, Каттаган и Ирчамуль. В Нижнем Кайтаге (Маджалис-Катта) большое внимание уделялось разведению крупного рогатого скота. Примечательно, что кайтаги, как и Акуша, Цудахар, Усиша и др. обязаны были платить дань быками или буйволами.²⁷ Развитию скотоводства способствовало наличие корма в виде мякины, покосных земель, богатых лесов. Почти все селения Нижнего Кайтага имели выгоны и леса. Овцеводство частично носило отгонный характер. Некоторые горные селения имели свои летние пастбища, а склоны, обращенные к югу, служили для них и зимними пастбищами. Так, например, жители магала Кара-Кайтаг «скот свой не перегоняли на зиму на плоскость».²⁸

И. Г. Гербер писал о Нижнем Кайтаге, что у них «особливо имеются хорошие луга для корму скотины и баранов, чего ради акушинцы и многие таулинцы баранов своих зимним временем сюды на корм пригоняют, и за то усмею положено пошлин платить».

И понеже каждую зиму более 100 000 баранов здесь кормятся, успею от того немалые доходы приходят».²⁹ Об этом же писал и Д. И. Тихонов. В частности, он отмечал, что «кутаны, или хуторы, уцмием некоторые отданы его чиновникам за услуги. Они же отдают оные в наймы на зимнее только время горским жителям, а летом вообще во всем Северном Дагестане бывают пустые».³⁰

Как видно из приведенного материала, в одних селах и магалах овцеводство носило отгонный характер, в других овец не перегоняли далеко, а обходились своими пастбищами. Разумеется, не везде имеющиеся пастбища (кутаны) были рассчитаны на большое количество овец. Часто зимние или летние пастбища арендовывались состоятельными овцеводами. Он мог в свое стадо за определенную плату брать и овец своих сельчан, родственников. Он же нанимал серкера, а серкер в свою очередь нанимал необходимое число чабанов. Серкер нес перед хозяином ответственность за сохранность овцепоголовья, а хозяин должен был обеспечить серкера и чабанов едой, одеждой. А все члены коша платили не только хозяину за пользование арендованным пастбищем, но и серкеру и чабанам за содержание овец. За свой труд серкер получал за сезон от 10 до 20 овец, а чабаны 5—8 голов молодняка. Плата зависела от площади арендуемого пастбища и численности овцепоголовья.

После ягнения овец обычно перегоняли в горы на летние пастбища. До этого овец стригли. Овец обычно стригли два раза в году. Первую стрижку проводили весной, в конце апреля — начале мая, вторую — в начале октября. «Зимняя» шерсть считалась худшего качества. Овцы начинали ягниться до достижения 1 года, прекращали на 6—8-м году жизни. Зимовать оставляли лучшую (крепкую) часть приплода, остальных забивали на мясо.

В обязанности серкера входило приготовление сыра. Весь изготовленный сыр доставляли хозяевам овец. В обязанности серкера входило и лечение овец. Некоторые богатые овцеводы заботились и об улучшении породности овец.

Значительную роль в хозяйственной жизни кайтагов играл крупный рогатый скот. Степень развитости крупного рогатого скота в различных природных зонах (Верх. К., Ниж. К.) не была одинаковой. По данным, приведенным выше, можно проследить, что основное поголовье крупного рогатого скота было сосредоточено в магалах Кара-Кайтаг (Нижний К.) и Ирчамуль (Верх. К.). По рассказам информаторов в Верхнем Кайтаге из крупного рогатого скота больше было молочного скота, так как из-за незначительного земледелия быки здесь разводились в небольшом количестве. В процентном отношении значительная доля коров приходилась на Нижний и Верхний Кайтаг, быков и буйволов на Нижний Кайтаг. В Целом в Кайтаго-Табасаранском округе в 1912 г.

доля буйволов составляла 31,7% от общего количества КРС».³¹

В Кайтаге была развита система сезонных хуторов, где летом содержался молочный скот. Зимой скот находился в основном на стойловом содержании. В хорошую погоду каждая хозяйка выпускала своих коров на пастьбу. Пастбищные угодья обычно находились вблизи селений. Бывали случаи, как мы уже упоминали выше, когда одним выгоном пользовались жители нескольких селений.

Продолжительность содержания скота на подножном корму не была одинаковой для всех магалов, селений и зависела от состава стада и климата. Вообще же скот выпускали в поле, как только снег сойдет. Заканчивался пастбищный период с первыми заморозками. Но эти сроки для Верх. и Нижн. Кайтага были разными. Кормом для крупного рогатого скота служили сено, кукурузные стебли, солома (мякина). Каждый день утром и вечером скот выводили на водопой. Но если день был холодный и скользкий, поили дома.

Коровы телились, главным образом, весной. Первого теленка корова приносила на 3-м или 4-м году, прекращала телиться в 16—17 лет. В течение жизни корова приносила в среднем 8—10 телят. Через 3—4 дня после отела корову выпускали на пастбище. Первые 2—3 дня ее оставляли с теленком, затем теленок отлучался от матери. Доили коров два раза в день — утром и вечером. Теленка поили молоком, супом из отрубей и хлебных крошек, потом уже мягким сеном. Период доения коровы прекращался за 6—7 недель до нового отела.

Скот обычно содержали в хлеву «дурхъа» (зимой), летом — в открытых дворах (паж, п'яйни). Телят держали в особых телятниках. Обычно это бывал тот же хлев, разделенный плетневой, позже деревянной перегородкой. Эта часть «дурхъа» называлась «к'ем». Иногда в хлеву бывало несколько отделений. Каждое отделение предназначалось для определенной категории скота. Подстилкой скоту в хлеву служила солома, оставшаяся несъеденной. Подстилки устраивали только для дойных коров и телят.

Зимнее содержание крупного рогатого скота в разных селах имело свои особенности. В одних селах хлев располагали на первом этаже жилого дома, в других — хлев строили рядом с помещением для жилья. Некоторые строили и специальные помещения для телят и овец. Они отличались тем, что были более теплыми, чем для крупного рогатого скота. Днем весь скот выгоняли во двор. Двор также разбивался на несколько отделений, сделанных из жердей или плетня. В самые холодные дни телят держали в жилой комнате.

Летом скот находился под присмотром наемных пастухов. Их нанимали для каждого стада отдельно (для коров; телят; для

рабочих быков и волов). Считалось достаточным иметь одного-двух быков производителей на стадо.

Пастухами в Нижнем Кайтаге нанимались бедняки с горных сел. В некоторых селах из-за отсутствия пастуха скот пасли сами общинники по очереди. За свою работу пастух получал зерно и ежедневную еду (вечером и утром). Пастух должен был следить не только за сохранностью скота, но и за тем, чтобы скот был сыт и недопустил потраву.

Крестьяне тщательно ухаживали за рабочими лошадьми, дойными коровами, мелким рогатым скотом. Рабочим лошадям и овцам давали сено лучшего качества, дойным коровам — среднего, гулевого рогатому скоту и гулевым лошадям — худшего качества. Информаторы рассказывали, что гулевой скот (лошади), а также крупный рогатый (недойное стадо и быки), нередко всю зиму кормили одной соломой.

Крупный рогатый скот был местной породы. Она была малопродуктивной и маломолочной, имела небольшой убойный вес, хотя была хорошо приспособлена к местным условиям. Коровы Верхнего Кайтага к тому же были неприхотливы в отношении корма и ухода. Но молоко этих коров отличалось высоким содержанием жира.

Для усовершенствования местной породы и воспроизводства поголовья крестьяне оставляли только лучшие особи (рослые, крепкие).

Лошади. Значительное место в хозяйстве кайтагов занимали лошади. Например, в нач. XX в. в магале Кара-Кайтаг их было 226 (на каждый двор приходится по 0,4), в магалах Ирчамуль — 171, Каттаган — 36, Шуркант — 75. Естественно, их значительно меньше, чем крупного рогатого скота (Ср.: в магалах Ирчамуль — 1287 гол., Кара-Кайтаг — 2124 гол. и т. д.). Лошадей в Нижнем Кайтаге в основном использовали для верховой езды. В Верхнем Кайтаге их использовали и в качестве вьючного животного. Лишь в двух магалах (Каттаган и Шуркант) имелось всего 35 ослов (6 в магале Каттаган и 29 в магале Шуркант).³² Их использовали как вьючных животных. Для лошадей не возводилось никаких построек и животные всю зиму проводили под навесом.

Разводили кайтаги и птицу — кур, петухов. Особенно много было птицы в Нижнем Кайтаге.

Значительное распространение как в Верхнем, так и в Нижнем Кайтаге получили пчеловодство (мирхьи) и охота (гЯиир). В описании Северного Дагестана в 1796 г. о кайтагах Д. И. Тихонов пишет, что «Берется с них масло и мед, да и сие по состоянию земледельца».³³ В Обзоре Дагестанской области за 1913 г. отмечается, что Кайтаго-Табасаранский округ «по пчеловодству считался одним

из наиболее продуктивных. В 1913 г. здесь насчитывалось 2454 ульев, добыто меду 184 пуда, воску 31 пуд».³⁴

Вот как описывает охоту кайтагов Е. Шиллинг. «Когда-то достаточно видное место в ряду занятий занимала охота. По принятым обычаям охотиться любили коллективно. Собиралась пруппа мужчин. Один из охотников отбирал у всех шомполы и бросал их на две стороны. Шомполы разбирались владельцами, и, таким, путем образовывались две партии: одна предназначалась для засады, а другая для тона зверей навстречу засевшим».³⁵ Охотились обычно на диких уток, зайцев, на кабанов, медведей.

Домашние промыслы и ремесла

Часть кайтагских селений специализировалась на ремесле, особенно на деревообрабатывающем промысле; были развиты сукноделие, обработка камня, кожи, конопляное ткачество, изготовление бумажных и шелковых тканей и др. Так, жители селения Ширя (Шарьи) выделывали сукна. «В магале Ицари во всех селениях делали сукна». Жители сел. Кала-Корейш также выделывали сукна. Наряду с сукноделием большое значение имело изготовление тканей из конопли. Некрашенные конопляные ткани шли не только на мешки и паласы, но и на одежду (мужскую, женскую). Центрами изготовления этих тканей являлись в основном селения Нижнего Кайтага. «В магалах Шуркант, Каттаган, Ирчамуль и Кара-Кайтаг во всех селениях выделывают сизязи, а в сел. Хунгия (магал Каттаган) выделывают бурки».³⁶

В селениях Карацан, Баршамай, Джавгат изготовлялись и ткани из хлопка и шелка. Хлопок и шелк часто ввозились из Азербайджана (Нухи), хлопком их снабжало население плоскостных районов Дагестана, в частности, соседи-кумыки. Кроме того, разведением шелкопряда в XIX в. занимались и сами кайтаги.

Значительного развития получили домашние промыслы, связанные с обработкой кожи (крупного и мелкого рогатого скота). Обработкой кожи мелкого рогатого скота в большей степени занимались евреи.

Были также развиты промыслы, связанные с обработкой дерева. «Лесу в горах и на плоскости к морю разных родов вдовольном изобилии и годного для строения в множайшем количестве»³⁷, — отмечает Д. И. Тихонов. Такие селения, как Тама, Адага и др. специализировались на производстве домашней деревянной утвари и мебели. Поэтому в селениях Кайтага и его соседей больше мебели, чем у других дагестанцев. Это огромные, во всю стену лари, со шкафами по краям, шкафы для посуды и продуктов с несколькими полками (хъамас) разукрашенные резьбой, оригинальные деревянные тахты и кровати с фигурными украшениями и

резьбой (тамхь, къасурби), стулья и маленькие табуретки (курси) и др. Наиболее древним из них, на наш взгляд, является маленький, очень изящный табурет на трех или четырех ножках со спинкой или без нее. Для изготовления этих изделий использовали липу (хира), дуб, бук, орех. Кайтаги изготовляли и седла, земледельческие орудия, колеса.

Все это искусные мастера делали не только для себя, но и на продажу. «Большинство предметов этого производства имеет сбыт и в других местах».³⁸ В целом Верхний Кайтаг выступал как центр ремесленного производства на рынок. Здесь же было много и строевого леса (магалы — Каттаган, Шуркант, Ирчамуль, Кара-Кайтаг).³⁹

В Верхнем Кайтаге получило развитие кузнечное и камнерезное дело (надгробия и детали украшения каменных домов). Незначительное кузнечное производство существовало и в Нижнем Кайтаге (например, в сел. Баршамай и др.).

Были признанные мастера по обработке камня, дерева, по изготовлению земледельческих орудий и транспортных средств, инвентаря, предметов утвари.

Следует отметить, что кайтагские лари (сандуг), люльки (сири), седла (жили), кровати, меры для зерна, сундуки, деревянные корыта, сельскохозяйственные орудия были широко известны за пределами Кайтага.

Из домашних промыслов Нижнекайтагов (сс. Баршамай, Абше, Рука, Гявши, Джибахни) исследователи (Е. М. Шиллинг) особо выделяют, наряду с шерстяным и конопляным ткачеством, производство особых подушечных вышивок. Рассказывают, что кубачинские антиквары в начале XX века возили кайтагские подушечные вышивки за границу и продавали их там за хорошие деньги. Позже такой вышивкой стали украшать подзоры и занавески. (См.: Шиллинг Е. М. Указ. соч. С. 4). Английский исследователь Роберт Ченсинер в 1993 году издал книгу, посвященную кайтагским вышивкам (Robert Chenciner, Kaitag. Textile ART From Dagestan, London, 1993 — Роберт Ченсинер. Кайтаг. Текстильное искусство из Дагестана. Лондон, 1993 г.). В богато иллюстрированной книге содержится 80 цветных и 180 черно-белых изображений разнообразных кайтагских вышивок. В 1994 году выставка этих вышивок была организована в Париже и вызвала большой интерес.

По мнению автора книги многие элементы орнамента кайтагских вышивок по форме находят аналогии с орнаментальным искусством Византии, монголов, китайцев, турков, кельтов и др. Рассказывают, что женщины из этих сел вышивками украшали и одежду. Состоятельные кайтачки вышивали золотом (жобуру для пистолета, кисеты, башлык, бурку и т. д.).

Е. М. Шиллинг считал, что «Упомянутые вышивки являются на Кавказе предметом единственным в своем роде, и мы можем рассмотреть их, как один из оригинальных элементов национальной культуры кайтагов, хранящей изобразительные традиции предков, несомненно связанные со старейшим наследием нагорного Дагестана».⁴⁰

Как мы уже говорили выше, не менее интересна кайтагская резьба по камню, лучше всего представленная старинными надгробными памятниками. В ней также бросается в глаза удивительное обилие так называемых солярных и спиральных мотивов того же самого стиля. Эти мотивы встречаются и в кайтагской резьбе по дереву.

В заключении следует еще сказать, что каждая кайтачка умела прясть, ткать, шить, кроить и т. п. Станок для тканья ничем не отличался от других дагестанских. Это обычная прямоугольная рама. Ее длина могла достигать до 2 и более метров, а ширина — 35-40 см.

ОТХОДНИЧЕСТВО

Ни продукты земледелия и животноводства, ни предметы домашнего производства не могли обеспечить жителей необходимыми средствами для существования. Главная причина — неравномерное экономическое развитие отдельных сел. Поэтому, значительная часть населения Кайтага (мужчины) с декабря до мая уходила в отхожий промысел. Не следует, однако, думать, что отхожие промыслы практиковались среди всех кайтагов. Жители магалов Ирчамуль и Кара-Кайтаг вообще не уходили на заработки⁴¹. Наибольший процент отходников падал на Верхний Кайтаг. Часть Верхнекайтагов в период сельскохозяйственных работ уходила в селения Нижнего Кайтага, в Терекеме. Значительная часть их уходила на дербентские виноградники, рыбные промыслы (батагь), «во время выкопки марены, покоса и жатвы»⁴². В конце XIX—начале XX вв. кайтаги стали уходить на нефтяные промыслы, различные работы на железно-дорожной линии, строительство каналов, дорог. Многие мужчины отправлялись в Нижний Кайтаг, в Дербент, Терекеме для пошива шуб, шапок. Если в 1897 г. в Кайтаго-Табасаранском округе отлучились на заработки 1253 чел.⁴³, то в 1907 г. число отправившихся на отхожие промыслы достигло 7529 чел.⁴⁴ В отличие от многих других дагестанцев, кайтаги почти всегда возвращались в свои села, отработав сезон.

* Зимой саяя, а летом волокуша.

Основными транспортными средствами для кайтагов служили лошади (ирчи — конь, рабочая лошадь — ябу). Выше мы могли убедиться, что лошади были не у всех. Но, по свидетельству информаторов, если кайтагец отправлялся в дальний путь и у него не было лошади, он всегда мог рассчитывать на лошадь своего брата, сына, родственника, соседа. Несколько лучше обстояло дело с грузовым транспортом. Это обычно арба (уркура) в бычьей или буйволиной (Нижний Кайтаг) упряжи (дуклI), сани* (гъял) разнообразной формы. Были сани для упряжки волов (ицагъал) и сани ручные (някъла гъял). При необходимости арбу и сани наращивали сплетенной из прутьев сапеткой жердями и т. п. разнообразной формы. В зависимости от этого, сани носили разные названия.

Так, например, сани, предназначенные для перевозки алычи, черешни, тутовника, слив назывались «урклела тIунекъкъ». Самые большие сани для перевозки половы «некк» назывались «мажу». Были сапетки для перевозки на спине навоза, мусора «дикъкъан тунекъкъ». Эти же сапетки, но уже вышедшие из строя, использовались для несения яиц. Их называли «иркъвягу кабирхъан тIунекъкъ». В Нижнем Кайтаге арбы были размером больше (выше и длиннее), а в Верхнем меньших размеров. Кроме того, в Нижнем Кайтаге почти не было саней. Некоторые кайтаги лошадь использовали и как вьючное животное. Лишь в некоторых селениях как вьючных животных использовали и ослов (эмгъа, имгъа). В начале XX в. в отдельных кайтагов (Нижний Кайтаг) появились фургоны. В фургоны запрягали только лошадей.

Торговля

В исследуемое время одним из жизненно необходимых занятий кайтагов была торговля. После присоединения Дагестана к России ее роль значительно возрастает. Касаясь торгов и покупок жителей всего населения кайтагского Уцмийства Д. И. Тихонов пишет: «Торговлю все жители производят по большей части с соседними владениями, как-то: скотом, хлебом, медом и воском. Мариону продают в Дербент, а иногда доставляют и в Кизляр. Из шерсти овечьей делают на продажу и домашние употребления просты сукна: синие, черные, белые и разные ковры, делают и бумажный холст. Сами покупают, привозимые из России и Персии парчи и сукна, медь, олово и железо, а свинец и селитру от дербентцев и кубинцев. Серебро и золото достают из России и Пер-

сии. Ружья, пистолеты, сабли и кинжалы с оправой серебряной делают сами, также и порох. Кремени имеют и в своем владении, но лучшие покупают из Шамхалова владения в деревне Губден.

...Серу находят в горах к западу. Соль берут без заплаты денег; получают же близ берегов моря малого Буама и Дарбаха в нарочито вырытых ими ямах, где садится довольно количество. Нефть получают из колодцев близ моря между Большим и Малым Буамам же. Известь делают в каракайдацких деревнях».⁴⁵

Во всей этой приведенной выше торгово-ремесленной деятельности самое активное участие принимали и сами кайтаги. Нижнекайтаги продавали зерно, крупный рогатый скот, фрукты (в основном сушеные), некоторые изделия домашнего производства. Так, Гербер о нижнекайтагах пишет, что «Пшеницею и ячменем удовлетворяют многих в горах живущих народов, которые для покупки того хлеба сюда приезжают».⁴⁶ Жители Верхнего Кайтага продавали овец, масло, сыр, изделия из дерева.

Сами кайтаги покупали у харбукцев сошники для плугов, серпы, косы, топоры, лопаты, мотыги, кирки, подковы для лошадей, гвозди, замки. Поскольку Харбук в XIX в. был центром производства огнестрельного оружия, кайтаги у них приобретали ножи, сабли, кинжалы. Гончарные изделия они приобретали у суловкентцев. Некоторые изделия ремесленного производства (медную посуду и утварь) приобретали у лакцев, а обувь на твердой подошве у кубачинцев. Иногда мастера лаццы и кубачинцы поселялись на год-два в том или ином селе с семьей или без семьи. Некоторые оставались и навсегда. Вязаные шерстяные узорные носки кайтаги приобретали у табасаранцев. Состоятельные кайтаги в городах покупали дорогие ткани — парчу, бархат, шелк. После присоединения Дагестана к России стало возможным покупка и дешевых бумажных тканей — ситец, бязь и другие хлопчатобумажные ткани, дешевые платки.

Практиковался в основном натуральный обмен на фрукты, зерно, мясо, хотя частично кайтаги свой товар в городах продавали и на серебряные монеты.

Свой товар нижнекайтаги, главным образом, сбывали в Дербенте и там же приобретали товары, необходимые для своего хозяйства. Многие кайтаги выезжали и в Кизляр. Что же касается жителей Верхнего Кайтага, то они чаще пользовались Маджалисским базаром (с 1891 г. в Маджалисе уже функционировал ежедневный базар⁴⁷, а еженедельный базар функционировал еще раньше⁴⁸), тем более считалось, что самое дешевое и лучшее зерно можно купить именно здесь. По сведениям информаторов, издревле в Маджалисском базаре был и самый дешевый скот.

Здесь следует отметить, что в городах, особенно в Дербенте, еами кайтаги в качестве продавцов и покупателей выступали очень

* Зимой сани, а летом волокуша.

редко. Все торговые операции они осуществляли через посредников — евреев или скупщиков. Каждый кайтаг имел в Дербенте кунака еврея. И еще. Так было установлено, что кайтати не ездили на рынок в одиночку, прибывали группами. Иногда скупщики сами разъезжали по селам и скупали продукты, другие товары, а потом сбывали их в собственных лавках в Дербенте или же отвозили еще дальше. Информаторы помнят таких скупщиков, но назвать их имена они не смогли.

В 1891 году Кайтаго-Табасаранскому округу было выдано 229 торговых свидетельств.⁴⁹

Приведенные выше данные, несмотря на их разрозненный характер, все же свидетельствуют о развитости торговли у кайтагов. В начале XX в. наблюдается дальнейшее оживление торговли. Постепенно в сельской местности усиливается спрос на изделия готового городского ремесла. Тем не менее, информаторы отмечают, что в то время кайтаги гораздо больше продавали на рынке, нежели покупали, ибо домашние промыслы продолжали еще иметь широкое распространение.

Единицы измерения

Для сыпучих тел — «дярхIяни» (25 кг. пшеницы (ачIила), 18 кг. ячменя (мухьяла), 16 кг. полбы («перуш»).

ДярхIяни — составляет 10 «сягI». Были дярхIяни и побольше — 25 кг.

Один «сягI» равен 2,5 кг.

Меры веса

Самая малая мера — куриное яйцо (иркьяла миква).

Три литра — «четбер»

400 граммов — «гилавка» или «вакья»

7 гилавка — «ратIал» (2 кг. 800 гр.).

Меры длины

Аршин — «гIяршум», локоть — «декI», 11 «кулаков» составляют — 0,5 м.

Еще локоть обозначают термином «газала».

«Угъал бутIала ца бутIа» — 125 см.

Пядь — чIим.

Землю измеряли шагом «тIяз», «кьяш».

Расстояние между раздвинутыми ногами навывало еще «Iу-кьяй».

¹ Гербер И. Г. Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря. // История, география и этнография Дагестана XVIII—XIX вв. Архивные материалы (Далес—ИГЭД). М., 1958, С. 83.

² Там же, С. 85.

³ Там же.

⁴ Ахвердов А. И. Описание Дагестана. 1804. // ИГЭД, С. 216.

⁵ Тихонов Д. И. Описание Северного Дагестана. 1796. // ИГЭД, С. 134.

⁶ Ковалевский М. К., Бларамберг И. Ф. Описание Дагестана. 1831. // ИГЭД, С. 309.

⁷ Гене Ф. И. Сведения о горном Дагестане. // ИГЭД, С. 344.

⁸ Феодалные отношения в Дагестане. XIX—начало XX в. Архивные материалы. Составление, предисловие и примечания Х.-М. Хашаева. М., 1969. С. 227.

⁹ Феодалные отношения в Дагестане, С. 226.

¹⁰ Там же, С. 227.

¹¹ Там же.

¹² Феодалные отношения... С. 227.

¹³ От зерновых культур поле сильно засоряется, а пропашные культуры, наоборот, очищают поле. Пропашные культуры имеют междурядья. Это дает возможность их обработки.

¹⁴ Феодалные отношения... С. 227.

¹⁵ См.: Сб. статей «Терских ведомостей» за 1883 г. Владикавказ, С. 697.

¹⁶ Феодалные отношения... С. 216.

¹⁷ Феодалные отношения... С. 227.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Обзор Дагестанской области за 1905 г. Темир-Хан-Шура, 1907, С. 9.

²⁰ Тихонов Д. И. Указ, соч., С. 128.

²¹ Тихонов Д. И. Указ, соч., С. 134.

²² Обзор Дагестанской области за 1904. Темир-Хан-Шура, 1905, С. 38—39.

²³ Феодалные отношения... С. 212.

²⁴ Там же.

²⁵ Обзор Дагестанской области за 1897 г. Т-Х-Шура, 1898.

²⁶ См.: Феодалные отношения в Дагестане, С. 228.

²⁷ Мухаммед Рафи. Извлечение из истории Дагестана // ССКГ. У. Тифлис, 1871. С. 23; Бакиханов А. Гиулистан—Ирам. Баку, 1926.

²⁸ Феодалные отношения в Дагестане, С. 225.

²⁹ Гербер И. Г. Указ, соч., С. 83—84.

³⁰ Тихонов Д. И. Указ, соч., С. 134.

³¹ Окладников А. П. К вопросу о буйволоводстве в Дагестанской республике и о составе молока буйволиц // Материалы к изучению Дагестана. Вып. XII. Махачкала, 1928, С. 138.

³² Феодалные отношения, С. 228.

³³ Тихонов Д. И. Указ, соч., С. 133.

³⁴ Обзор Дагестанской области за 1913 г. Т-Х-Шура, 1915, С. 24.

³⁵ Шиллинг Е. М. Кайтаги // Шиллинг Е. М., Панек Л. Б. Сборник очерков по этнографии Дагестана. Рук. Ф. ИИЯЛ. Ф. 5. ОП. 1. Д. 37. С. 4.

³⁷ Феодалные отношения... С. 228.

³⁷ Тихонов Д. И. Указ, соч., С. 134.

³⁸ Феодалные отношения в Дагестане, С. 228.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Шиллинг Е. Указ, соч., С. 4.

⁴¹ Феодалные отношения, С. 228.

⁴² Там же.

⁴³ Обзор Дагестанской области за 1897 г. Т-Х-Шура, С. 75.

⁴⁴ Обзор Дагестанской области за 1907 г. Темир-Хан-Шура, 1909.

⁴⁵ Тихонов Д. И. Указ, соч., С. 134.

46 Гербер И. Г. Указ. соч. С. 83.

47 Хашаев Х. М. Общественный строй Дагестана в XIX в. М., 1961. С. 121

— 122.

48 Обзор Дагестанской области за 1903 г. Темир-Хан-Шура, 1904.

44 Хашаев Х. М. Указ. соч. С. 121—122.

Глава III. МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА

Особенности традиционных форм поселений и жилища кайтагов определяются прежде всего разнообразными природными условиями. В Кайтаге имелись прекрасные леса, луга, горы и равнины (географически эта местность определяется как средняя часть бассейна р. Улду-Чай, впадавшей в Каспийское море; восточная часть — предгорная и равнинная; западная — нагорная). Поэтому поселения и жилища разных географических зон могут служить иллюстрацией тесной зависимости народной архитектуры от природной среды.

Поселения

При выборе места поселения кайтаги руководствовались теми же принципами, что и другие народы. Это прежде всего проблема водоснабжения, оборонительный фактор и наличие вблизи поселения земли, пригодной для пахоты, сенокосов и пастбищ.

Почти все кайтагские селения расположены так, чтобы на них падало солнце в течение всего дня, т. е. лицом к солнцу. Дома в поселениях также имеют солнечную ориентацию. Этого особенно строго придерживаются в Верхнем Кайтаге, где климат намного суровее, чем в Нижнем.

В XIX — начале XX в. у кайтагов встречается один тип поселений «Ши». Отселков в исследуемое время кайтаги не имели. Образование поселений такого типа исследователи относят к XI—XIV вв. Это более раннее поселение. И оно «являет собой этап перехода от родовых поселений через территориально-родовые к территориальным»...¹ В легендах и преданиях говорится, что когда-то кайтаги жили родовыми поселками. В дальнейшем (в средние века — Б. А.), в результате различных причин (разложение рода, нехватка свободной земли поблизости, нашествия (монголо-татарские — XIII—XV вв. — Б. А.), усиление общения между племенами, появление новых путей и новых связей),² из

родовых поселений образовались более крупные территориально-родовые поселения. Так, например, предание гласит, что селение Жирабачи (Жирбачли) образовалось из нескольких населенных пунктов — Жипгыгат, Буцлиши, Кьутайла кьякь, Ускаш. На месте, где было селение Кьутайла кьякь сохранились стены мечети. По рассказам, их объединению способствовала какая-то болезнь, которая унесла жизнь многих людей, после чего в некоторых селах оставалось по 1—2 человека. «Из-за того, что в одиночестве выжить было сложно, они объединились в одно село», — говорят информаторы.

По преданиям, название селения Жирбачли происходит от слова «жира».* Предание гласит, что один житель этого села испек из 1 «жира» муки хлеб и разом съел его. С этого времени стали называть его «жирабуклан» («жира съедающий»), а людей из этого аула — «жирбукланти». Отсюда и название аула — «Жирбачли». По другой легенде Жирбачли происходит от слова «Жибариб» — («Жи» — призыв и «бариб» — сделал).

Подобные легенды имеются и об образовании других сел. Так, например, название селения Бажлук, по преданиям, происходит от слова «бажув» («бажув» — порода дерева). В окрестностях этого селения было много деревьев этой породы. По рассказам информаторов, селение Бажлук еще называли — «Кумур-кент» (от слова «Кумур» (уголь) и «кент» (село). Говорят, что жители этого села заготавливали древесный уголь и продавали кубачинцам и амузгинцам.

По преданиям, селение Варсит возникло из средневековых поселений Хиялинтли, Агълавлли. Развалины этих сел сохранились и сегодня. Согласно другим преданиям, варситцы (с. Варсит) жили около моря на плоскости, где были соляные озера. В результате нашествия они вынуждены были переселиться на новое место. Там, где они основали новое село жил всего один человек под буркой «варси». Отсюда и название села «Варсит». О заселении плоскости даргинцами, в том числе кайтагами имеются предания в селении Тама и др.³

Предание гласит, что в селение Дакъниса переселились жители селения Милецан (сохранились развалины и кладбище этого селения), а с селением Жинаби слилось маленькое село Чибгъри.

«Селение Верхнего Кайтага Лища образовалось, по преданию, из остатков населения семи аулов, пострадавших от сильной эпидемии. Развалины некоторых из этих средневековых поселений можно видеть и сейчас. Эти поселения назывались, согласно легенде, Магли, Хасан, Магли Ган, Маггурди раз, Ацахъри, Амалци.

* «Жи́ра» — мерка весом чуть больше 1 кг., которым расплачивались за мельничные услуги.

Борщага и седьмой — сам аул Лища. Основателями нового селения явились парень из Борщага и девушка из Магли Ган. Видимо, здесь также происходил процесс разложения рода и распада родовых поселков, а стихийное бедствие в виде эпидемии ускорило этот процесс и способствовало созданию нового селения, уже не родового, а территориального характера»⁴.

Селение Къирцик (от слова «гъярцли — бухъенни» — узкое, длинное место), по преданиям, образовалось из трех сел: Рутхъар, Амчита, Микъибайл. Жители каждого из этих селений в новом селе заняли отдельный квартал. Так, жители селения Рутхъар поселились в Карша (Хъарша) — Нижний квартал, Амчита — в Хъаршигни (хъарша) — Верхний квартал и Микъибайл в Бизайла (середина).

Подобные предания существуют о селениях Нижнего Кайтага. «Так, например, селение Рука образовалось из трех селений — Гехни, Эшичи, Чикъижи, развалины которых сохранились и поныне. Как и в отношении большинства случаев селообразования, в легенде указывается, что селения эти были покинуты после какого-то большого бедствия. Селение Рука иногда даже называют Эвши (Гъявши — Б. А.) (три селения), намекая на его происхождение».⁵

Таким образом, наши материалы позволяют нам выделить в кайтагских поселениях три типа — в эпоху родового строя это небольшие родовые поселки; затем «разложение родового строя и зарождение феодальных отношений привело к образованию территориально-родовых поселений, постепенно превращавшихся в территориальные»⁶ (позднее, когда селения разрастаются).

В исследуемое время кайтагские селения были небольшими по размеру (1 село всего 3 дыма, одно — 4, два — 5, одно — 6, одно — 7, 2 села — 8 дымов, по 9 — 10 дымов, от 13 до 35 дымов — 23 села, от 36 до 51 — 12 сел и лишь по одному селу составляли 80, 90, 95, 165 дымов.⁷

Возможно, небольшие размеры поселений в исследуемое время объясняются тем, что в результате естественного роста населения, вновь образованные населенные пункты разрастались и начинался обратный процесс — расселение из села и образование новых сел. Причиной расселения могла быть и «постоянная нужда в пастбищах».⁸

Народные предания часто связывают возникновение некоторых селений с чужеземными пришельцами. Так, например, происхождение шилагинцев кайтаги связывают с немцами.

Поселения нижнекайтагов (восточная часть) близки с типом соседних кумыкских и вообще предгорных поселений горизонтальной зональности. Дома здесь не столь скучены и не столь высоки. Селения же Верхнего Кайтага (западная часть) — это обычные скученные, террасообразные с вертикальной зональностью посе-

ления. Они чаще расположены на крутых скальных склонах или гребнях гор. В последующем с изменением политической обстановки, с ростом экономики, жители стали строить дома на ровных участках с сохранением старой части аула. «Такие аулы с новыми кварталами можно назвать поселениями вертикально-горизонтальной зональности».⁹ Такие поселения возникли лишь после присоединения Дагестана к России.

Центром селения служила ровная площадка, обычно около мечети, где располагался годекан «учар». В горных селениях (Верхний Кайтаг) «учары» располагались на краю аула, обычно у дороги в близлежащие и дальние селения, у въезда в селение, посередине села (если дорога проходит посередине села). Прямых улиц ни в Верхнем, ни в Нижнем Кайтаге не было. Иногда, въезд в село запирался воротами и здесь же на возвышенности (на холме) для защиты от постоянных набегов ставились сторожевые и боевые башни. Такие башни были у селения Жирабачли под названием «Гулди», в других селениях. В отчете о работах этнолингвистической экспедиции 1924 г. мы читаем, что «Аул Ицари поражает своей скученностью, он почти весь состоит из узких полутемных коридоров, над которым возвышаются дома, нередко имеющие по несколько этажей. При въезде в аул чувствуется, что построен он, придерживаясь какому-то более древнему плану с определенной оборонительной целью, и при более внимательном осмотре видно, что стены первых его домов или представляют материал более древних построек, или же в целом ряде частей являются определенными остатками древности. Дальнейший осмотр показал, что с. Ицари разросся на руинах замка, перестраивая его и используя его фрагменты. Фрагменты эти отличаются хорошей кладкой хорошо обработанного камня в весьма крупных блоках. Выяснить план этого замка весьма трудно, т. к. позднейшие наслоения требуют огромной работы расслоением их частей и выделением древних фрагментов, которые порой скрываются в мрачных подвалах».¹⁰ В Верхнем Кайтаге было немало поселений (с. Тама, Пилякьи, Варсит и др.) с оборонительными башнями. Так, Ицаринская башня защищала единственный подступ к селению «с северо-запада, куда обращены бойницы, тогда как стороны, глядящие на аул, глухие, если не считать одного лишь входного отверстия. В самом селении, внизу, в труде сросшихся жилых построек, видны остатки старых монументальных, обращенных на запад, стен с тремя арочными воротами. По характеру кладки эти стены очень напоминают древние дербентские. В них попадает тот же способ облицовки с расположением плит попеременно «на образок», ребром и плашмя. В отличие от окружающих строений они сложены из очень крупных обтесанных и хорошо пригнанных блоков».¹¹ Далее автор пишет, что ицаринская башня — сооруже-

ние феодального периода. «Общество Ицари, подчинявшееся удмию, было крайним на юге укрепленным пунктом его владений, близким к землям агулов, Казикумухского ханства и воинственно-вольного даргинского общества Сюрги. Стратегическое расположение ицаринских укреплений, относящихся к разным эпохам, вполне оправданно. Башня построена, по-видимому, не позднее XV—XVI века, когда резиденция удмий, или членов его дома, была еще в горах. Своими бойницами башня смотрит как раз в сторону общества Сюрги.

Что касается остатков ицаринских крепостных стен, то датировку их, по-видимому, надо связывать с древними стенами Дербента. Внешнее сходство тут не случайно. Можно полагать, что эти стены были некогда конечным звеном колоссальной крепостной стены, шедшей непосредственно от Дербента вглубь страны и предварительным обследованием прослеженной как раз приблизительно до этих мест.

По преданию башню строили из материалов, добываемых на камнеломнях в окрестностях Ицари. Доставка шла конвейером; 800 чел. стояли цепью, соединявшей камнеломню со строительной площадкой и передавали из рук в руки камни. До обеда передача шла с южной стороны, после обеда — с северной. Бревна возили из леса между Кала-Корейшем и Сулевкентом.

О системе охраны рассказывают, что первый отряд дозорных сидел в башне, второй караулил на дороге. В самом ауле перед вечером запирали крепостные ворота. Местные предания говорят о нападениях на Ицари сюргинцев и полчищ шаха Аббаса. Персы будто бы выжгли все окружающие посевы, так что ицаринцам приходилось питаться горным бураком, но овладеть укреплением захватчики не смогли.

Ицаринская башня круглая, более широкая внизу и более узкая вверху. По форме и деталям, она несколько напоминает образцы западно-европейской средневековой военной архитектуры. Кладка сухая, состоящая из рядов неровных, не очень крупных, необтесанных камней. Для связи в кладку в разных местах заложены бревна заподлицо или в поперечном направлении, т. е. по толще (типичный местный строительный прием, применяющийся до настоящего времени). По верху башни идет пояс консолей, образуемых рядом постепенно выпускаемых камней и брусьев. На консолях были, вероятно, машикули и зубцы, не сохранившиеся. Башня имеет пять этажей. Высота ее достигает 16—18 метров. Толщина стен на уровне второго этажа 1½ м. Внутренний диаметр на том же уровне около 7-ми метров. В стенах башни имеются бойницы в виде узких стрельчатых отверстий с прямоугольными амбразурами. Входное отверстие тоже на уровне второго этажа имело

деревянную дверь с двумя створками, вращавшимися на шинах. Башня описанного типа примыкает к архитектуре юга».¹²

Каждый аул обычно делится на кварталы. Кварталы в основном носят территориальные названия. Так, например, в селении Кирцик имеется три квартала территориального происхождения: «Карша» («Хьарша») — Нижний квартал, «Хьаршигни» («Хьарша») — Верхний квартал, «Бизаилла» или «Эла кьят» («средняя часть» или «Задний квартал»). Здесь хоронили на трех разных кладбищах. В селе были четыре «учара» (3 — квартальные) и один общий. Интересно отметить, что тухумы, проживающие в разных кварталах и имеющие каждый свое кладбище, во время праздников (Ураза, Кьурбан) посещали свое и другие кладбища. В селении Бажлук также три квартала: «Хьарша» (Верхний квартал), «Дагша» (Средний квартал), «Хьварша» — Нижний квартал. На общесельском кладбище были тухумные ряды. Говорили, например, «чула жинс», Майсула Ашурбегла жинс, Сумпурхалла жинс и др. Как видно из приведенного материала, даже в этих селениях названия кварталов не совпадают с тухумным делением, так как тухумы расселены смешанно по всем кварталам. Хотя у нас нет материалов, подтверждающих совпадение кварталов с родственными группами, но некоторые отголоски этого сохранились. В частности, в селении Жирбачи «старики помнят о потухумном расселении, когда каждый тухум имел в ауле свой участок для строительства, причем и уголья аула также разделялись по тухумам и между участками пашни, например, имелись межи из нераспаханных полос. Тухумы имели следующие названия: «Мардаки», «Бачатай», «Кьамати», «Мамадай», «Учмала Хасан», «Кьалайти», «Чунтухьи»¹³, «Ччибихалла жинс», «Жамбухалла жинс», «Кьалайла Писахалла жинс», «Кьойчухалла жинс», «Нячалла Хулаттахалла жинс», «Гямузган хИясанхалла жинс». Здесь существуют тухумные ряды на общесельском кладбище. В памяти информаторов сохранились названия тухумных участков: «Кьалайла Писахалла хьу», «Бичаттайла хьу». Рассказывают, что в селении Буциши обнаружена мужская надмогильная плита, где арабскими буквами написано имя покойного «Жамбу». Предполагается, что тухум «Жамбухалла» прибыл из этого селения.

Из приведенного материала следует, что хотя большинство сел «образовалось по территориально-квартальному принципу, но есть основание предполагать, что часть селений сохранила в квартальном делении черты родового деления, что каждый квартал составлял в средневековье место жительства одного родового коллектива».¹⁴ Даже там, где названия кварталов не совпадают с тухумным делением, «известное группирование тухумов замечается».¹⁵

Несколько слов следует сказать о расположении кладбищ. Мы уже говорили, что некоторые села имели по три кладбища. Все

они располагались на солнечной стороне на краю села (на противоположном холме, у подножия горы, селения, иногда в черте селения (в данном случае такая близость объясняется или разрастанием селения, или разрастанием кладбища). Так, например, в Маджалисе кладбище вначале располагалось на окраине села у подножия холма (эсги зийретлер). Когда старое кладбище росло, новому кладбищу, которому около 200 лет, выделили место тоже на краю села, но значительно ближе к аулу. Теперь (последние 30 лет), разрастаясь, селение Маджалис как бы охватило кладбище с трех сторон и в настоящее время кладбище оказалось внутри селения.

На краю села, у въезда в село, или у пересечении магистральных дорог, иногда в середине села* располагались «пиры». Это или могилы «святых» или «священные» деревья (дуб ветвистый, фруктовое дерево), куда жители приходили с целью жертвоприношения (для исцеления от болезней и с целью уберечь близких от смерти и т. п.).

Наиболее известные «пиры» в Верхнем Кайтаге это «Жалгьан пир» (между селениями Бажлук, Пилякьи и Антиль). Рассказывают, что когда-то на месте «пира» была могила, а теперь здесь огромное ветвистое дерево, на которое каждый путник вывешивает яркий лоскуток. По сведениям информаторов, когда-то на этой местности был город. Жители этого города вымерли от эпидемии чумы. Впоследствии это место стало местом поклонения с целью исцелиться от болезней и т. п.

Известен в этих местах «Аслила пир». Легенда гласит, что когда-то здесь жили 2 красавицы-сестры — Асли и Мерем. Отца их звали Паша. Он был мулла. Асли и Мерем были хорошо образованны, воспитанны, красивы, особенно Асли. Когда они стали взрослыми, их засватали за юношей из этого же села. Вскоре их женихов забрали на войну, а Асли и Мерем, так и не дождавшись их, умерли. Их похоронили вместе. С тех пор эта могила стала местом поклонения для жителей этих мест, а могилу стали называть «Аслила пир» (пир Асли). Люди стали приходить сюда по разным поводам (избавиться от болезней, сохранить жизнь, подарить бездетным ребенка и т. п.).

Жилище

В XIX веке кайтаги строили в основном двухэтажные «чудярхала» дома («хьали») с несколькими (одна, чаще — две-три) комнатами и с небольшим двориком («азбар»). Первый этаж такого дома являлся помещением для скота «дурхь», а второй — жильем.

* Возможно, те «пиры», которые оказались в середине села, когда-то были на краю аула, в результате застройки они оказались посередине.

Двор не имел вначале каких-либо хозяйственных построек, при-строек. Одноэтажных, однокамерных жилищ, где одна комната являлась жильем, а в соседней помещался скот, информаторы не помнят.

Наиболее распространенная форма жилища у кайтагов это дома с верандой «дугъа» на фасадной солнечной стороне дома, с комнатой — коридором «уржка жаняхI», которая иногда выходит на заднюю сторону дома с лоджией. Позже, в начале XX в., стали строить дома с комнатами в ряд. В таких домах все двери выходили на веранду (дугъа—Нижний Кайтаг).

Двухэтажные конструкции утвердились у кайтагов очень давно. Интересно отметить, что одной из главных причин распространения с давних пор двухэтажной конструкции, наряду с экономией земли и др. причинами, информаторы называют стремление сберечь, сохранить домашний скот от воров. Они говорят: «Двухэтажные дома строили, чтобы скот держать под собой, а не сбоку». Из-за краж, засовы «дуркъла уцца» делали вертикальными сквозными сверху вниз от входной двери жилого помещения в сарай. Днем отверстие затыкали тряпкой, а дверь в сарай закрывали обычным наружным засовом «рагъ».

В Верхнем Кайтаге малоземелье, оборонный фактор, специфика хозяйства, «рельеф, тухумные связи, экономическая слабость»¹⁶ и т. д. привели к скученности домов. Здесь усадьбы «жмутся друг к другу так тесно, что и усадьбы-то, собственно, нет, а есть только одинокое строение без приусадебных участков и пристроек».¹⁷ Так выглядели почти все старые селения в Верхнем Кайтаге (Жирбачи, Варсит, Абдашкъа и др.). Что касается Нижнего Кайтага, то хозяйства здесь многоотраслевые (земледелие, скотоводство, садоводство, виноградарство) и поэтому и усадьбы больших размеров и постройки менее скученные. Усадьбы окружены каменными заборами. Некоторые селения, как было сказано выше, имеют боевые и сторожевые башни.

Следует отметить, что усадьба, как и планировка жилища, исторически менялась. Если в самом начале XIX в. в Верхнем Кайтаге усадьбы как таковой не было, а был лишь двор, то в дальнейшем наблюдается значительное увеличение размера двора, появляется навес во дворе. Это говорит о том, что в этот период «рост производительных сил пошел гораздо более быстрыми темпами. Для этой ступени развития усадьбы характерно также дробление большой комнаты: из нее выделяются хозяйственные помещения. Эта форма усадьбы наиболее характерна для первой половины века. Навесы во дворе выполняли немалые хозяйственные функции: здесь хранился хозяйственный инвентарь, топливо, складывался навоз, в жаркое время здесь отдыхал скот. Поэтому для XIX века характерно постепенное увеличение навеса во дво-

ре, а следовательно, и увеличение самого двора (там, где было возможно)».¹⁸

После окончания Кавказской войны в жилище кайтагов также происходят существенные изменения. Эти изменения касаются как величины дома, так и количества комнат, размера двора, хозяйственных построек. Правда, возможности для этого в Верхнем Кайтаге были более ограничены, чем в Нижнем. Поэтому здесь острый недостаток земли иногда заставлял строить молодоженам жилище над домом (с. Ицари). В этот период и позже значительно разрастается навес. Появляется открытая крытая веранда «бакна уцца» («дугъа» — магал Маджалис катта) перед домом и открытое крыльцо («хъалжи» — магал Маджалис катта). Эти навесы использовались для хранения сельскохозяйственного инвентаря, некоторых продуктов и т. д. Постепенно помещение под «дугъа» превращается в закрытое помещение для хранения продуктов питания и т. д. А навес под открытым крыльцом («хъалжи»), который находился перед верандой оставался открытой. Иногда «хъалжи» соединялся с каменной оградой у дороги и доходил до самых ворот. Под этим навесом складывали дрова, держали строительный лес и т. д.

Независимо от количества комнат жизнь семьи проходила в одной большой комнате «цIалла хъали» («комната огня»). Эта комната служила и спальней, и кухней, и кладовой (здесь хранили зерно, муку, сушеное мясо и другие припасы). Такая комната могла быть большой (30 и более м²) и меньших размеров (15 — 20 м²) в зависимости от количества проживающих в ней людей и от материальных возможностей ее хозяев. В комнату вела дверь «уцца», состоящая из двух половинок грубой, колотой доски (толщина 5—6 см.). Высота проема двери первого этажа равнялась 140—150 см., второго — 160—150 см. (бывали ниже и выше); ширина проема от 70 см. до 1 метра. Почти везде был высокий порог (25—30 см.). На потолке оставались световые отверстия. Позже оставляли небольшие окна «малби» на стене. Закрывали их сплошными ставнями. Лестницы «кканцци» делались каменные и деревянные. Ворота «къапу» строили обычно напротив дома у конца навеса. Делали их из чинары, дуба.

Посередине комнаты в углублении располагался открытый очаг без дымохода. От потолка свисала цепь «рагъаз». Вокруг очага делались выступы «къасипи» («къасила») для сидения. В исследуемое время у кайтагов был широко распространен очаг под наванием «акъкъи цIипIа». Именно такую печь и «цIалла хъали» в селении Ая-Махи описывает в своих путевых заметках «Две недели в Даргинском округе» В. Вильер де Лиль-Адам. Он пишет, что «сажля эта каменная, не штукатурена, длиною аршин 10, а шириною 8; небольшой уголок занят сеними, отделенными дверью от

самой сакли; несмотря на ограниченные ее размеры, в ней находится перегородка, приделанная к потолку и не доходящая до полу, отделяющая очаг от главной части сакли. Недалеко от очага высечено в каменном полу, подле единственного, небольшого окна, сиденье, где женщины прядут коноплю. Над очагом находится дымовая труба, состоящая иногда из выдолбленного бревна, а по большей части плетеная из хвороста и заштукатуренная смазкой из глины, самана и навоза. У дверей находится большой, служащий закромом, выдолбленный пень, доходящий до крыши, с отверстиями вверху и внизу. Сюда сыплется зерно с крыши после молотбы и из нижнего отверстия вынимается по мере надобности. Вся мебель состоит из двух небольших раскрашенных и украшенных резьбой низких шкапов домашней работы. Посреди сакли к потолку прибита доска, где висят тарелки, фаянсовая и оловянная, на бичевках, продетых в отверстия, просверленные в краях... У Абакара, моего кунака, имеются также два чайника: оральная посуда, глиняные кувшины, оловянные тазы и деревянные подносы — лезгинские. На стенах висят 2—3 ружья и несколько кинжалов, составляющих неизбежную принадлежность одежды всякого лезгина, даже в детском возрасте.¹⁹

Описание подобной печи у предгорных Даргинцев мы встречаем и у М. З. Османова: такой очаг «обычно отделяется от всей комнаты турлучной стеной, покоящейся на толстом бруске, опирающемся своими концами на гнезда в стене или же на специальные каменные основания. По краям очага имеются выступы для сидения у огня («кьаси»). Проход к очагу делают шириной 1,5—2 м, что составляет расстояние между расходящимися от очага веером выступами для сидения (у кабадаргинцев). У урахинцев, кайтагцев проход остается открытым во всю ширину отсека. Отсек образует с другой стеной комнаты узкий коридор («уцугала», т. е. «дверная»), куда и ведет входная дверь. Надо полагать, что отсек этот возник в результате стремления в какой-то степени отгородить от дыма основную часть комнаты».²⁰ Таким образом, специальной турлучной стенкой, обмазанной с двух сторон (на расстоянии 1 м. от земли), комната делилась как бы на две части: одна большая часть для сна и приема гостей называлась «хьархьи», другая часть (хозяйственная) — «аккья ципипла». Сама комната называлась «цалла хьали» «Сам очаг вместе с подом называется «аккьи», «ужагь». Ближняя к входной двери часть отсека вместе с образующей коридор («уцугала») стеной называется «уцуг тав» («дверная» или «коридорная» часть), противоположная — «музаг тав», т. е. «крайняя», а внутренняя, дальняя часть отсека «хьар тав», т. е. «дальняя», «глубинная часть».²¹ Толстый брус на котором покоится турлучная стена у кайтагов называется «руг» (в Карацане — «тире»). Внутри отсека от «руг»

на всю длину оставался выступ шириной 20—25 см, куда обычно клали мелкие вещи, веник и т. п.

В части «аккьи ципипла» на капитальных стенах «дегьи» было большое количество больших и малых ниш «шукьдпи» («шукья» — ед. ч.), полок «тахча», колышек «мукьаппи» («мукья» — ед. ч.) для хранения посуды, утвари. Вокруг печи, как говорилось выше, были выступы для сидения «кьасила» («кьасипи») и место для лежания «ципипла». На турлучную стенку обычно вешали всю мелкую посуду, которой пользовались ежедневно. Под потолком закреплялись жерди из дерева «бетул миргья», на которых хранилась одежда, сушеное мясо, колбаса и т. д. На одну из них цепляли цепь «рагьас» с подвижным регулятором «гьулми» и рогащиной «кьакьус» для подвешивания котла. На потолке имелся дымоход «чIагI».

Самой почетной и парадной частью комнаты считалась противоположная входу стена, где от стены до стены устраивалось возвышение. На возвышение стелили палас «гIячулла чIанкIа» (палас из конопля), а сверху шкуры, подушки. На этой стене делались большие ниши, где хранилась нарядная постель (подушки (в Нижнем Кайтаге обшитые вышивкой), матрацы «цаттинна буруш» в бархатных чехлах. Красивую постель хранили на полках, нишах, не занавешивая (ставили на ребре так, чтобы был виден рисунок и материал), а постель, которой пользовались каждый день, занавешивали паласом. Эти ниши назывались «буршмалла кьасы». Здесь же в комнате у одной из стен устанавливались большие лари «сандуг» на ножках, украшенные резьбой, для хранения зерна, муки. Такие лари обычно занимали всю стену. Были лари и турлучные «кIарт». Чаще их ставили в «уржка жанияI» (коридор). Ближе к выходу делались небольшие возвышения, выступы для кувшинов с водой, тазика с кумганом, больших глиняных сосудов. На ларях «сандуг» делали пометки по мере роста детей, особенно мальчиков, по годам.

Посередине комнаты обязательно бывал украшенный резьбой со множеством колышек центральный столб с капителью (иногда капитель делали отдельно, столб отдельно, потом их соединяли) «дагнала тIал». Центральный столб поддерживал несущую балку «цихени» (цихха — у санчинцев), («гьири») и выполнял еще ряд других функций, например, на нем висела одежда, оружие, плуба. Особое почтение центрального столба и несущей балки мы обнаружили, например и у соседей кайтагов, табасаранцев.²² «Вспомнив о культовых дубах, сохранившихся доныне (сел. Жирбачи), небезынтересно отметить, что центральные столбы ставились тоже дубовые, что их капители во многом напоминали дерево, и на них встречаются изображения крестов, кружочков, изображающих солнце и пр.»²³

Как мы уже говорили выше, в исследуемое время у кайтагов наибольшее распространение получили двухэтажные жилища с несколькими (чаще двумя) комнатами. Вторая комната в данном случае называлась «тавхана» или «тавла хъали» (первая — «цIал-ла хъали»). Возможно, вначале это была пристройка, тогда вторая нижняя комната становилась или помещением для хранения наиболее нежного качественного сена для телят или же кладовой. «Тавхана» в данном случае используется как парадная комната, где принимают и гостей. В отсутствие гостей эта комната становится комнатой женатого сына. Средняя комната, как и раньше, остается комнатой — коридором «уркка жаняхI».

Появление многокамерных домов исследователи связывают с окончанием Кавказской войны, когда хозяйства стали экономически сильнее и появилась возможность увеличить усадьбное хозяйство и величину дома, с одной стороны, с другой — «дальнейшее развитие производительных сил и общественных отношений, наряду с увеличением обменных и культурных связей привели, к изменению некоторых норм и традиций семейных отношений. Частыми стали случаи немедленного, после создания своей семьи, отделения детей от родителей и образования новых семейных ячеек. Но совсем отрываться от семьи не хотели, и поэтому, новую семью стремились устроить в родительском доме, а для этого был один способ — увеличение числа жилых помещений. Многие стали строить трехкамерные дома, в которых третья комната была предназначена для могущей возникнуть новой семейной ячейки. Поэтому с самого начала эта комната выделялась своей обстановкой (лучшие постели, мебель, утварь, оружие и пр.)».²⁴

Постепенно очаг «кужагъ» из середины комнаты перемещается к стене (камин у стены с дымоходом), позже появляются каменно-глиняные печи. Перед первой мировой войной появляются железные печи на ножках. Обычно их ставили в парадной комнате «тавхана». Эти печи кайтаги приобретали у харбукцев.

Таким образом, на смену открытому очагу в центре комнаты приходят большой очажный отсек «аккъи цIипIа», камин у стены с дымоходом, затем каменно-глиняная печь, а кое-где и железные печи.

В некоторых селах встречаются печи «тарум» для выпечки хлеба в теплое время года. Это конусообразное невысокое приспособление. В центре этого сооружения разжигается огонь. После того, как все дрова выгорят, на внутренних раскаленных стенках «тарума» пекут хлеб, обычно дрожжевой. Во всех селах для выпечки хлеба были и общественные печи «кери» — «кари». Некоторые хозяйки позднее на лето под навесом («сахъала») ставили глиняную печь для приготовления пищи.

В начале XX в. почти все дома имели двойные окна (перепле-

ты) с резным столбиком посередине (одно или два окна на комнату) с широкими полями с резным орнаментом, а сараи обычно имели узкие щели для вентиляции. Двери по-прежнему делались массивными. На дверях вырезали различные фигуры (солнечные диски, линейные изображения и т. п.). Утварь по-прежнему продолжала поступать из Балхара, Кубачей, Казикумуха. Много утвари было и собственно кайтагского производства.

Основными строительными материалами для кайтагов служили камень-песчаник «мирцIела (мирцла) къаркъа», лес и глина. Обилие леса в Кайтаге привело к тому, что все основные конструкции дома здесь делались из леса. Здесь заметно даже стремление «заменять деревом камень».²⁵ Именно обилием леса объяснялось то, что «в перекрытиях обоих этажей использованы огромные балки, столбы, необъятные капители. Все навесы, укрытия, перекрытия, все что в горах делается на арках, делается здесь на массивных столбах. Даже мосты строятся здесь иногда без использования камня... Обилие хорошего леса привело даже к тому, что здесь при возведении стен кладут больше чем где бы то ни было горизонтальных связей из массивных деревянных брусьев.

Широкое распространение получили деревянные постройки на дворе: плетни, заборы, загоны и пр. Внутренние стены вторых этажей тоже часто делали плетневые, обмазанные глиной (турлупы)».²⁶

Во второй половине XIX в. кое-где (особенно в Нижнем Кайтаге) появилась стекло, кровельное железо, железные петли и т. п.

Техника строительства дома у кайтагов почти ничем не отличалась от других народов Дагестана. Как и другие народы, кайтаги для строительства дома прежде всего заготавливали лес и камень, т. е. строительный материал. Строительный лес заготавливали обычно поздней осенью и зимой. Такой лес считался сухим, долго не подвергался гниению и легко освобождался от коры. Лес, заготовленный во время листопада считался не совсем пригодным для строительных работ (кора не отстает, быстро гниет).

Благоприятным днем для заготовки камня, леса считалось воскресенье — «алхIят». Каменщиков хватало своих. Часто каждый хозяин строил дом сам.

Прежде чем строить дом, выбирали подходящее место (обычно дом строили на каменистом месте и в «счастливый» день).

В целом постройка дома была процессом длительным и трудным. Подготовив зимой лес, камень, выбрав место, копали место для фундамента «евши». Для фундамента использовали крупные и мелкие камни. Обычно крупные камни подкладывали под углы дома, мелкими закладывали пустоты. Скрепляли их глиняным раствором. Если место для строительства дома каменистое, то котлован для фундамента не рыли, а ставили стену прямо на

камни. Глубина фундамента равнялась 50—60 см, ширина делалась почти такой же. Цокала обычно не делали. Сохранились воспоминания о том, что при возведении фундамента хозяин или его близкий родственник по всем четырем углам сто клал деньги. Эти деньги предназначались мастеру.

При строительстве дома все родственники обычно принимали самое активное участие во всех трудоемких работах. Кроме того, они по очереди приносили мастеру еду и флаги «байракъ» (кусочек хорошей материи). Эти флаги вывешивали близ строящегося дома. В конце строительства их отдавали мастеру. Все подсобные работы также выполнялись родственниками, самим хозяином, членами его семьи.

После закладки фундамента начинали возводить стены. В кладку стен через каждые 50—60 см. для крепости укладывали толстые горизонтальные балки. Внутренние стены и стены выходящие на веранду часто делали турлучные, углы стен выкладывали из тесаного крупного камня. При строительстве каменных стен мастер старался, чтобы во внутренней части стены было побольше глины (раствора).

Как мы уже говорили выше, несмотря на то, что в Кайтаге было много леса и проблемы со строительным лесом почти не существовало, часто при строительстве дома на потолке клалась одна несущая балка «гъири», которая придерживалась подпорным столбом с капителью «дагнала т'ал». Затем от балки к стене устанавливали бревна потоньше — «дихъби» («дехъ» — ед. ч.), а уже между ними поленья. В некоторых селениях для этого применяли каменные плиты. «Интересно отметить, — пишет М. З. О. Османов, что в некоторых аулах лесистого предгорья (например, сел. Тама) вместо поленьев также укладывают тонкие каменные плиты. Здесь это объясняется тем, что местная глина плохо удерживает воду и поленья так быстро сгнивают, что их решили заменить каменными плитами».²⁷

В некоторых домах не было срединной балки и подпорного столба. Здесь крыша держалась на толстых бревнах «дехъ», которые укладывались от стены к стене.

Большинство домов кайтаги строили с срединной балкой с ветвистой резной капителью. По сведениям информаторов, часто это делалось не столько для прочности, сколько для красоты.

И в первом и во втором вариантах (с срединной балкой и подпорным столбом и без) сверху поленьев настилали щепки или солому, но не сено. Считалось, что, сено способствует быстрому гниению дерева. Уже сверху соломы засыпали глину — «хъархъама» (это особая глина, которая не пропускает воду). После этого специальным катком «муккури» или же деревянным приспособлением «хъалтикан» утрамбовывали крышу. В селениях Лища

Гъулди «хъалтикан» называют — «хъалтикан-гъулути». В селениях Маджалис-Катта на плоской крыше делается настил (часто) не из соломы, затем глины, а из мелкого гравия, который будучи смешан с землей, а затем утрамбован не пропускал влагу.

При перекрытии крыши, засыпке ее землей, обмазке дома почти всегда устраивали «билхъа» (вид взаимопомощи). Для защиты стен от дождя делались карнизы «чиклери» из камня. Для этого последние два ряда кладки, чуть-чуть выдвигали вперед, а для водостока из под карниза (придавленная карнизом) в углу крыши выходила горизонтальная труба с отверстием на конце (чаще деревянный жолоб), прикрытая тяжелым камнем или вправленная в глину. На улицу воду не направляли никогда. Для предгорья, в том числе для Кайтага «характерно также обилие разнообразных форм деревянных консолей. Часто форма консолей перекликается с формой капители центрального столба, что наталкивает на мысль, что форма капители является исходной формой, которую стали потом повторять в консолях».²⁸

По завершении штукатурных работ, побелки хозяин может заселиться в новый дом. Переезд в новый дом сопровождался весельем и специальным обрядом вселения. В новый дом хозяйка должна была вступать с подносом халвы (в некоторых селах с зажженной лампой). Собирались родственники, соседи. Каждый из них приносил подарок. Состоятельные люди в честь новоселья устраивали «мавлуд», резали барана, раздавали «садакья» и устраивали праздничную трапезу. В новом доме всех обильно угощали. В сел. Бажлук, как только завершалось возведение стен, совершалась специальная церемония. Хозяин дома выставлял «байракъ» (флаг из материи). После этого собирались все родственники, соседи. Они приходили с флагами и поздравляли хозяев с завершением стен. Перед уходом мастера получали по флагу и хлеб с халвой.

У кайтагов было принято украшать свое жилище. Здесь преобладает резьба по дереву. Резьбой покрыты ворота, окна, двери, деревянные опорные столбы, полки, ниши в комнатах, камин, центральный столб с капителью, наружные столбы, балки перекрытия. Особо украшается центральный столб. «Он представляет собой здесь целое архитектурное и декоративное сооружение, созданное из огромного дуба, с роскошной фигурной капителью, с различными фигурами, высеченными на нем. При этом довольно часто бывают обработаны в виде красивых фигур и бревна перекрытия, составляя единый декоративный ансамбль со столбом».²⁹

Наиболее часто встречается геометрический рисунок. Встречаются и другие фигуры и знаки: розетки, круги, кружочки, кресты, лабиринты, ладони, солярные знаки, растительный орнамент и т. п. Большинство из них призваны обмануть злые силы (лабиринты),

оберегать дом (изображение солнца и т. д.). В исследуемое время они носили в основном функции украшения жилища.

Значительное развитие в Кайтаге получило и резьба по камню, «лучше всего представленная старинными надгробными памятниками. В ней также бросается в глаза удивительное обилие так называемых солярных и спиральных мотивов...»³⁰

Хозяйственные постройки

Из хозяйственных построек у кайтагов следует отметить сарай для сена «цуга» и сарай (хлев) для скота «дурхья».

Мы уже говорили, что для кайтагов характерны двухэтажные дома. Первый этаж такого дома служил сараем для скота. Внутри они были разгорожены на несколько отделений — в зависимости от видов содержащегося в хозяйстве скота. Наиболее употребительным материалом при устройстве кормушек, перегородок, калиток в скотном помещении был плетень. Некоторые использовали для этих целей жерди. В помещении для скота устанавливали долбленые поилки. Утепленные отсеки для родившихся в зимнее время телят, ягнят были обычным явлением. Как правило, для этого выбирали место непосредственно под очагом, с утепленным соломой полом, отделенный от общего сарая плетневой стенкой. Вход в отсек обычно располагался в глубине сарая. К входу прислоняли какую-нибудь доску или жердь (иногда засов «рэгъ»), чтобы калитка не открылась. Иногда такое помещение отапливали, но чаще в первые дни после отела телят, ягнят держали в «цалла хъали».

В летнее время такие помещения (загоны, навесы) устраивали во дворе под навесом из досок, жердей (бедняки из плетня).

Сараи для сена стрили перед домом, и они почти не примыкали к жилищу. Чаще для сена делали сооружения из плетня довольно внушительных размеров. Крыши таких сараев делались двускатные, круговые, соломенные (ячменная солома). В некоторых селах строили сараи из камня. На стенах каменных сараев в целях вентиляции делали треугольные щели.

В целом застроенность двора зависела от числа и состава хозяйственных служб. Строгих правил размещения хозяйственных построек на усадьбе не было. В любом случае скотный двор отгораживался от общего двора жердями или плетенкой.

Одежда

Для изготовления одежды кайтаги использовали как местные, так и привозные ткани — ситец «чит», «пачу», шелк «иргъал», шерсть — «пала», конопляные ткани «души» («хабцалдик»), бязь

— «кетен», сатин «ластик» («бардеги») и др. Издавна сложившиеся хозяйственные и культурные связи Кайтага с другими регионами, в частности, с Дербентом, давали возможность кайтагам приобретать различные ткани, кожу, обувь. Все привозившиеся из других мест ткани, кожа и др. изделия дополняли изготовлявшиеся в самом Кайтаге материалы и другие предметы одежды (обувь, платки, украшения). Д. И. Тихонов (конец XVIII в.) в своем «Описании Северного Дагестана» пишет о кайтагском уцмийстве, что здесь «из шерсти овечьей делают на продажу и домашние употребления простые сукна: синие, черные, белые, и разные ковры, делают и бумажный холст. Сами покупают: привозимые из России и Персии парчи и сукна, медь, олово и железо, а свинец и селитру от дербентцев и кубинцев. Серебро и золото достают из России и Персии. Ружья, пистолеты, сабли и кинжалы с оправой серебряной делают сами, также и порох. Кремни имеют и в своем владении, но лучшие покупают из Шамхалова владения в деревне Губден».³¹ Центрами изготовления тканей из конопли «диклуми» («дукуми») также являлись в основном селения кайтагского участка³², особенно Нижнего Кайтага. На то указывают и «Постановления Кайтагского уцмий Рустем-Хана». В нем, в частности, указывается, что в Кайтагском уцмийстве в качестве натуральной оплаты штрафов с подвластного населения, обычно называется ткань из конопли — «хабцалдик» («С того, кто не позволит внутри селения взять баранту, брать штраф его кари хабцалдику. Кто возьмет баранту из стада — сто кари хабцалдику. Если несколько лиц, сговорившись, пожелают отделиться от общества, то с таких брать тысячу кари хабцалдику; Кто во время месяца Рамазана не будет соблюдать поста, или оставит молитву, с того тысячу кари хабцалдику») ³³ и т. д.

В Карацане, Баршамае, Джавгате и других селениях изготовлялись и ткани из хлопка и шелка. Часть шелковых ниток использовалась для вышивания.

Одежду до появления швейных машин шили вручную. С появлением швейных машин бешметы и черкески в ряде случаев стали шить и мужчины. За шитье бешмета или черкески мастер (мастрица) получал 2 рубля. Пользовались следующими мерами длины: «декI» — (50 см.), «чIим» — пядь, «казанахъ» — локоть, «хьяш» — расстояние между большим и указательным пальцами (самая маленькая мера длины). Толщину измеряли толщиной пальца (тIупла) «ца», «чIвел», «ГIябал», ладони «тахъла буцдехъ».

Мужская одежда

Народный традиционный мужской костюм кайтагов состоял из нательной и верхней одежды. Нательная одежда включала тунико-

образную рубаху «курти» («гуртди», «ккуртти») и штанов «вачаг» («шаргвар» — у санчинцев). Обычно их шили из тканей темных расцветок (рубаха иногда белая), из плотных шерстяных, хлопчатобумажных, конопляных тканей. «Только в Нижнем Кайтаге мужчины носили белую рубашку и белые штаны».³⁴ Белую рубашку и белые штаны носили молодые юноши-кумыки (сел. Маджалис).

Для шитья рубахи обычно требовалось 1,5—2 м ткани. Покрой такой рубахи прост. Книзу рубаха несколько расширялась. Поэтому, если рубахи кроили из узкой материи, к полотнищам с обеих сторон между боковинами и до самого подола вставлялись клинья, которые придавали рубахе расклешенность. «Когда же рубаху кроили из широкой материи, из ее верхней части специально вырезали клиновидные куски. Такая лента материи порою вырезывалась с одной стороны полотнища и пришивалась к другой широкой стороне вниз».³⁵ Рукава рубахи делались длинные, чуть суживающиеся книзу, воротник — стойка застроченный и застегивающийся на одну — две пуговицы. Рукава делались без плечевых швов и имели манжеты, которые также застрачивались и застегивались на одну пуговицу. Верх стана делали двойным для прочности. Такая подкладка обычно делалась из другой более дешевой и прочной ткани. Вырез на груди иногда, особенно у молодых мужчин, юношей обшивался планочкой, сплетенной тесьмой. Вначале вертикальный разрез вообще не имел планки. Вырез нарядных рубашек иногда выстрачивали разноцветными нитками. Позже для обшивания ворота стали употреблять более дорогие ткани другой расцветки. Эти рубахи служили как выходной, так и обычной домашней.

Рубаха туникообразного покроя была в Кайтаге единственным типом рубахи почти до конца XIX в. Позже, сначала в Нижнем Кайтаге, затем в Верхнем стали появляться рубахи другого покроя («кавказская рубаха») с нагрудными карманами, а с начала XX в. кое-где появились и городские фабричные рубахи. Кайтагская рубаха не имела под мышкой, на месте соединения швов рукавов и боковин, квадратную ластовицу.

Вне дома рубаху носили навывпуск, подпоясавшись ремнем «ппяни» (желательно кубачинского производства).

Штаны «вачаг» («шарбар») — шили из черных и белых гладких тканей (состоятельные люди носили штаны из черной ткани «бардегин» (сатин), «частанай» (атлас), бедные — из бязи, в Карацане часто из конопляной ткани). На штаны обычно уходило 2—2,5 метра материала. Длина и ширина штанов зависели от роста, объема фигуры мужчины. Штаны шились без боковых швов и подвязывались у талии на шнуре (т. е. держались на вздержке). Шнур иногда делали в виде фитиля из шерсти, других ниток. Эту

вязаную «ленту» называли — «хъяппа». Штаны шились сверху широкими, прямыми, книзу суженными (при ширине шага 60 см., ширина у талии равнялась 75—80 см., ширина на бедрах — 100 см.). Между штанинами вставлялся ромбовидный клин (25—30 см.). Такие штаны дома старики носили навывпуск. При выходе на улицу штаны обматывали обмотками «тулакь».

Вне дома поверх рубахи кайтаги надевали бешмет «валжагь» («кьаптал»). Его носили все мужчины (дети, взрослые, старики). Шили «кьаптал» из черного, серого сатина «бардегин», полностью на бязевой подкладке. Нарядные бешметы шили из «ластика» (типа атласа), «часта», «кишмира». «Кьаптал» шили строго в талию, спереди по разрезу делались застегжки (от 7 до 9). Бортовая часть спереди до пояса бывала мелко застрочена. Ниже талии «кьаптал» делался расклешенным (от 9 до 13 клиньев), лиф подбивался ватой, спинка застрачивалась (от 7 до 9 двойных строчек). Рукав делался длинный и прямой, воротник стойка (высотой 6—7 см.), твердый изнутри, застроченный. Клапаны карманов, наружных и внутренних, концы рукавов и низ подола на 2,5—3 см, застрачивались фигурной строчкой. «Кьапталы» детей отличались от взрослых тем, что каждый клин, спинка и грудная часть делались из материалов разного цвета. С 15 лет юноши начинали носить однотонные «кьапталы». За шитье «кьаптала» обычно платили 2—3 рубля. Вначале их шили только женщины, после появления швейных машин, появились портные — мужчины.

Черкеску «кьечу» (кьачу», «кьичу») носили все мужчины с совершеннолетия (с 15 лет). Состоятельные кайтаги носили черкески из дорогих покупных материй, бедные из домотканого сукна «кьиссала». Нижнекайтаги носили и привозные черкески. Черкески бывали различные по цвету, но чаще всего — серые, черные, изредка белые. Ее шили по фигуре в талию, обычно цельнокроенной с шестью клиньями «кьякья» сзади, ниже колен. Рукав делался широкий и длинный (ниже кисти). Ниже локтя рукава имели подкладку из красной или зеленой (чаще) материи, которые обычно отворачивались. Грудь черкески была довольно сильно открыта. Застегивалась черкеска у пояса на пуговицы. На груди она имела нашитые карманы «патІрантІаила киса» с газырями «патІрантІи».

Некоторые черкески имели и внутренние карманы. Нарядные украшались тесьмой (рукава, карманы, полы). Черкеска подпоясывалась поясом, на котором обязательно висели кинжал «хишжал», пистолет «лаган топанча» с серебряной с золотой росписью рукояткой. Нарядные пояса украшались серебряными фигурными бляшками, иногда позолотой по серебру. Обычно черкеску надевали поверх бешмета. В теплое время года некоторые мужчины черкеску надевали поверх нарядной рубашки.

В качестве верхней теплой одежды кайтаги носили и шубы «хІяка», «гъакара». Мужские шубы были трех видов: «Вайла хІяка» — самая распространенная повседневная шуба. Она была приталенная, цельнокроешная, ниже колен. Книзу шуба расширялась клиньями, воротник делался шалевый, рукав вшивной, длинный, закрывал пальцы. Рукава и полы «вайла хІяка» обшивались полоской из более качественной овчины. Иногда низ рукавов в качестве украшения обшивали черным материалом. Такую шубу носили с 15-летнего возраста. Ее надевали поверх бешмета. Шубы носили подпоясав поясом «ппяни». Обычно шубу имел каждый мужчина. Это объяснялось занятиями жителей, особенно там, где занимались земледелием. Шубы в Нижнем Кайтаге были точно такие же, как у мужчин Верхнего Кайтага. Часто нижнекайтаги покупали шубы в готовом виде у верхнекайтагов. В редких случаях встречались шубы покрытые сверху тканью (у состоятельных людей). На такую шубу обычно тратили 6—7 овчин.

Шуба второго типа — «хола хІяка» (большая шуба) была больше распространена в Верхнем Кайтаге. Такая шуба была накидной до пят с ложными рукавами и клиньями или несколько расклевшенной книзу. На ее изготовление уходило 10—11 шкур. Воротник и полы «хола хІяка» обшивались полоской из меха. Такую шубу носили пожилые мужчины во время посиделок на годекане, у ворот дома.

Носили кайтаги и шубы — накидки без рукавов с пелериной до пояса. Шили ее меховой стороной вверх. Во время дождя ее надевали на выворот. Такую шубу также носили пожилые мужчины во время отдыха.

Кайтаги носили одежду и из бурочной ткани «киз». Из «киз» шили одеяние типа фуфайки с рукавами «ттигалай», бурки «варгьи» («варси», «гъарси» — с. Баждук). Кайтаги носили «андан варгьи» (андийские бурки) и «муйран варгьи» (муйринские бурки). «Андан варгьи» имели лишь состоятельные люди. Обычно их приобретали на дальних базарах. Ворот андийской бурки обшивался сафьяном, золотым галуном (состоятельные люди). «Муйран варгьи» имели все, обычно люди победнее. Носили их пешеходы и всадники. «Муйран варгьи» имел очень простой покрой, у ворота застегивался на шнур (плетенку). Были и простые бурки — накидки «варгьи» для чабанов.

Головными уборами кайтагов были папахи из овчин («къапІа» (Нижний Кайтаг), «хъати» (Верхний Кайтаг). Такая папаха имела полусферическую форму, Шили папахи и в форме усеченного конуса. Они носили название «басма къапІа». Носили кайтаги так называемые «осетин къапІа» («хъати») и «бухарила хъати» (зажиточные). Пожилые мужчины носили ночные колпаки «бъачи» сшитые мехом вовнутрь и отороченные мехом же. В 30-е

годы XX в. появились ушанки — «лехІбар къапІа». Чабаны и путники носили башлык («башлыкъ»). В остальное время он (башлык) играл роль сумки.

Что же касается обуви, то кайтаги шили ее у себя, приобретали у других дагестанцев (у табасаранцев, цудахарцев, лакцев). Нижнекайтаги обычно покупали обувь у лакцев и цудахарцев, а верхнекайтаги — у шилигинцев и табасаранцев. Все кайтагские женщины умели вязать носки «динди» (белые, черные). Обмотки «толакьи» («тулакъ») — хлопчатобумажные, из конопляной и войлочной ткани кайтаги приобретали у кишинцев (с. Киша — Дахадаевский район) и на Маджалгском базаре.

Самой распространенной в Верхнем Кайтаге была обувь из кожи «тІирихи». Широкое распространение получили также остроносые чарыки из сыромятной кожи крупнорогатого скота «къачалайла тепри» («дапри») — «хорошо обработанная кожа» и «кавцла ттипри». Эти чарыки имели шов на носке и сзади и завязывались кожаным шнуром. Их надевали поверх шерстяных чулок и обмоток. Для защиты от холода в них клали слой особой сухой травы «хъач». Шили кайтаги и войлочные чарыки, сапоги «варгьяла дапри». Носили кайтаги и узкие сапоги «мачайти» из козьей шкуры. Поверх «мачайти» надевали калоши «гъаркган галош» (табасаранские калоши) — обувь типа глубоких туфель, надеваемых поверх легкой вязаной, сафьяновой, войлочной обуви. Значительное распространение получила обувь под названием «хъямхІят типри» («башмакъи») — башмаки. В Нижнем Кайтаге мужчины также носили легкую сафьяновую обувь «масхІу» (чувяки). Состоятельные люди и здесь поверх «масхІу» надевали «калоши» или «башмакъи». Иногда «масхІу» делали с толенищами, украшенными фигурной строчкой, иногда и на более прочной подошве.

Одежда для мальчиков по крою не отличалась от взрослой. Через 40 дней после рождения, на ребенка надевали штаны «вачаг». Для удобства сзади на них делали вырез. С 3—4 лет мальчики носили бешмет, с 7 лет шубы. Маленькие дети до трех лет носили «тушлукъ» (от кум. «тошлукъ») — безрукавку.

Но были специально детские стеганные куртки «шутракъ» (баждукцы называют их «фуфайка»), которые шились на подкладке, с узкими прямыми вшивными рукавами, с узким застроченным воротником (иногда делали маленький стоячий воротник — высота — 1 см.). Шили «шутракъ» из разноцветных лоскутков материи в определенном сочетании (для красоты). На спину, на грудь курточки нашивались монеты, цепочки, талисманы (деревянные фигурки из айвового дерева) по П образной форме. На плечи некоторые пришивали бусы из айвового дерева (форма X). Спереди «шутракъ» застегивался на пуговицы или на застёжки. Сзади и сзади делались узорные швы (куски разноцветной ма-

тери старались пришить по узору швов (строчек). Спина как и перед состоял из лоскутьев разного цвета. Такие куртки дети носили до 2—3-х лет.

Детям шили и шапочки «хъати» («къати») на подкладке из разноцветных треугольных кусков ткани (парча, сатин, атлас, бархат и т. п.). Такие шапочки напоминали среднеазиатскую тюбетейку. Треугольники чаще бывали красного, зеленого, синего, желтого цвета. Между треугольниками пришивалась тесьма и застрачивалась белой ниткой. Застрачивались и сами треугольники. Для обшивания треугольников использовали тесьму разных расцветок (белую, черную, зеленую и т. п.). Макушка шапочки застрачивалась синей и красной тесьмой (в два ряда). Вокруг макушки пришивали оборку. В центре макушки нашивались монеты (2) или какие-нибудь серебряные фигурки.

Были еще головные уборы, стеганные на вате, утепленные и застроченные мелкой строчкой.

Мальчикам постарше шили такие же папахи из шкур молодых барашков, как и взрослым мужчинам. Маленькие дети носили и просто матерчатые шапочки, как у кайтагских жумыков.

Самыми важными украшениями одежды кайтага были узкие серебряные или кожаные с металлическими подвесками «бачи» пояса «пайни» («пьяни» — сел. Бажлук) кубачинского производства. В газете «Кавказ» (1867 г.) о кайтагах П. Пегухов писал следующее: «...одежда жителей состоит из грубого холщевоего белья домашнего приготовления, цветного бешмета (...пунцового), чохн, своего сукна..., шерстяных онучей, ловко облегающих ногу и ляжки, поршней кожаных с шерстяными шнурками или коротких сапогов и грубого вострепанного бараньего папахи натурального цвета. При этом всегда кинжал..., еще неразлучный днем и ночью кубачинский пистолет».³⁶

П. Ф. Свидерский, описывая костюм нукера Кайтаго-Табасаранского окружного управления, отмечал, что он был одет в синюю черкеску и белую папаху, «дно которой красного сукна обшито позументами. На плечах красивый красный башлык. На чеканном серебряном поясе большой шикарный кинжал. Сзади за поясом — длинный пистолет, правда кремневый, но со сплошь обложенною черным серебром рукою; на боку висит подобной же отделки кривая шашка».³⁷

Довольно обильно украшалась детская одежда. «На детскую одежду нашивались монеты, всевозможные литые фигурки, подвески в форме руки, бляхи, сердоликовые бусы разной величины, ракушки, фрагменты серебряных украшений к женской одежде. Нашивались они главным образом на плечи и на спину, а у девочек и на грудь. Многие из них имели значение амулета. Часто

монеты нашивались на прямоугольные или треугольные обшитые плотной тканью талисманы».³⁸

В рассматриваемое время все мужчины с 15 летнего возраста оставляли усы. Бороду отпускали только с появлением седины (после 40 лет). Старики обычно отпускали длинную бороду, а остальные — короткую (подстриженную). Все мужчины с детского возраста брили головы. Детям оставляли челку «паскъа» (кум. «посъа»).

Женская одежда

Комплекс женской одежды включал нательную туникообразную рубашу и штаны. Штаны «вачат», «шалвар» («шаргвар») были двух видов — широкие «бъя вачат» и узкие — «къяртги вачат». По сведению информаторов, узкие штаны появились лишь после революции.

Узкие штаны шили длинными до ступней. Они обычно выглядывали из под платья. Делались они широкими вверху и суживающимися книзу. Между штанинами вставлялся четырехугольный клин. Нарядные штаны снизу обшивали дорогой лентой. Штаны стягивались на поясе шерстяным шнуром. Верх штанины делали на подкладке.

На изготовление широких штанов требовалось около 7—8 метров ткани. Верхняя часть широких штанов шилась точно также, как и узкие с ромбовидным клином и значительно уже чем низ. Верх штанов делали из простой ткани, низ — из более дорогой. Затем к этой части пришивали две штанины присборенные как в юбке (каждая штанина состояла из 4—5 полотнищ). Нарядные штаны шили из дарай, а когда его не было, из гладкой, красной ткани, из цветных тканей. Как правило, из черных тканей штанов не шили, только в селении Джибахни старые женщины носили черные штаны. Набивную ткань для этого не использовали. Низ штанов покрывали отделкой из дорогих тканей. Штаны джавгатских женщин были значительно шире на спуск.

Как широкие, так и узкие штаны имели лишь внутренний шов, а боковые швы отсутствовали.

Рубаша туникообразного покроя называлась у кайтагов «гурди» («ккуртти», «гуртди», «куртди»). Для пожилых и старых женщин ее шили из ткани темных расцветок, для молодых женщин, девушек и девочек из ярких тканей. На нарядные рубашки шел дарай, на повседневные — ситец, сатин, бязь и т. д. Абдашканцы, например, рубашку шили больше из самодельной конопляной ткани или из покупной бязи. Здесь молодые женщины шили рубашки из цветной ткани, старые и пожилые — из белой. В Баршамае, Карацане, Карталае, Джавгате все женщины одевались в платья из ярких тканей (красный, желтый, зеленый). Почти оди-

наково одевались жители сел. Тама, Дурегн, Лища, Адага, Калакурейш, Шилагги и ирчамульцы (Кирки, Варсит, Кирдик, Пиляхьи, Антил, Шураги, Бартуги, Ургаги, Бажлук, Барша, Шиланша, Тураги).

Рубаху шили длиной до пят с широким рукавом, из под нее на 4—5 см. выглядывали штаны. На такую рубаху шло 5—8 метров ткани. Шили рубаху из двух прямых полотнищ, а по бокам вшивались клинья. На рубахе делали небольшие ластовицы, но из другой, более яркой и более дорогой ткани. Иногда из яркой и дорогой ткани делались и части рукава — от плеча до локтя. Спереди рубаха имела длинный грудной вырез, на который с двух сторон нашивалась другая ткань (дорогая и яркая) шириной 3—4 см. Некоторые женщины грудной вырез платья обшивали также узкой тесьмой. Из тесьмы же делали иногда пуговицы и петли. Носили эту рубаху навыпуск, не подпоясывая ее. На рубахе делали стоячий воротник (около 2 см.). Воротник кругом и вырез горловины украшали еще строчкой (иногда застрачивали разноцветными нитками: красного, синего, желтого и т. п.)

Отличительной чертой кайтагской рубахи было то, что ее «делали несколько уже, видимо подражая костюму кумычки».³⁹

В XIX — начале XX вв. под этой рубахой другую не носили. Рубаха на жокетке появилась только в советское время. Еще позже стали шить нижнюю рубаху без рукавов — «гуни чурган куртти».

Приведем описание рубахи, которую нам показала информатор из селения Шиланша. Эта «курти» представляет собою туникообразную рубаху, в прошлом, надеваемую под валжагъ. Сшита рубаха из ситца с красными цветочками. Юбка широкая, состоит из двух прямых полотнищ и по бокам вшиты пять клиньев (23 см, второй — 25, третий — 45, четвертый — 45, пятый — 45 см.). Ширина подола — 2 м. 20 см; подол подшит. Спина сделана из другого материала (45 см.). По сведениям информатора, обычно спина бывает из того же материала, но если отрез дорогой, то спину делают из дешового материала и этим экономят материал. Воротник стоячий. Его высота равна 2 см. Сделан воротник из плотного материала, мелко застрочен разноцветными нитками. Впереди платья вырез — 25 см. Для украшения вокруг выреза с другого материала (из красного дарая вместе с синей тесьмой) застрочен на машине кант. Ширина канта 3 см., а ниже выреза — 5 см. Впереди разрез застегивается на пуговицы, на краю разреза проходит тонкий самодельный шнур (из нее же сделаны 5 петель, пуговицы синие). Длина плеча — 25 см. Сзади и спереди к плечам, начиная от линии рукавов идет другой материал (красный дарай) в виде неполной кокетки шириной — 19 см. Рукав длинный — 65 см., 18 см. от плеча идут сборки, которые книзу расклешиваются (вокруг

73 см.). Под мышкой пришита из красного дарая ромбовидная ластовица и застрочена зеленой ниткой на машинке. Рубаха имела манжеты и была чуть короче штанов и валжагъа.

Почти во всех селениях Кайтага женщины носили платье под названием «валжагъ». Некоторые такое платье называли «гурди». «Валжагъ» надевали обычно поверх рубахи. Его делали чуть длиннее рубахи и на 4 пальца (7—8 см) короче штанов. Штаны должны были выглядывать из-под него. «Валжагъ» начинали носить с 7—8 лет. Для пожилых женщин «валжагъи» шили из черного, серого атласа, для молодых из дорогих тканей, ярких расцветок. Свадебные «валжагъи» шили из парчи «зарбав» бордового, красного, оранжевого цветов, затканной золотыми цветами и узорами. Грудная часть и рукава свадебного «валжагъа» подбивались шерстью и простегивались. Женщины из бедных семей не имели «валжагъа» вовсе и ходили в одном платье. «Валжагъи» бывали летние и зимние. Зимние шились на подкладке, стеганные на вате или шерсти.

Шили «валжагъи» в талию с прямым разрезом сверху «до низу, с узким лифом и с пришитой к нему юбкой в мелкую или глубокую складку, широкую и длинную (до пят)».⁴⁰ Рукава «валжагъа» вшивные, шиты до локтя. Нижняя часть рукава свисающий. Подмышкой вставляли клин с треугольным концом. Крылышки рукава застрачивались разноцветной строчкой. В отличие от даргинских,⁴¹ кайтагские «валжагъи» застегивались на пряжки (пожилые носили в распашку). Мы обратили внимание на некоторые отличительные особенности «валжагъа» в разных обществах. Отличительная черта варситского «валжагъа» («Ирчамуль») состоит в том, что здесь лиф и передние полотнища юбки шились на подкладке, только задняя часть юбки не имеет подкладки. Точно такой же «валжагъ» носили жители сел. Шилагги (об. Каттаган), Кирки, Кирдик, Турага, Шиланша, Шурагат, Бажлук, Сурхавкент (об. Ирчамуль). «Валжагъ» в талии отрезное, застегивается на металлические пуговицы. Рукав сшит только до локтя, ниже локтя, он откидной. Во время работы его для удобства подворачивали.

В Карацане «валжагъ» делался такой же длины, как рубаха. На юбку «валжагъа» обычно шло 4 полотнища ткани. По рассказам информатора низ юбки ее «валжагъа» был застрочен на машинке, подол подшит черным материалом. Ширина подола общая — 3 м. 40 см., длина юбки — 92 см. На такой «валжагъ» истрачено 7,5 м. ткани. Спинка лифа простегана. Спина и перед «валжагъа» джавгатки, например, тоже делалась на подкладке (застрочен), подол подшивался другим материалом и застрачивался.

Пожилые женщины «валжагъи» ничем не подпоясывали и носили в распашку. Молодые подпоясывали «валжагъ» серебра

ряными поясами «кемал», застегивали на кубачинские застежки, Кумыкский «валжагъ» («арсар») также застегивался на пряжки.

Баршамайские, карацанские женщины носили сплошь застроенные, целиком на вате или шерсти «валжаги». Мы обратили внимание на то, что женщины селений Джавгат, Джинаби, Карацан, Баршамай, Карталай, Хадаги, Кулегу, Машатди (Кара-Кайтаг) одевались сравнительно одинаково. Тут несколько отличаются джавгатки. Они носили более длинную и в большей степени приталенную одежду, более широкие штаны.

Почти во всех селениях Кайтага состоятельные женщины носили платья типа «кьабалай». «Кьабалай», по мнению информаторов, проникло к ним через селение Маджалис.

Кайтачки носили и платья типа «кумыкского «полуша» и «бузма гейлек».⁴² Некоторые поверх «полуша» и «бузма гейлек» одевали «валжагъ». Эти платья имели разные названия, например, в селении Чумли (дарг. село) — «юпка», в селении Джирабачи «Цабалхун ккуртти» («балхун х'ева» — С. Ш.) и т. д. Были и другие платья, например, «унцбар ккуртти» — прямое, широкое платье на кокетке. Такие платья сейчас носят беременные женщины. Позже кайтачки стали различать платья «цукъран курте», «чибил курти» — верхнее платье, «убил куртди» — нательная рубаха. Такие платья шились на кокетке, прямые, присборенные у талии, расклешенные, Рукава делались вшивные, на манжете, длинные. Платье на грудной части застрачивали ленточкой другого цвета, застрачивался и подол. Такие платья делались длинные. Для невесты их шили из материи желтого, красного цвета. Поверх такого платья надевали «валжагъ». Информаторы рассказывают, что первые платья на кокетке появились в тридцатые годы. Например, в Карацане впервые такое платье сшила себе женщина по имени Асият из тухума Шатту. Поэтому платья такого фасона стали называть «шатту гуртди».

В холодное время года кайтагские женщины носили и шубы — «гьака». Но в некоторых селах, например, в Карацане, женщины не носили шуб (даже старые женщины). Женские шубы в основном были такие же как и мужские (были шубы с ложными рукавами, шубы с фалдами сзади и т. п.). Женские шубы отличались лишь формой ношения. В отличие от мужских, женские шубы всегда носились без пояса. Кроме того, у мужских шуб не было украшений, а женские шубы украшались крючками, монетами. Воротнички женских шуб делались гораздо уже мужских. Верхнюю часть шубы часто покрывали тканью.

В XIX—нач. XX вв. женские головные уборы пережили значительную эволюцию. Наиболее распространенным по всему Кайтагу женским головным убором была «чухта». Ее шили больше из сатина, с подбородочной лентой. Спереди «чухта» имеет форму ка-

пюшоя с двумя недлинными лентами из этого же материала, которые застегиваются на правой стороне темени на пряжку. Как эти ленты, так и подбородочная лента, служат для поддержания головного убора на голове. Когда надевают чухту, сначала следует пропустить под подбородком подбородочную ленту, затем «чухта» натягивают на голову, а волосы опускают в мешочек сзади. Нижний конец мешка, спускавшегося по спине обшивался другой яркой блестящей тканью (атласом, шелком). Налобную часть тоже могли сделать из блестящей ткани, но только из черной. «Чухта» целиком также шили из ткани только черного цвета (Верхний Кайтаг). Обычно на кайтагские «чухта» украшения (монеты и т. п.) почти не нашивались. Лишь в некоторых селениях (с. Джирабачи) девушки украшали ее монетами. На «чухта» обычно требовался один метр материала. В селении Карацан ее шили из одного куска ткани (в Маджалисе тоже шили из одного куска) — для пожилых черный, для молодых ярких. «Чухта» начинали носить девочки с 13—14 лет. В селении Абдашка этот убор шили с узкой подбородочной лентой из цветного ситца без черной отделки спереди и без сборки. Вообще, мы заметили, что абдашкинцы по своей культуре сходны с жителями сс. Тама, Дурег, Лица, Адага, Калакорейш, Шиляги, Кирки, Кирчик, Варсит, Пилякчи, Антил, Шураги, Бартуги, Ураги Бажлук, Барша, Шиланша, Турали.

Другим элементом головного убора кайтачки являлся «ашмаг». Его надевали поверх «чухта». Оно представляло собой длинное и широкое белое покрывало. Делали его из бязи, кашемира, состоятельные женщины из шелка. В Кайтаге носили сравнительно узкие, но длинные «ашмаги», один конец (свисающий по спине) которой украшали каймой с бахромой («бахрому делали из той же материи путем выдергивания ниток»⁴³). «Кайтагский «ашмаг», например, имел в длину 2 м. 95 см. и в ширину 1 метр...»⁴⁴. «Ашмаг» кайтачки носили точно также как и даргинки. «Развернутое покрывало накладывалось на темя так, чтобы правый конец был гораздо короче левого и свободно свисал за спиной, а левый конец проходил под подбородком, полностью покрывая затылок, и тоже закидывая на голову, после чего опускался на спину почти до пят. Иногда края покрывала на темени скреплялись булавкой».⁴⁵ Во время работы нижний конец верхней половины «ашмага» поднимали на голову и завязывали особым образом, так, что он напоминал косынку или повязку — чалму. Это делалось для удобства, чтобы не спадал с головы «ашмаг». Позднее, вместо конца ашмага, на голову стали повязывать маленький платок. Невеста поверх ашмага накидывала на голову шелковый платок, концы которого свешивались назад. На макушке этот платок укреплялся пряжкой.

Опишем некоторые «ашмаги», которые нам удалось подержать

в фуках. В сел. Карацан «ашмаг» в длину равнялся 2,5 м., ширина его была равна — 65 см. Сделан он был из шелковой ткани домашнего производства (делали и из хлопка). Так как самодельная ткань была узкой, то «ашмаг» в ширину состоял из двух полотнищ. «В Кайтаге (Баршамай, Карацан, Джавгат и т. д. для платков «ашмаг» требовалось 7,5 метра такой ткани). Поскольку ширина ткани не превышала 30—40 см. платок у первых составлял два пришитых друг к другу полотнища длиной 3,7—3,8 метра каждое. К платку пришивалась бахрома, для которой изготовлялась пряжа несколько толще, чаще второго сорта».⁴⁶ Ткань на один «ашмаг» женщины ткали 2—3 дня, а пряжу для нее готовили еще дольше, так как ее делали только на веретене «биргъу» (прялка — «чихра»). На прялке делали только шерстяную и хлопчатобумажную пряжу. На концах, описываемого нами «ашмага» проходят две или три полосы красного, зеленого и синего цвета, на концы пришиты «чупри» — кисти. В дальнейшем, наряду с «ашмагами», появляются и платки, разнообразно повязываемые. «Ашмаг» начинали носить девочки с 12 лет.

Обычная женская обувь ничем не отличалась от мужской. В частности, Н. Дубровин отмечал, что женская обувь такая же «что у мужчин».⁴⁷ Женщины, как и мужчины носили обувь из сыромятной кожи крупнорогатого скота, мягкую обувь из дубленой кожи крупнорогатого скота, войлочные сапоги, чупьяки, галоши, башмаки, вязаные гладкие носки. Женская обувь обозначалась точно теми же терминами что и мужская. Это — «тирихи», «квачалайла тепри» (из дубленой кожи крупнорогатого скота), «квачла ттапри», «мачайти», «гьаркган талош» и т. п. В Нижнем Кайтаге женщины носили и чупьяки из сафьяна (желтый, красный). Состоятельные женщины приобретали сафьяновые чупьяки, украшенные тесьмой (золотой, серебряной). В селении Варсит женщины носили чупьяки из сафьяна типа южнокайтагских. Назывались они «гургур типри». На подъеме они застегивались при помощи кожаной тесьмы и кожаной пуговицы. Эта была обувь типа чарыжков, но шов проходил снизу. На подъеме у них был язык, а с боков ушки с завязками из тесьмы, застегивающейся на подъеме. Женщины носили еще «башмакьи» (с. Джирабачи — «хьямхия — типри», «сурамла типри» (в Карацане — «кавуцла (кавцла) типри»); в селении Джирабачи — «кавцлат типри» — здесь на женских чарыжках не было острого носика (кожаные калоши). В отличие от мужчин женщины не носили обмоток.

В Карацане, например, женщины носили — «типри» — сафьяновые чупьяки без отдельно скроенной подошвы, типа кумыкского магия или горского чарыка, с языком и с ушками. Типри шились на подошве и без подошвы. Шов таких типри, как было сказано выше, проходил снизу. Для женщин шили еще узкие сапоги из

козлиной кожи, поверх них надевали калоши. Носили женщины и войлочные калоши, сапоги «гьаркган», а также сапоги из войлока с отделкой из кожи.

Свадебная одежда кайтагов отличалась от повседневной лишь порядностью, яркостью. Что касается траурной одежды, то она не была одинаковым у всех кайтагов. Если для верхнекайтагов траурной одеждой был белый подсиненный цвет, для нижних это был цвет черный. Эти цвета носили женщины, когда умирал кто-либо из близких родственников и не было наследников, а при наличии наследника (в одних селениях «наследство»), то одевали в траур наряд темносинего цвета. В Карацане, например, вообще не было специального траурного наряда. В течение 40 дней оставались в том наряде, в каком постигло горе.

Немаловажную часть женского костюма кайтачки составляли украшения. Полный комплект украшений носили невесты и состоятельные женщины. В конце XIX — начале XX в. были распространены украшения из серебра — браслеты, кольца, серьги, пояса (целиком серебряные или с серебряной пряжкой).

Женщины носили кольца «туплукчал», серьги — «ирцли» (было мало), крученые браслеты «белеса». Почти все женщины носили коралловые бусы. Их приобретали в основном у кубачинских мастеров, у приезжих лакцев.

В каждом доме были многоярусные нагрудники «бачи». Шили «бачи» из черной трехслойной плотной ткани, на него нашивали монеты. Верхняя часть нагрудника имела четырехугольную форму. Книзу он суживался. Монеты пришивались ровными рядами. Самый длинный, верхний ряд, например, состоит из 17 или 19 монет. Книзу ряды суживаются. В самом низу оказывается всего одна монета.

Обычно нагрудник надевался поверх нарядной одежды для украшения. Сверху он подвешивался на пруди (завязки делались сзади на шее) и повязывался за спиной. Длина «бачи» доходила до 80—85 см., ширина от 40 до 45 см. Под нагрудником на «валжакъ» носили пояс. На шею навешивали украшения из серебра с орнаментом. На руках носили браслеты.

Иногда нагрудники (основание) делались из кожи. Пояса могли быть и сплошь серебряные, и матерчатые с пряжками и матерчатые с нашитыми на них монетами. Украшения передавались по наследству старшей дочери. Кайтачки украшали одежду и вышивкой.

Женщины селений Баршавай, Карацан, Джибахни вышивали золотом.

Прически и косметика

Красивой считали девушку стройную, круглолицую, белую с румяными щеками, черными длинными бровями, черными глазами и длинными косами.

В Нижнем Кайтаге некоторые женщины красили волосы хной, полоסקали мытые волосы сывороткой. Женщины из знатных семей мыли волосы яйцом.

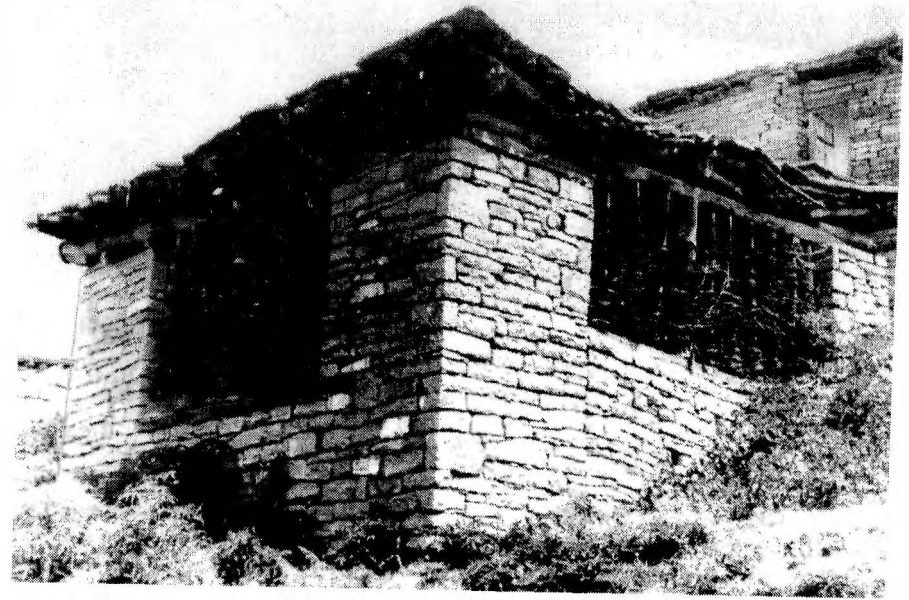
В селениях Нижнего Кайтага (Карацан, Баршамай, Карталай, Джибзхани и др.) девушки до 15 лет носили челку «даърихи». После замужества челку убирали, нередко убирали ее и до замужества, что означало, что девушка уже взрослая и может вступить в брак. Все женщины носили локоны «наашкри» («тулумы»), которые завивались и лежали и вне чухта на груди, доходя до пояса. Во время работы их откидывали назад.

В селении Варсит женщины носили челку «джугъа» («лепекни» — «лехлешкни») — и пейси «лашкины» до 40 лет. Все девушки и молодые женщины носили длинные косы. Их могло быть — 8—10—12.

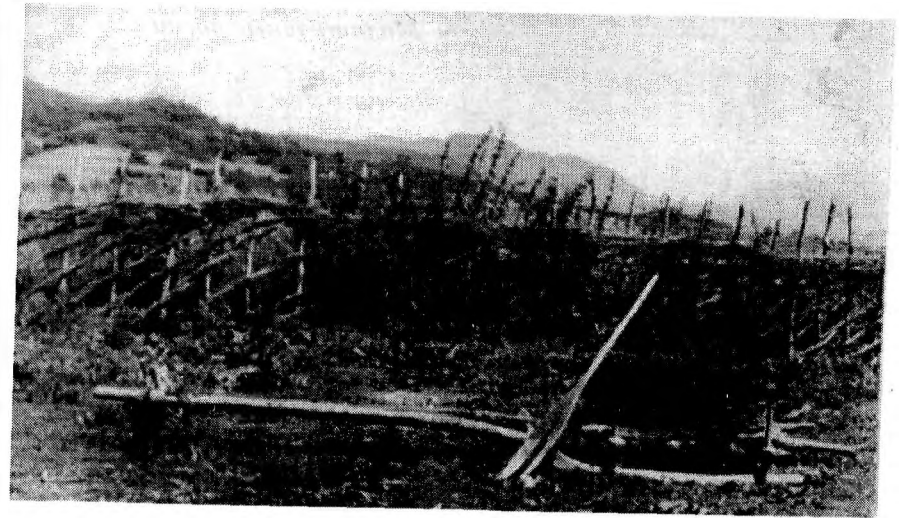
Во многих селениях существовал обычай сбривать волосы на нижней части затылка.

Традиционная пища

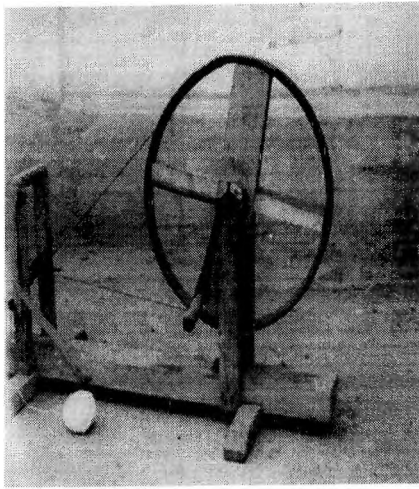
Пища кайтагов, хотя и содержит много общего с пищей даргинцев, других народов Дагестана, но имеет и свои специфические особенности. Эти особенности объясняются, прежде всего, хозяйственной направленностью, уровнем социально-экономического развития, межэтническими контактами и т. п.⁴⁸ Следует отметить, что даже каждая из выделенных нами ранее частей Кайтага (Верхний Кайтаг, Нижний Кайтаг) имела свою природную и хозяйственную специфику. В Верхнем, горном Кайтаге преобладало скотоводство (овцеводство), сочетавшееся с небольшим земледелием, а в Нижнем — земледелие, крупный рогатый скот (разводили коров, буйволов, быков), садоводство, виноградарство, домашняя птица. Естественно предположить, что в Верхнем Кайтаге значительной была роль мяса и мясных продуктов, растительных продуктов (дикорастущие травы, лесные фрукты), в Нижнем — молока и молочных продуктов, мучных изделий и злаков, фруктов, винограда, хотя их соотношение в питании зависело и от имущественного состояния населения Верхнего и Нижнего Кайтага. Частично недостающие продукты и там и здесь поступали к ним в результате торговли. В обществах Кара-Кайтаг и Маджалис — Катта, расположенных на границе с кумыками, пища испытала некоторое влияние южнокумыкской кухни.

Сенник, сел. Дуреги

Волокуша для перевозки навоза

Мотовило

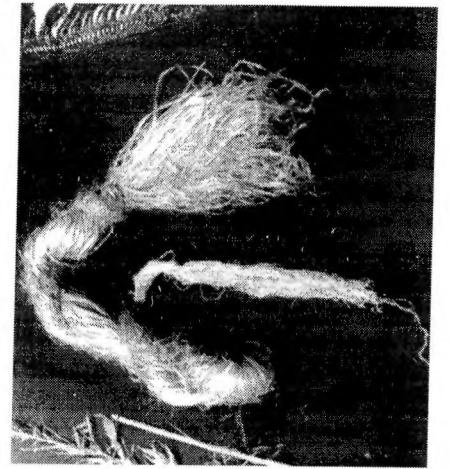
Женщина за обработкой конопли

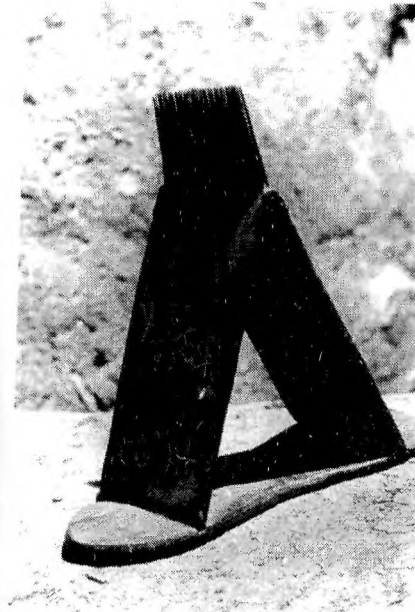
Женщина за расчесыванием конопли

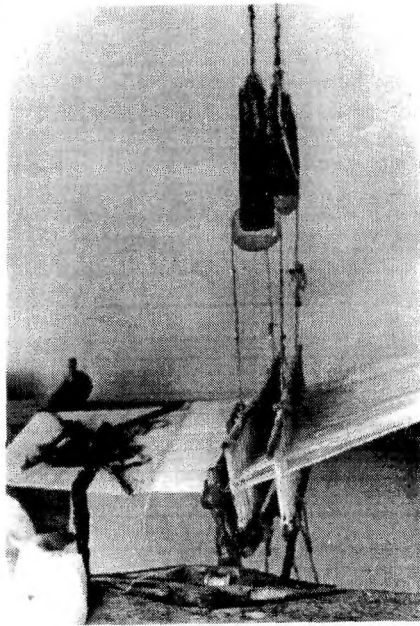

Женщина у мотовила

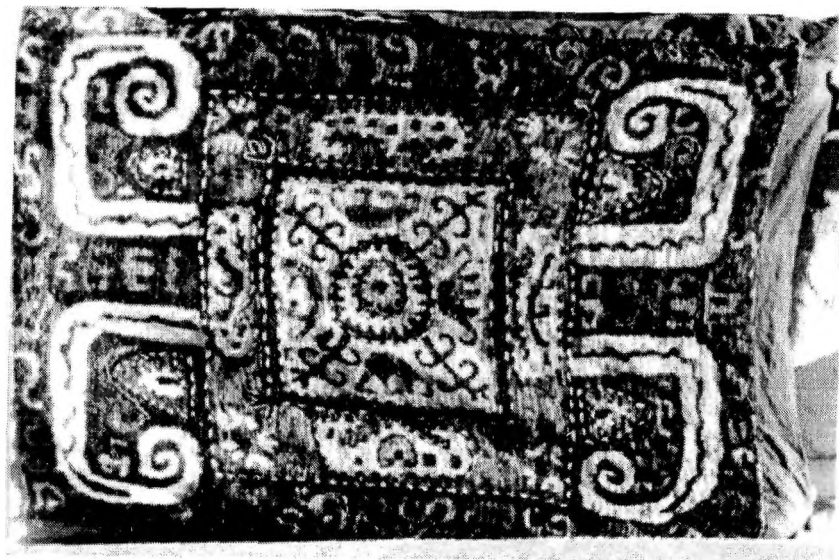

Конопляное волокно

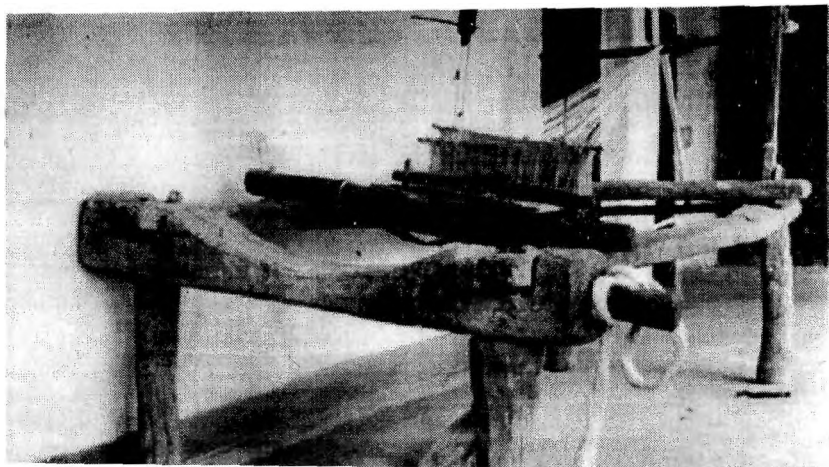
Ткацкие станки

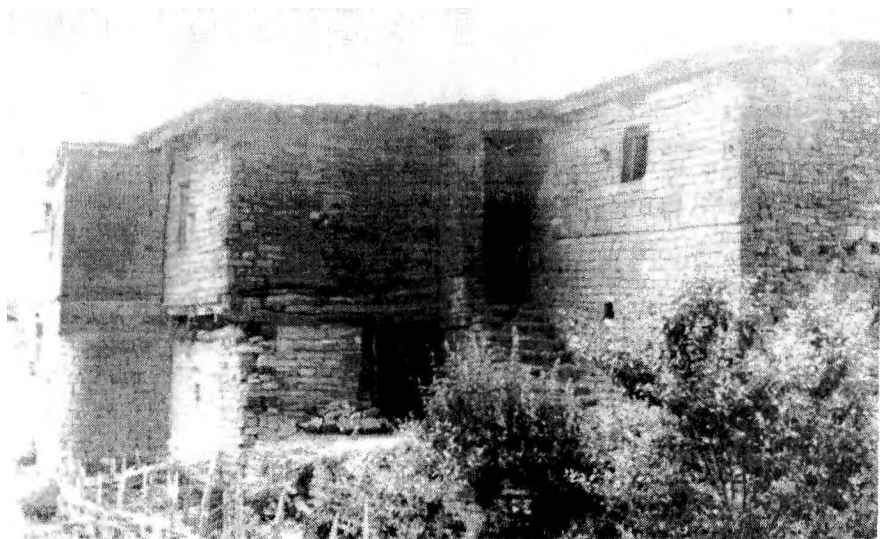
Подушечная вышивка

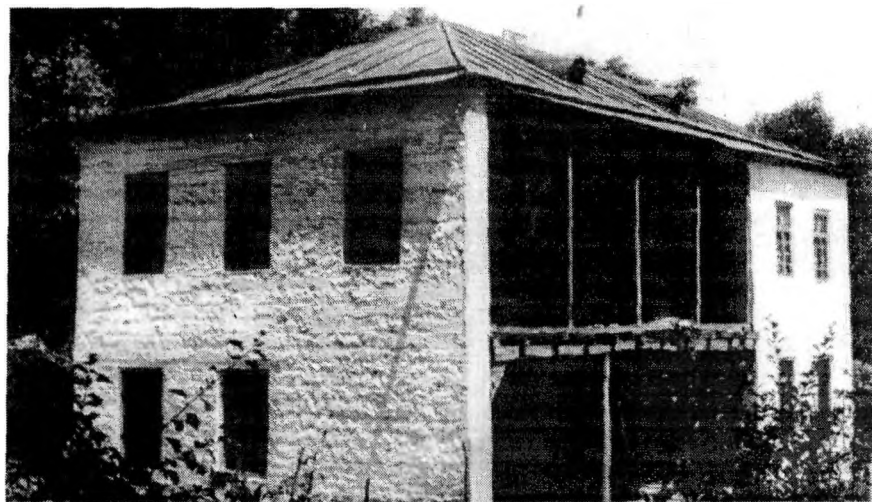
◀ *Кувшин для умывания*

Медный котел для плова

Традиционное жилище (С. Дурети)

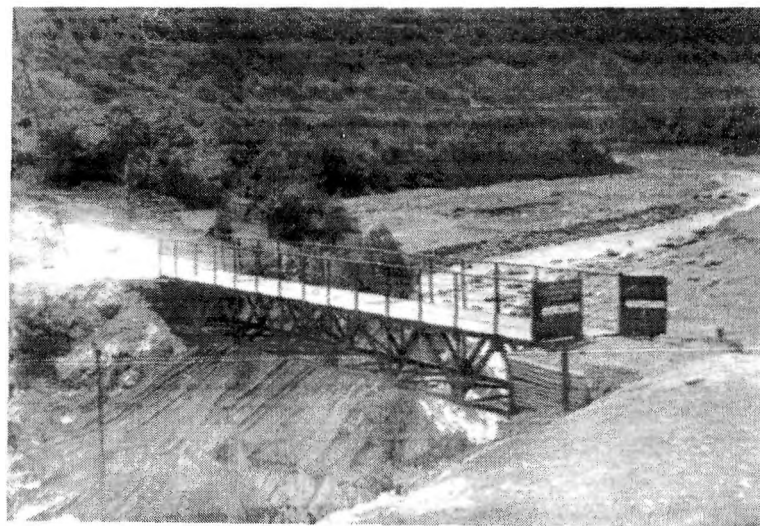

Современное жилище (с. Джавгат)

*Боевая башня
(с. Шиланша) ➤*

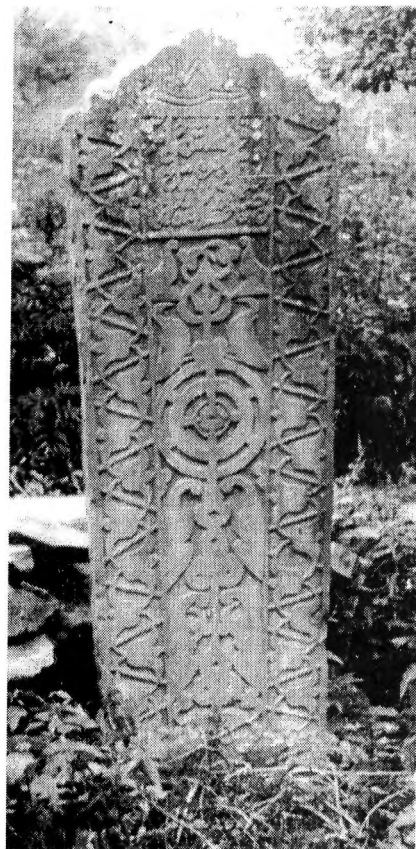

*Мост через реку Уллу-Чай
Из архива Б. М. Салихова*

Селение Маджалис

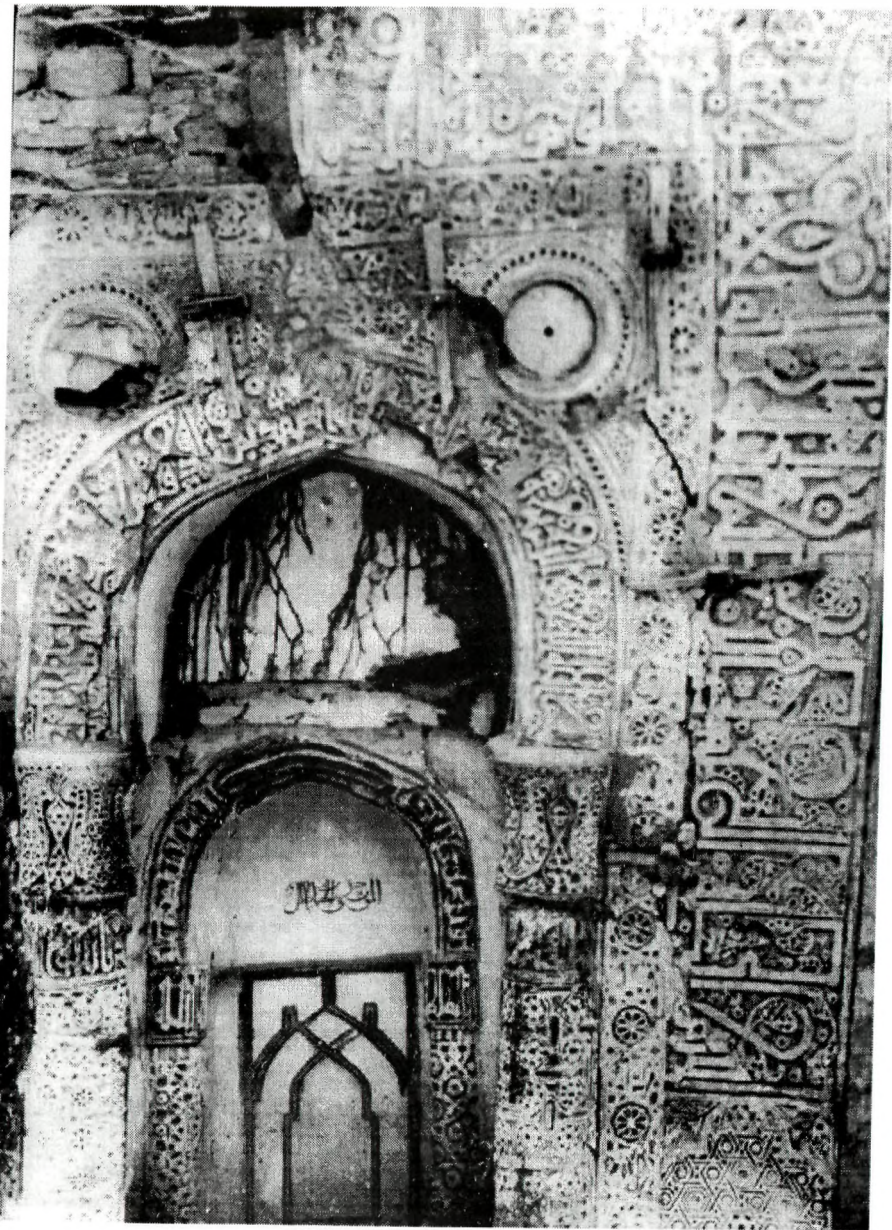
Образцы резьбы по камню и дереву

*Из архива
Б. М. Салихова*

с. Карацан. Из фонда Б. М. Салихова

Михраб средневековой мечети сел. Кала-Корейш

*Мавзолей кайтагских уцмиев
(с. Кала-Корейш)*

Дорога на с. Кала-Корейш

*Общий вид столба. Сел. Тама
(фото А. Ф. Гольдштейна)*

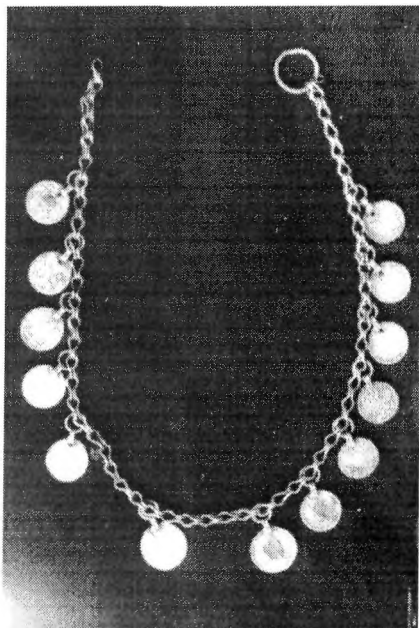
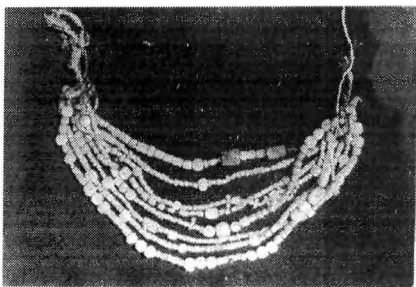

Саркофаг на Уцмийской дороге

Кайтаги

Шейные украшения

Шейные украшения

Женщины в традиционной одежде

**Женщины
в традиционной
одежде**

*Женщина в головном уборе
"чухта"*

*Женский головной убор
"чухта"*

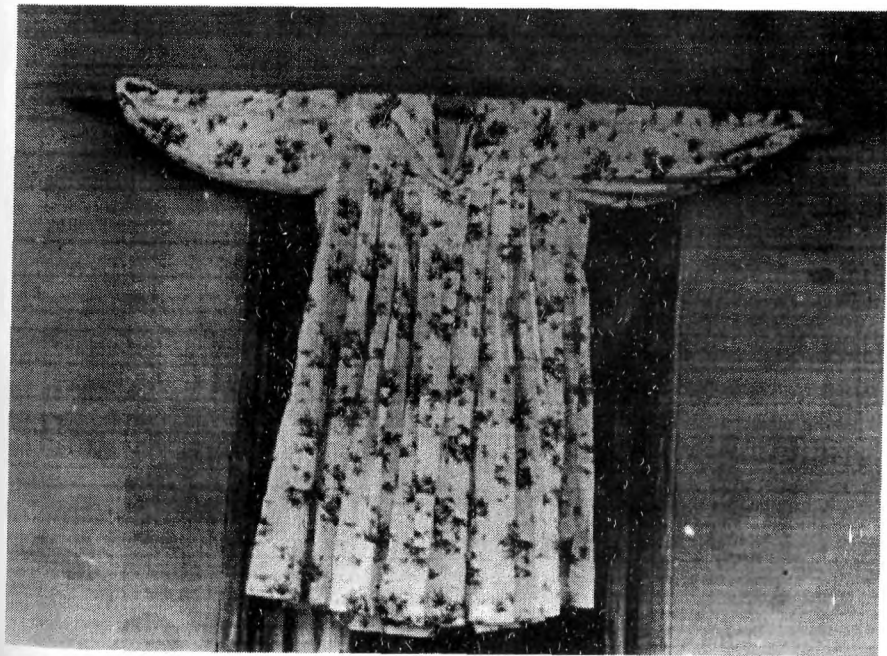
(вид спереди)

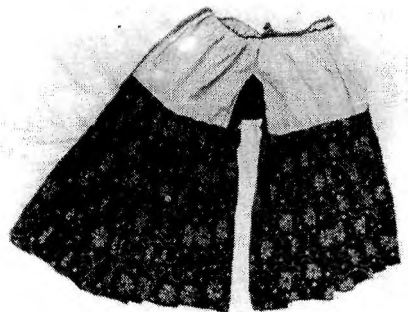
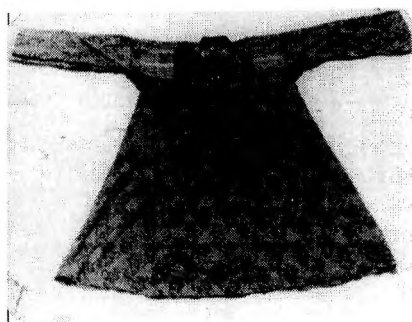
(вид сзади)

Женское платье "валжагъ"

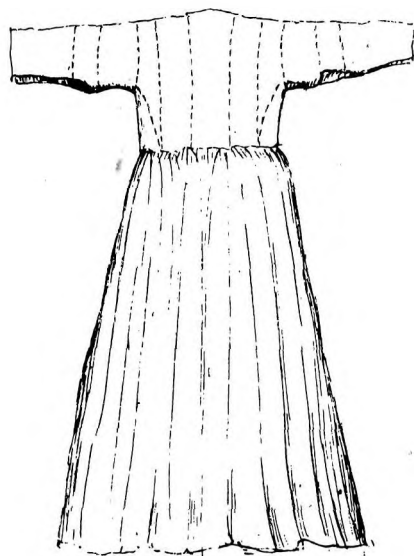
Женское платье

Женская рубаха и штаны

Вид спереди

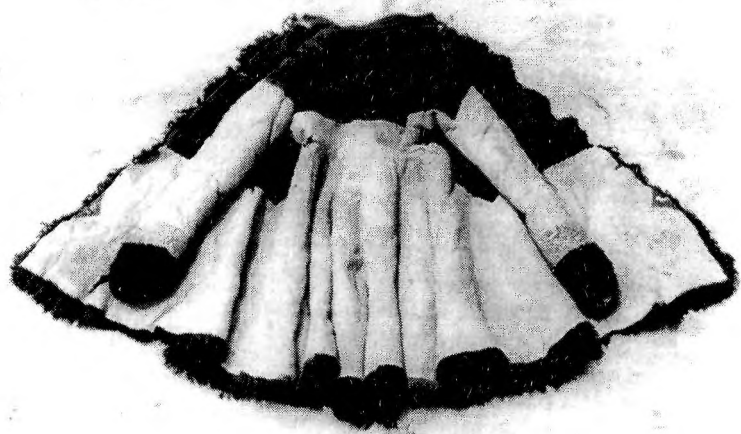
Вид сзади

Женское платье “валжагъ” (с. Варсит)

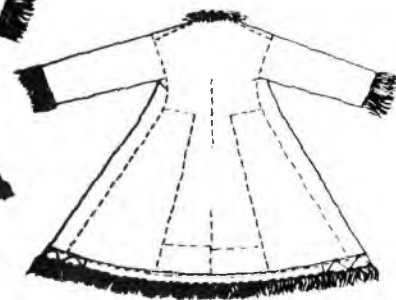
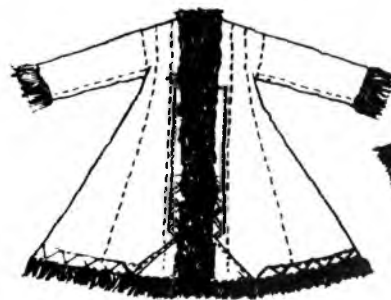

Женщина в национальной одежде (60-е годы)

Женские шубы

Женские шубы

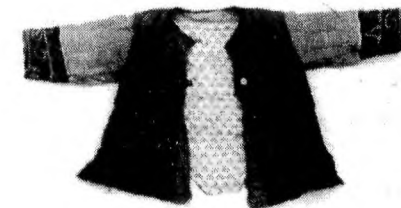
Кайтаги в традиционной национальной одежде

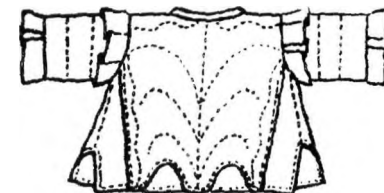
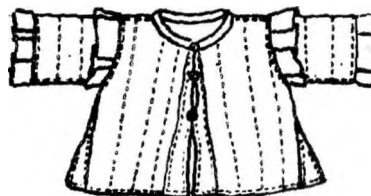
Войлочная накидка

Мужская шапка

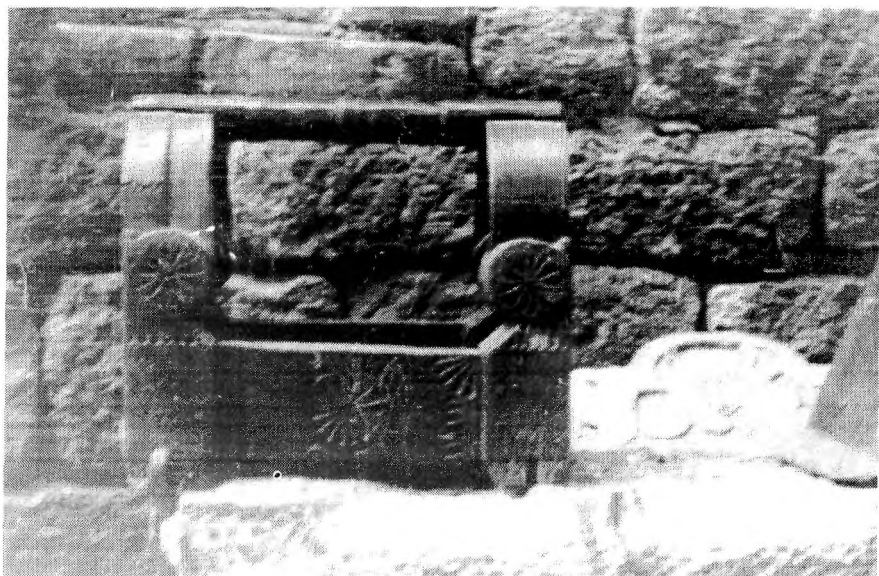

Детская одежда

Детские люльки

Герой Советского Союза Алисултанов С. К.

Профессор Каймарзов Г. Ш.

*Герой
Социалистического труда
Насруллаев Г.*

В питании кайтагов значительное место занимали изделия из муки и теста. Для приготовления теста использовалась пшеничная, ячменная, просяная, гороховая (Верхний Кайтаг), ржаная, а позднее и кукурузная мука. Преобладающее место в рационе питания занимали пшеничная и ячменная мука. Но бедняки предпочитали сеять и просо из-за его высокоурожайности (для земли засеваемой 25 кг. пшеницей достаточно было 1,5 кг. проса).

Из муки прежде всего пекли хлеб «чакъва» («чакъа»), («чу-кья» — с. Санчи). Хлеб делали из заквашенного («лузум») — теста — «бершул чакъа» («буше чакъа» с. Пилякъи) и пресного «кьашкья чакъа». По воспоминаниям информаторов, в прошлом хлеб готовили преимущественно из пресного теста. Из дрожжевого («лузум») теста («хамир») пекли обычно толстые чуреки, а из пресного тонкие лепешки. Как пресный, так и дрожжевой хлеб замешивали на воде. Кукурузную, просяную, гороховую муку замешивали в кипятке, чтобы легче было собрать (склеить). Пресные лепешки обычно пекли ежедневно, так как они быстро затвердевали, а дрожжевой хлеб — 2—3 раза в неделю. Для приготовления закваски «хамир» немного муки взбалтывали в прокисшей сыворотке и оставляли бродить 2—3 дня. Затем эту мучную болтушку использовали для замеса теста. Это был простейший способ заквашивания теста. Кусочек кисшего теста вместе с остатками после замеса, разбавляли теплой водой и ставили в теплое место для прокисания, чтобы использовать следующий раз. Таким образом готовили тесто в течение года и более. Иногда женщины одалживали друг у друга «хамир» с условием, что та оставит «хамир» уже на двоих.

Выпекали хлеб в комнате очага «цала хъали» в горячей золе. Такой хлеб называли «цалгула чакъа» («огненный хлеб»). Воспоминания об обычае приготовления хлеба в золе сохранились во всех селениях. Однако, выпечка хлеба в золе было не единственным способом. В исследуемое время для выпечки хлеба были и другие печи — пристенный «ужагъ», «кери» (общественная печь), «старунг», глиняная печь «циппла».

Следует отметить, что термином «чакъа» называли не любой хлеб. В Карацане пекли, например, тонкие лепешки «бирзе» на железном листе. В некоторых селениях этим термином называют блины.

Довольно часто пекли хлеб из смеси пшеничной, ячменной, гороховой, кукурузной муки. Обычно сочетали пшеничную с ячменной, гороховой, просяной, кукурузной мукой. Иногда готовили хлеб из смеси пшеничной, кукурузной, просяной муки. Такой хлеб называли «дархикла чакъа» или «дархамакла чакъа». Иногда кайтагские женщины пекли особый хлеб, называемый «ава муче-

ри». Тесто для такого хлеба замешивали на кислом молоке и добавляли в нее нарезанный мелкими кусочками сушеный нутряной жир, курдюк или жирные части сушеного мяса. Из кукурузной муки пекли и обычный кукурузный хлеб «мучери».

Из муки готовили блины «хунжри». «Хунжри» являлись обычным блюдом пилякьинцев. Особенно часто готовили их больным, старикам. Для блинов сначала готовили жидкую мучную болтушку на содовой воде, разбавленной молоком, добавляли 1—2 яйца. Жидкое тесто, налив тонким слоем на смазанную жиром чугунную сковороду, ставили прямо на горячую золу.

Специально для работающих на молотье мужчин готовили блины «буршина» (печется в два-три приема со сметаной).

Повсеместно из муки готовили мучную кашу. Готовую кашу подавали с урбечом, приправленным медом и маслом.

Во многих случаях мучная каша выполняла определенное ритуальное назначение. Мучная каша щедро политая урбечом, приготовленным на масле и меде, подавалась в качестве праздничного блюда на торжествах по случаю укладывания в люльку девочек (с. Карацан). Такую кашу вместе с другими подарками принесли роженице, пришедшие проведать ее родственницы, соседки (с. Пилякьи). Кашу из жаренной муки «силтйи» готовили в качестве основного блюда на Ораза байрам. Заправляли «силтйи» маслом и виноградным медом «дущру».

У всех кайтагов пекли слоенные хлеба «азир кавчар» («хйял-бук»).

Из муки готовили халву «арбш» («азриш»).

Из пресного теста, сваренного в воде, на мясном бульоне готовили хинкал «хинкйи». Хинкал готовили двух видов: в форме раковинки «кеделсун хинкйи» (с. Карацан) или «дукрушналла хинкйи» (с. Пилякьи) и тонкий хинкал «дукйал хинкйи». В качестве приправы подавали кислое молоко с чесноком или толченые орехи с чесноком. Готовили и хинкал из кукурузной муки «гьяжилачила хинкйи».

Из муки с разной начинкой (мясная, вареный и сырой картофель, тыква, дикорастущие травы, требуха, творог) готовили чуду «чүтду» или «бацбикйи» (в некоторых селах, например, в Карацане — «бацбикё»), пельмени «кирци». Готовили пироги с начинкой из кукурузной каши «гьяжилачилла бацбикйи». Тесто для «гьяжилачилла бацбикйи», как и для других пирогов, используют пресное, замешанное на воде. Начинку — вареную кашу из кукурузной муки с курдюком, жиром (позднее и с луком) — готовят заранее, чтобы каша успела остыть. Из теста раскатывали сочень, на него раскладывали начинку, закрывали верхним сощнем, защипывали края и пекли в золе. Из творога пекли и наполовину открытые «бацбикйи». На наш взгляд, приготовление открытых пирогов стало

практиковаться лишь с появлением глиняных печей, т. е. — лишь «в условиях развитого (домашнего) хлебопечения». То же самое можно сказать о ватрушках «хунжри» для детей.

Распространенным блюдом был пирог из курятины «аркьвалла бацбик». «Аркьвалла бацбик» в большей части был гостевым блюдом.

Гостевыми и праздничными были и фигурные хлеба «в виде куропатки «кьакьба» с яйцами, запеченными внутри и смазанные снаружи яйцом».⁴⁹ Их готовили на праздники и в качестве подарков для детей, когда отпраплялись в гости. Пекли еще фигурные хлеба трехугольной формы из кукурузной муки. На них указательным пальцем наносили разнообразные узоры (птицу, кисть руки, человеческую фигуру и т. д.). Для детей пекли и маленькие хлебцы «хунжри» с вдавленными или налитыми в центр яйцами.

Готовили кайтаги и пельмени «кирци» с разной начинкой (мясная, творожная, тыквенная, из крапивы, с яичной начинкой «милкьвала кирци»). Мясные пельмени были в основном праздничным, гостевым блюдом.

Пшеница, ячмень, просо, кукуруза были у кайтагов традиционными культурами. Эти злаки употреблялись в пищу в вареном, жареном виде. Из них на специальных ручных мельницах «накьла урхав» мололи крупы «буттух». Блюда из круп относились к числу праздничных, обрядовых и повседневных. Из них варили каши, супы, а также некоторые другие специфические блюда. Густая каша из ячменной («мухьалла буттух»), пшеничной («ачйелла буттух»), просяной («мичилла кашил»), кукурузной («хйяжилачйелла буттух») круп, заправленная маслом, урбечом, медом входила в рацион питания роженицы. Кашей угощали женщин, которые приходили на торжество по случаю рождения ребенка. Их готовили для поминок на третий день. Варили полбенную кашу «перуш» с подливой «бьагьри». Подливу готовили из толченых орехов и сушеной пастилки из алычи, терна, заваренных в кипятке. Некоторые каши (полбенную и пшеничную) варили из жаренной крупы. Иногда каши варили на молоке. Чаще всего — на воде. Для этого в кипящей воде распускали одну-две ложки нутряного жира или топленого масла и засыпали крупу. Такую кашу ели бедняки. В традиционной кухне кайтагов было специфическое кушанье из крупы с мясом. После поджаривания в котле пшеничную или полбенную крупу засыпали в глиняный сосуд вместе с мясом (сушеным или свежим), заливали небольшим количеством воды, посыпали солью и зарывали на ночь в горячую золу. К утру еда бывала готова.

Во время осенних забоев скота из начиненного желудка свежезарезанной скотины готовили «кабав». В фарш из сердца, печени, почек подмешивали пшеничную крупу, заправляли тмином, луком,

солили и начиняли желудок, затем зашивали его и варили в небольшом количестве воды.

Каша из поджаренной пшеничной крупы, сваренная на воде, являлась обязательным блюдом на ужин перед началом поста «Ораза». Перед подачей кашу приправляли подливой. Подливу готовили так. Размятые орехи вначале заваривали в кипятке и перемешивали с жареным мелконакрошенным сушеным жиром и ставили на 2—3 минуты на слабый огонь томиться.

Все постные каши подавали в общей чаше «таст», разравнивая поверхность и полив подливой. Нижнекайтаги готовили и плов.

Кайтаги готовили и разнообразные супы «нергъ». Супы бывали крупяные, молочные, мучные. Готовили супы с мясом и без. Постные супы приправляли курдюком, жиром, маслом. Крупяные супы варили с дикорастущими травами. С появлением картофеля, лука в суп стали класть картофель и приправлять его жареным луком. Санчинцы готовили супы с поджаренной мукой «будугъ нергъ». Говорили, что этот суп способствует утолщению шеи.

Собирая полевой материал, мы обратили внимание и на многообразие способов приготовления у кайтагов кушаний из мяса («диг») и мясных продуктов. Наиболее распространенные из них, как было сказано выше, изделия из теста с начинкой из мяса (мясные пельмени, мясные пироги, пирог из курятины) и тесто, сваренное в мясном бульоне (хинкал). Мясо ели в свежем и сушеном «баргъур диг» («баргъудиг» — с. Бажлук) виде. Сырое мясо посыпали солью со всех сторон и запекали в горячей золе. Ели и вареное мясо.

На зиму обязательно сушили мясо «диг», курдюк «арш», жир «гъали», колбасу «баргъур риди» («баргъур руд», или «диццурти реди»). Для приготовления колбасы промытые кишки начиняли рубленным мясом, заправленным тмином и солью, позже луком и перцем.

Мясо сушили следующим образом: баранью или говяжью тушу раздвигали на несколько частей, солили изнутри и снаружи и оставляли на сутки в хорошо проветриваемом прохладном месте. Затем его вывешивали на сквозняк для просушки. С наступлением сумерек мясо уносили в дом, чтобы оно не впитало влагу. И так продолжалось 20—30 дней. После этого сушеное мясо подвешивали для хранения и дальнейшей сушки к потолку в «цалла къали» или на специальные жерди из дерева или на деревянный брусок с несколькими рогами. Баранью тушу сушили и целиком.

Жир и курдюк перетапливали и получали сало (курдючное сало, сало из нутряного жира). Из свежего курдюка варили хинкалы, супы. Бажлукцы на поминки варили суп на мясном бульоне. В этом же селении мясной соус «члашин» был свадебным блюдом. Во всех селениях делали колбасу «пак» из внутренностей живот-

ных. Рассказывают и о приготовлении такой колбасы из требухи с добавлением пшеничной крупы. Именно в таком варианте это блюдо бытовало у кайтагских кумыков. Обращает на себя внимание тот факт, что и у кайтагских кумыков такая колбаса зафиксирована под тем же названием.

Следует отметить, что в некоторых селениях Верхнего Кайтага, поминальную еду (мясо, суп, хлеб) варили без соли.

У всех кайтагов главным угощением на свадьбе, поминках, наряду с хлебом, халвой были мясо и мясные блюда. В этой связи интересно отметить то, что в послесвадебном обряде кайтагов существовало ритуальное угощение, которое готовили в доме жениха для родителей невесты. Это — чуду из внутренностей животных «даркла бацбикли».

Готовили кайтаги чуду и курзе из курятины и орехов. Для этого отваривали куриное мясо и удаляли кости. Очищенные, слегка прожаренные и размятые орехи томили в жирном бульоне так, чтобы получилась густая темная масса. Раскатывали круг из пресного теста. На половину раскатанного круга накладывали фарш из орехов, сверху кусочек мяса, закрывали другой половиной и защищывали края. Верх чуду смазывали яйцом или кислым молоком. Когда испечется, смазывали жиром.

Из курятины готовили соус «аркъвала ччешин». В конце варки в соус добавляли толченые орехи, щепотку жареной пшеничной муки и лук.

Кайтаги употребляли в пищу и медвежатину — «сика», заячье мясо — «гъвяри», дичь — мясо куропадок — «дуццала иркъва». Употребляли в пищу рыбу, которую привозили с рыбных промыслов («батагъа»). Обычно рыбу пекли в золе завернув в бумагу.

В разнообразном ассортименте продуктов питания кайтагов, молочные занимали одно из важных мест. Из молока «нег» получали творог «магаш», сыр («ннссе»), «ннсси», сметану «читди нег»), (бурт-Санчи) — (досл. верхнее молоко), сливочное масло — «бацци метли» (члямви-Санчи), топленое масло — «члемеи»), «метли» (Санчи), кислое молоко — «дартур нег», айран — «дакъив нег»), («дакъун нег»). Молочные продукты употребляли в качестве начинок для пирогов, пельменей (творог), готовили супы и каши (молоко), заправляли готовые блюда (кислое молоко, сметана, масло), намазывали на хлеб и заправляли супы, каши (масло), сывороткой «магъ» мыли голову (нижнекайтаги из нее делали укус «къаац»), замешивали тесто. Из молозива «за» готовили пельмени «залла кирци». Принято было раздавать молозиво близким родственникам, соседям (людям добрым).

Кайтаги заготавливали впрок как овечий, так и коровий сыр. Для приготовления сыра свежее молоко собирали в специальные сосуды и оставляли в прохладном месте 2—3 дня (для этого в са-

рае делали специальные ямы «кур»). Затем прокисшее молоко сливали в большой котел и процеживали (некоторые чуть-чуть подогревали). Полученный творог прессовали, а сыворотку сливали. Хранили сыр в рассоле в бурдюках (овечий), в специальных глиняных сосудах — коровий. При приготовлении сыра добавляли закваску «урсул», приготовленный из желудка ягненка.

Из овощных культур кайтагам были известны картофель, лук (нач. XX в.). Нижнекайтаги стали употреблять лук гораздо раньше. Лук, красный перец они покупали у евреев. Луком и перцем заправляли начинки для чуду, пельменей, супы и т. п. Из бахчевых, кайтаги использовали тыкву «кьабакъ». Из нее готовили чуду, шельмени, «ччешин»). «Ччешин» ели, макая в него хлеб (отсюда и название у кайтагских кумыков (батдырма) — «макающая»). Ели «кьабакъ» в вареном и печеном виде. Кушанья из тыквы относятся к наиболее распространенным. Это — повседневное кушанье, готовили его для семьи.

Кайтаги употребляли в пищу и дикорастущие травы. В частности, крапиву — «миц», мяту — «шамуль», просверник — «бат-батла», «хвя», лебеду «цленгы», дикий лук — «ирзим» («ирзе»), дикий чеснок — «гьанклу» («хянку») др. название — «сисеп»), конский щавель — «гадуси», тмин — «аша» и др. Одни из этих трав использовались для приготовления начинки для чуду, пельменей (крапива, просверник, лебеда, дикий лук, конский щавель), другие в качестве приправы (тмин, мяту), третьи ели просто так (дикий чеснок). Некоторые из них (крапиву, мяту, тмин) сушили на зиму.

В Нижнем Кайтаге в большом количестве использовали в пищу фрукты (яблоки, груши, черешню, сливы, курагу) и виноград. В Верхнем Кайтаге больше использовали дикорастущие фрукты и ягоды: лесные груши «дуццала хъяр», лесные яблоки — «дуццала гьинчи», шишки — «дерчи» (дерки — Санчи), кизил «чум», «ччимби», барбарис — «межикла», «милерзи», «ман».

Некоторые из этих фруктов и ягод заготавливали впрок (в Верхнем Кайтаге дикорастущие, в Нижнем — садовые). Их мочили, сушили. Для сушки плоды разрезались на тонкие пластинки (яблоки), на дольки (груши), нарезывались на нитки и подвешивались на веранде (Нижний Кайтаг), в Верхнем Кайтаге их сушили на крышах. Кизил, алычу, терен растирали, делали тонкие пастилки и сушили. Зимой эту пастилку использовали как приправу при приготовлении супов.

Некоторые сорта груш — «мегьжир хъяр», «дагар хъяр» («Иварала хъяр»), «силбалчи хъяр», «дукьбу хъяр» и яблоки мочили. В большом количестве мочили шишки. Из тута, сладких сортов груш нижнекайтаги варили «душаб» («дуцру»).

Из напитков кайтагам известны «мусти». Готовили его из кипяченого виноградного сока. Е. Шиллинг, побывавший в Кайтаге

еще в 40-е годы XX в., так описывает этот напиток: «Из кипяченого виноградного сока делали (кайтаги — Б. А.) особое довольно крепкое вино (мусти). В начале зимы, когда вино было готово, устраивался особый праздник, во время которого хозяева катались на санях, запряженных быками. В середине саней ставился кувшин с новым вином, которое тут же распивалось».

«Все эти порядки, — пишет он далее, — как видим, мало вяжутся с установлениями ислама и отражают, очевидно, традиции домусульманского Кайтага». ⁵⁰ Вот как описывает один из способов приготовления «мусти» из винограда А. Г. Пашаева: «Для получения сока заполняли виноградом узкий мешок из конопляной ткани — «тутунич» и, завязав отверстие мешка, давили и мяли его ногами в сосуде — «бужела», который представлял собой деревянное корыто, открытое с одной стороны и со сливом с другой, установленное наклонно к поверхности земли. Для получения большого количества виноградного сока существовали общественные давилки — «къята», которые имели несколько разновидностей.

Процеженный через специальный полотняный мешочек виноградный сок сливали в большой кубачинский котел и, наполнив доверху соком, кипятили его около часу на сильном огне, разведя в очаге «циппи». Целью кипячения было очищение виноградного сока. В процессе кипячения время от времени помешивали сок и снимали пенку. Когда уровень жидкости в котле снижался на три-четыре пальца, ее выливали в широкий медный таз и, чтобы она быстро стыла, все время перемешивали большой деревянной ложкой — «хула кьацул».

В тепловатом состоянии чистый виноградный сок сливали из таза в глиняный сосуд — «Чутран», «кьвари» и закрывали горлышко куском полотна, дощечкой или камнем так, чтобы туда проникал воздух. Во избежание порчи напитка рекомендовалось наполнять сосуд соком доверху.

Через несколько дней начиналось брожение, которое продолжалось дней восемь — десять. В результате процесса брожения уровень жидкости значительно снижался. Горлышко сосуда с перебродившим соком плотно закрывалось дощечкой или камнем и обмазывалось глиной, чтобы совершенно прекратить доступ воздуха в сосуд. В таком виде напиток хранили около месяца, (лучший срок считался 40 дней. — Б. А.) после чего он считался готовым. Это вино было приятно на вкус и, когда его поджигали, горело как спирт. ⁵¹

Таким образом, мы назвали лишь наиболее характерные для каждого региона (Верхний, Нижний Кайтаг) виды пищи и блюд. В действительности же нами зафиксировано гораздо больше блюд, которые встречаются и у других народов Дагестана.

Заканчивая характеристику пищи кайтагов следует сказать еще, что у них, как и у других народов Дагестана, не было специальной комнаты для приготовления пищи. Зимой пищу обычно готовили и принимали в той же комнате, где жила вся семья и где находился очаг. Такая комната называлась «цала кьали» («комната огня»). В теплое время года они готовили во дворе под навесом или на крытой веранде «дугъа» (Маджалис — Катда), где строились специальные приспособления, но это не была летняя кухня. Это отмечают и другие исследователи. В частности, А. Г. Пашаева пишет, что «В Кайтаге и сейчас для приготовления пищи летом часто используются простейшие глинобитные очаги подковообразной формы — «циппи». Их обычно строят во дворе под навесом. В центре такого очага разводят огонь, а сверху ставят котел. На этом очаге варят пищу и на нем же пекут лепешки, раскаляя над ним железный круг или каменную плиту».⁵²

Топливом для приготовления пищи были в основном дрова, хворост, жезьяк почти не использовался.

Ели кайтаги обычно три раза в день: завтрак трудовой крестьянской семьи — «чиркала хурег» (летом 5—6 ч., зимой 7—8 ч.), обед — «дажела» (2—3 ч.) и ужин — «дархала» (зимой 6—7 ч., летом — 8—9 ч.).

В той же комнате, где готовилась пища, хранилась повседневная посуда и утварь. Посуда в основном была чугунная, глиняная, утварь — деревянная. Изредка встречалась и медная луженая посуда, которую приобретали у кубачинцев. В богатых домах можно было встретить и посуду из фарфора и фаянса. «В Кайтаге большой медный кубачинский котел покупали за 3 мерки (дьярхля) пшеницы — 75 кг. средний — за 2 мерки».⁵³ Деревянную посуду и утварь в основном производили сами, частично приобретали у табасаранцев. Деревянные изделия обычно делали из груши, липы, ореха, бука. Глиняную посуду кайтаги приобретали у сирагынцев (их называли «гибалла»). Они (женщины, мужчины) обычно на ослах объезжали кайтагские села, предлагая свои изделия. У них же кайтаги приобретали черную жвачку («гьянкIа»), которую делали из дерева породы «махъла». Жвачка называлась «махъла гьанкIа» (жвачка из дерева). Глиняную посуду они покупали и у сулевкентцев.

В каждом доме были большие чугунные котлы «цигала ашак», медные котлы «шантала ашак» (1—2 на все село для свадеб, похорон), деревянные большие ложки — черпаки «хула кIа-цIул», обычные ложки «нигIа кIапул», глиняные миски «анчинна сукра», кувшины «кьандар» (только глиняные), маленький кувшинчик — «гажин», маслобойка — «чIутлан», корыто для замеса теста «кваша», шумовка — «хинчьиТI», половинки — «жавша кIацIул», цедилка — «кувзан тIас», поднос — «тIас» (чу-

гушный, реже медный), деревянный поднос для чистки зерна — «тIабакI», решето для чистки зерна — «зула», тарелки «таскизIа», глиняный сосуд для доения и заквашивания молока «кьужъяй» (для доения с ручкой), большие глиняные сосуды для мочения груш, яблок и т. п. «квара», корыто для теста «сагъра» (чара), для стирки «тия». В каждом доме имелся «сандуг» с несколькими отделениями, где хранили зерно, муку. Под сундук клали крупную посуду, а мелкую хранили в нишах в стене «щукъупи» и на специальных выступках. Для помешивания каши были специальные палки под названием «мявкьи». Делали их из кустарника с несколькими отростками, предварительно очищенного от коры. Ложки и вилки «чIала» хранили в специальных поставцах «табиж». Сундуки, поставцы и другие крупные деревянные изделия украшались резьбой.

Итак, мы рассмотрели сюжеты, представляющие одну из основных областей бытовой культуры кайтагов — материальную культуру.

Мы постарались выявить основные формы и типы планировочного устройства жилища, выявить разновидности очагов, выделить преобладавшие типы усадеб.

Мы обнаружили, что во многих случаях различия, касающиеся жилищ Верхнего, Нижнего Кайтага связаны с использованием строительных материалов и объясняются экологическими условиями; устанавливается зависимость между природно-географическими условиями и характером поселений. Тем не менее, многообразие традиций не мешало формированию общих черт для всего Кайтага.

Спецификой данного исследования является также то, что мы хотели не только описать традиционную одежду кайтагов, но попытались одежду и ее отдельные компоненты рассмотреть в плане их постепенного изменения. В результате, мы обнаружили, что в XIX в. и ранее традиционная одежда кайтагов была более единообразной, в ней было меньше разных видов одежды; более единообразны были ткани, употребляемые для нее. Кроме того, в исследуемое время различия в одежде разных социальных слоев проявляются не в формах, а в качестве тканей.

Что же касается пищи кайтагов, то она скорее молочно-растительная при умеренном использовании мясных продуктов, особенно в теплое время года. Традиционным является и широкое употребление в пищу культурных и дикорастущих фруктов, трав (весной и осенью). Многие дикорастущие растения являлись одновременно лекарственными.

- 1 Гаджиева С. Ш., Османов М. С., Пашаева А. Г. Материальная культура даргинцев. Махачкала, 1967. С. 84.
- 2 Там же.
- 3 Там же.
- 4 Там же. С. 86.
- 5 Указ. соч. С. 87.
- 6 Указ. соч. С. 88.
- 7 Комаров А. Списки населенных мест Дагестанской области//Сборник статистических сведений о Кавказе. Т. I. Тифлис, 1869.
- 8 Гаджиева С. Ш., Османов М. О., Пашаева А. Г. Указ. соч. С. 80.
- 9 Там же. С. 93.
- 10 Дагестанский сборник. Махачкала, 1927. Т. III, С. 237.
- 11 Шиллинг Е. М. Кайтаки//Шиллинг Е. М., Панек Л. Б. Сборник очерков по этнографии Дагестана. Рук. Ф. НИЯЛ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 37. С. 7.
- 12 Шиллинг Е. Указ. соч. С. 8.
- 13 Гаджиева С. Ш., Османов М. О., Пашаева А. Г. Указ. соч. С. 95.
- 14 Там же. С. 97.
- 15 Там же.
- 16 Гаджиева С. Ш., Османов М. О., Пашаева А. Г. Указ. соч. С. 110.
- 17 Там же. С. 108.
- 18 Там же. С. 114.
- 19 Вильер В. де Лиль-Адам. Две недели в Даргинском округе (путевые заметки)//ССКГ. В. VIII. Тифлис, 1875. С. 4—5.
- 20 Гаджиева С. Ш., Османов М. О., Пашаева А. Г. Указ. соч., С. 118.
- 21 Там же.
- 22 Алимова Б. М. Табасаранцы XIX — начало XX в. Историко-этнографическое исследование. Махачкала, 1992. С. 94—95; 172.
- 23 Гаджиева С. Ш., Османов М. О., Пашаева А. Г. Указ. соч. С. 121.
- 24 Там же. С. 123—124.
- 25 Там же. С. 145.
- 26 Там же.
- 27 Там же. С. 152.
- 28 Там же. С. 157.
- 29 Там же.
- 30 Шиллинг Е. Указ. соч. С. 7.
- 31 Тихонов Д. И. Описание Северного Дагестана, 1796.//ИГЭД. М., 1958. С. 134.
- 32 Гаджиева С. Ш., Османов М. О., Пашаева А. Г. Материальная культура даргинцев. С. 188.
- 33 ССКГ. Вып. I. Тифлис, 1868. С. 84—88.
- 34 Гаджиева С. Ш., Османов М. О., Пашаева А. Г. Указ. соч. С. 204.
- 35 Там же.
- 36 Петухов П. Очерк Кайтаго-Табасаранского округа. «Кавказ», 1867. № 13.
- 37 Свидерский П. Ф. В горах Дагестана. Петровск, 1903. С. 84—85.
- 38 Гаджиева С. Ш., Османов М. О., Пашаева А. Г. Указ. соч. С. 217.
- 39 Гаджиева С. Ш., Османов М. О., Пашаева А. Г. Указ. соч. С. 221.
- 40 Там же.
- 41 Там же. С. 223.
- 42 Там же.
- 43 Там же. С. 233.
- 44 Там же. С. 232.
- 45 Там же.
- 46 Там же. С. 197.
- 47 Дубровин Н. История войны и владычества русских на Кавказе. СПб., 1871. Т. I. Кн. 1. С. 549.

- 48 Волкова И. Г., Джавахишвили Г. Н. Бытовая культура Грузии XIX—XX веков: традиции и инновации. Изд-во «Наука», М., 1982. С. 80.
- 49 Указ. соч. С. 273.
- 50 Шиллинг Е. М. Указ. соч. Д. 37. С. 4.
- 51 Гаджиева С. Ш., Османов М. О., Пашаева А. Г. Указ. соч. С. 265.
- 52 Там же. С. 268.
- 53 Там же. С. 265.

Глава IV. СЕМЬЯ И СЕМЕЙНЫЙ БЫТ

Формы семьи и внутрисемейные отношения

В исследуемое время основной формой семьи у кайтагов была малая семья «кулпет». Согласно Посемейным спискам 1886 г. на одно хозяйство по Дагестану приходилось в среднем 4,7 человек, в том числе в Кайтаго-Табасаранском округе 4,9 чел.¹ в Кара-Кайтагском наибстве также 4,9 чел.²

Интересны свидетельства документов по отдельным селениям и магалам, свидетельствующие о составе семьи в исследуемое время. Так, в магале Маджалис-Катта на одно хозяйство в сел. Маджалис приходилось 4,3 чел., в сел. Санчи — 5,2 чел., в сел. Ахмедкент — 4,9 чел. В целом по магалу на одно хозяйство приходилось 4,8 чел., в магале Шурканти — 5,2 чел., в магале Кара-Кайтаг — 4,6 чел., в магале Ирчамуль — 4,8 чел., а в магале Каттаган — 4,6 человек.³ В обществе Ицари на одно хозяйство приходилось 5,9 чел., а в селении Сана-Кари — 4,9 чел.⁴ По официальным данным на одну семью во всем Кайтаге приходилось в 1886 г. в среднем по 6,4 человека. По этим же данным, в 60 кайтагских аулах семьи до 6 человек составляли 63%, до 8 человек — 19,5%, до 10 человек — 9%, до 15 человек — 7,5%, а до 20 человек — 1%, а семьи свыше 20 человек вообще были редким исключением.⁵

Заолуживают внимания данные о составе семьи по отдельным селам. Для этого обратимся к данным посемейных списков 1886 г. По этим данным в сел. Ахмедкент (магал Маджалис — Катта) семьи, состоящие из 1 чел. составляли 1%, из двух — 13%, из трех — 16%, из четырех — 13%, из пяти — 18%, из 6 чел. — 12%, из семи — 14%, из 8 чел. — 6%, из 9 — 1,5%, из 11 чел. всего — 5,5%.⁶

В сел. Кирки (магал — Ирчамуль) семьи из 1 чел. составляли — 3% семей, из двух — 4,6%, из трех — 15%, из четырех — 12%, из пяти — 27%, из шести — 14%, из семи — 15%, из восьми —

6%, из девяти — 2,4% и всего 1% семей состояли из 12 человек.⁷

В сел. Джирабачи (магал — Шурканти) семьи из одного человека составляли 1%, из двух — 6,5%, из трех — 9%, из четырех — 20%, из пяти — 23%, из шести — 20%, из семи — 5,5%, из восьми — 6%, из девяти — 6%, из 10 — 2% и из 12 чел. всего 1% семей.⁸

В сел. Баршамай (магал Кара-Кайтаг) семьи до одного чел. составляли 3%, до двух человек — 12,5%, до трех — 10%, до четырех — 19%, до пяти — 20%, до шести — 13%, до семи — 6,5%, до восьми — 3%, до девяти — 1,5%, до десяти — 6%, до двенадцати — 3,5% и до тринадцати — 2% семей.⁹

В сел. Кулиджа (магал Каттаган) семьи из одного человека составляли 5,4%, из двух — 3,6%, из трех — 20%, из четырех — 18%, из пяти — 20%, из шести — 14%, из семи — 7,2%, из восьми — 1,8%, из девяти — 7,2% и из 10 чел. 3,8% семей.¹⁰

Здесь нам еще следует отметить, что в исследуемое время нет селений, в которых жили бы только семьи, родственные друг другу. Но много селений, в состав которых входит несколько тукумов. (Об этом мы говорили в соответствующей главе). Говорили также, что для того, чтобы очертить больший или меньший круг лиц, считавшихся в родстве, точнее в патронимических связях, служили термины жинс, тайпа и т. д. Такие связи поддерживались соседством, преданием о предках, хозяйственной взаимопомощью. В некоторой степени условный характер приобретали родственные связи, возникшие путем перекрестных браков.

Наряду с малыми семьями пережиточно сохранялись и неразделенные (большие) семьи «хола кулпет». Так, в селении Караган (магал Кара-Кайтаг) информаторы помнили неразделенную семью Али-Кадии. Эта семья состояла из 21 члена. Это были глава семьи сам Али-Кадии, его жена Захрабике, сыновья с их женами, внуки. Семья эта распалась в период первой мировой войны.¹¹

Информаторы из селений Бажлук, Кирки (магал Урчамуль), Джирабачи (магал Шурканти) и др. рассказывали, что в их селах было много неразделенных семей. В частности, информатор из сел. Бажлук Ахмедова Разият рассказывает, что семьи жили вместе до троюродных братьев. В доме ее деда жило пять поколений. Она считает, что причина совместного проживания такой большой семьи заключалась в том, что вновь образованные семьи не могли построить себе дом и обзавестись хозяйством из-за бедности.

Информатор из сел. Джирабачи Гапизов Шапи также рассказывал, что в доме его деда жили тоже пять поколений. Кроме того, Шапи Муртузалиевич помнит своих предков до 11 поколения. Отец его Муртузалиев Гапиз Шихалиевич умер в 1979 г. (род. в 1887 г.). Гапиз Шихалиевич помнил своего восьмого предка. Его отца звали Муртузали, деда Шейхали, прадеда — Омар, далее —

Къазихан, опять — Омар, опять — Шихали, опять Омар, затем Мардак, Хулакъазихан, опять Мардак, Шапи, а сын Шапи уже 12-е поколение.

Неравномерное экономическое развитие отдельных частей Кайтага сказывалось на степени сохранности больших неразделенных семей в разных частях Кайтага по-разному. Не имея возможности сравнить между собой все магалы и отдельные части Кайтага для иллюстрации соотношений больших и малых семей в отдельных селениях, мы ограничимся приведением свидетельств на этот счет других исследователей семьи. Так, по материалам С. Ш. Гаджиевой, большая семья начала раньше дробиться в горных малоземельных районах и гораздо позже на плоскости.¹²

По нашим полевым материалам также видно, что в магалах Кара-Кайтаг и Маджалис-Катта гораздо выше процент больших семей, чем в магалах Шурконт, Ирчамуль, Каттаган. Правда, это лишь сведения информаторов.

В качестве пережиточной формы неразделенные семьи сохранялись и в Верхнем Кайтаге. По сообщениям информаторов, и в Верхнем Кайтаге нередки были случаи, когда семья состояла из отца, матери, двух-трех малолетних детей и 2—3 женатых сыновей.

Причины выхода кайтагских семей из родственных объединений были различными, но они не представляли собой что-либо специфическое, свойственное одним только кайтагам. Подобное же явление прослеживается и у других народов Дагестана, причем коренилось оно в условиях тогдашнего земледелия.

С. Ш. Гаджиева считает, что малоземелье, террасная система земледелия ограничивали возможности создания в горной части крупной собственности на пахотные земли, в том числе и собственности большой семьи, «равно как и общинного землепользования с периодическими переделами. Те же причины предопределили ограниченность применения орудий труда и численный состав работников».

В более поздний период одной из причин, способствовавших распаду пережиточно сохранявшихся неразделенных семей, являлось развитие отходничества и интенсивность процесса переселения части населения на равнину.¹³

Все информаторы утверждают, что распад большой семьи часто происходил из-за снох (из-за разногласий между снохами). Их отношения действительно могли содействовать распаду семьи. Как мы могли убедиться, причины выхода семей из большой семьи были разные. В любом случае, как также утверждают информаторы, выдел женатых сыновей осуждался обществом, но особенно, если этот выдел происходил вскоре после свадьбы.

Еще следует заметить, что большая семья все же распадается тогда, когда появляется хоть какая-то возможность хозяйствовать

самостоятельно у вновь созданных семей, которые соединены в большесемейный коллектив в исследуемое время скорее совместным экономическим интересом, чем неукоснительным обычаем и принудительной патриархальной властью. Вполне возможно, что многие крестьянские хозяйства, по мере численного роста населения на быстро скудеющих землях, чтобы избежать неудобств с недостатком земли, а иногда и дальнотемелья, покидали свои селения и выселялись на новое место. Выселялись на новое место обычно те семьи, которые заводили хозяйство заново после выдела из отцовского двора. В этом отношении примечательны показания списков населенных мест Дагестанской области.¹⁴

Процесс семейно-хозяйственных разделов, очень часто сопровождавшийся выходом со старых селений на сторону, видимо, в более ранний период был характерен и для кайтагов. Мы обратили особое внимание на то, что кайтагские села (конец XIX в.) очень малы, и по большей части состоят из нескольких дворов, а весьма редко бывает, чтобы в одном селе было 100—150 дворов (с. Маджалис — 165 хозяйств, Ицари — 51, Абдашка — 50, Жирабачи — 50, Санчи — 123, Лища — 40, Адагай — 45, Варсит — 40, Киркия — 49, Бажлук — 53, Хунгия — 30, Газия — 39, Гулды — 35, Турага — 34, Тама — 64, Пилякты — 40. В основном в кайтагских селениях живут от 3 до 10—20 хозяйств. Так, например, в сел. Мирсия — 8 дворов, Урша — 8, Сургия — 13, Шурагат — 5, Сурхавкент — 4, Жигия — 15, Хадаги — 10, Кулегу — 10, Сулипан — 3, Галинта — 7 хозяйств и т. д.¹⁵ Кроме того, эти мелкие села часто стоят рядом (недалеко друг от друга). Во многих случаях это могли быть тухумные патриархальные гнезда селений.

При переходе на новые места могли образовываться поселения разного типа — родственные, изначально соседские и смешанные. Такое явление хорошо известно по этнографическим данным, но достаточно убедительных письменных материалов ранней поры по кайтагам, к сожалению, нам обнаружить не удалось.

Приблизительно такую же картину мы наблюдаем и у табасаранцев.¹⁶ Живя бок о бок кайтаги и табасаранцы придерживались сходных порядков в образовании новых сел. В то же время, наши полевые материалы свидетельствуют, что живя отдельно, новопоселенцы сохраняли общие с отцовским селом различные угодья — сенокосы, лес и т. д.

В тех селах, где было обилие свободной земли, население принимала в свое село и крестьян из других обществ, желавших совместно с ними жить. Поводы для такого переселения могли быть самые разные.

Вместе с тем, по сведениям информаторов, кайтагам было характерно и длительное сохранение больших (неразделенных) семей нередко составлявших компактные группы нескольких се-

мей. Разумеется, как было сказано выше, их соотношение в разных частях Кайтага было неодинаковым.

При выделе из отцовской семьи новый двор заводил собственное хозяйство не самостоятельно, а с помощью родителей, старших братьев, а при необходимости и других родственников. Ему выделялась пашня для единоличного хозяйствования, а прочими угодьями он продолжал пользоваться совместно со всем джамаатом, а не родственниками. Когда возникала проблема выдела из отцовской семьи, собиралась вся близкая родня. Если уход женатого сына совершался по взаимному согласию в семье, то отец выделял сыну часть запасов продовольствия, скота, сельскохозяйственного инвентаря и т. д. Он объявлял об этом в присутствии всех родственников.

Рассказывают, что по преданиям «прежде отделившиеся семьи строили свои дома рядом с отцовским, а следующие поколения располагались вокруг своих родоначальников, без всякого порядка, лишь бы им быть около своих. Постепенно этот порядок исчезает», — говорили информаторы.

Тем не менее, даже в том случае, когда они располагаются далеко от отцовского или дедовского дома, для всех этих семей было свойственно родственное самосознание и тяготение. Оно выражалось в различной форме, вплоть до эпизодически практикуемой хозяйственной взаимопомощи.

Случалось и так, что, делясь на мелкие единицы, прежняя большая семья нередко продолжала жить на одном месте, на одном дворе, на котором теперь стояло несколько самостоятельных дворов или выходов, составляя родственную группу. Острый недостаток земли в Верхнем Кайтаге иногда заставлял семью строить молодоженам жилище над домом (с. Ицари). У этих семей также было сознание единства происхождения, а отсюда и близкая, прочная связь нескольких разветвившихся поколений. Правда, постепенно непосредственные родственные союзы становились все более слабыми и призрачными.

Следует отметить, что в большой семье сохранявшейся еще на памяти наших информаторов-старожилов, существуют совершенно определенные сведения. Так, например, информаторы рассказывают, что в больших неразделенных семьях часто жили 3—4 поколения. Каждая семья имела одну отдельную комнату, которая являлась спальней комнатой супругов. Самую большую комнату в доме занимали старики (дед и бабушка, прадед и т. д.). В то же время эта комната находилась в пользовании всей большой семьи. Здесь все члены большой семьи готовили еду и она же являлась столовой. Питалась такая неразделенная семья из одного общего котла. Всеми мужскими работами в семье руководил старший из мужчин хулаатда, а женскими — хулааба, а иногда аттала-атда

(дед) или аттала аба (мать отца). Даже тогда, когда семьи жили раздельно, отношения между членами большой семьи оставались довольно тесными и уважительными.

Представители одной большой семьи именовали друг друга братьями «утцы», двоюродными братьями — «утцыкьар», троюродными братьями — «кьаритар», невестку (жену сына) называли «уршила хьулум», дядю — ацци (так называли и любого мужчину старше себя), к старшей себе женщине уважительно обращались «гьяжи». Молодые люди к людям среднего поколения обращались: Разият рицци (сестра Разият), Гебек утцы и т. д. Засватанную невесту называли гелешмиш или рикнавба (о парне — вькнавба). Свекровь называли абаба, а свекра — холаатда, дедушку по отцу зывали аттатта.

Одной из особенностей кайтагской большой семьи, все информаторы отмечают, высокое положение в семье стариков, их почитание всеми членами семьи. Без их совета, а по возможности непосредственного участия не играли свадьбу, не строили дом, не начинали уборку урожая. В их присутствии не садились, даже получив на то разрешение, не раздевались и не одевались, не курили, не пили, не причесывались, не сидели с ними вместе в присутствии посторонних; им первым подавали мыть руки перед едой, их первых обслуживали за едой, они начинали трапезу и завершали ее. Младшие женщины готовили старшим постель, приносили воду для мытья ног, а немощным старикам и старушкам помогали мыть ноги и укладывали в постель. Старики постоянно ощущали, что они нужны своим детям, близким, что близкие нуждаются в их совете. В целом, роль старших в родственном, да и в соседско-общинном быту была велика. Особенно высок был авторитет старшей женщины, матери как в кругу семьи, так и за ее пределами. Обычай не позволяли мужчинам оскорблять женщин, ударить ее, произносить при них бранные слова, угрозы и вообще вести себя бестактно.

Считалось, что в присутствии посторонних (даже собственных детей) муж не должен был внешне демонстрировать свою любовь к жене.

По просьбе пожилых женщин нередко прекращалась драка между мужчинами.

В то же время и женщины обязаны были соблюдать определенные правила этикета по отношению к мужчинам и прежде всего по отношению к главе семьи. Особенно это касалось младших женщин — дочерей, невесток. Так, например, невестка в семье должна была почитать мужа, его отца, мать, других родственников. Этого требовал патриархальный этикет. Молодая женщина не садилась за общий «стол» при посторонних. При отце, матери, свек-

ре и свекрови, а также при старших она не брала на руки своего ребенка, не кормила его.

Нельзя не указать и на такой факт, что за пределами семьи молодая невестка, в смысле оказания ей знаков внимания, имела преимущество перед молодыми сестрами мужа.

Поведение молодой женщины как в доме, так и вне дома было сдержанным. В доме в присутствии свекра она не должна была первая начинать разговор (за исключением приветствия).

У кайтагов существуют специальные приветствия для мужчин, женщин. Обмен традиционными приветствиями был обязателен как между членами семьи, так и между соседями, односельчанами и даже совершенно незнакомыми людьми. На улице молодые девушки и невестки обходили стороной мужчин, особенно старших.

Все члены бывшей большой семьи, даже после ее распада, были связаны обязанностью взаимопомощи, оказывавшейся при постройке дома, обработке поля, проведении свадеб и других семейных торжеств и т. п. Они обязательно брали на себя заботу о сиротах и вдовах, оставшихся после смерти одного из братьев, других родственников, помогали одиноким и нетрудоспособным членам тухума. Они были непременными участниками свадеб и похорон своих близких и дальних родственников.

Иногда эти семьи и после распада могли сообща владеть пахотной землей и даже совместно ее обрабатывать. Правда, случалось и такое, когда с этой целью объединялись и соседские хозяйства. Взаимопомощь и взаимоответственность в первую очередь связывали эти семьи. Это касалось и обычая гостеприимства и куначества. При приеме гостя все члены семьи с максимальной тщательностью соблюдали все предусмотренные этим обычаем нормы. Если даже гость прибыл к одному из малых семей, он в первую очередь совершал визит к старшему в доме. Если гость пожилой человек, то старику помогали сойти с лошади, а когда он уезжал, помогали ему сесть на лошадь, держали стремя, сопровождали его в поездке, если он намерен был ехать не домой к себе, а какое-нибудь другое село по делу или просто в гости к другому кунаку в этом же селении.

Существовали определенные правила поведения, которые должны были соблюдать хозяин по отношению к гостю. Так, например, когда хозяин или гость шли или ехали, хозяин должен был находиться непременно слева от гостя, а обходить гостя он мог только сзади.

О гостеприимстве в Кайтаге П. Петухов писал следующее: «Лошадь его торопливо принимается кем-нибудь из молодежи, хозяин же снимает с гостя ружье, ведет его в комнату и угощает чем может».¹⁷

Продолжим далее. Другой всадник, повстречавший едущего на

лошади старика, спешивался и спрашивал, не может ли он чем-нибудь помочь.

Куначкой у кайтагов, так же как и у ряда других народов Дагестана, не было. Разумеется, речь не идет о представителях феодальной знати. Но в комнате стариков всегда была куначья полозина, где хозяин угощал гостя лучшими кушаньями и укладывал в лучшую постель. И в данном случае о госте заботилась вся семья.

В то же время следует отметить, что институты гостеприимства и куначества использовались феодальной верхушкой Кайтага в своих целях. При выезде уцмий, беков и их нукеров не только в подвластные селения, но и в узденский Кайтаг, население должно было устраивать для них богатое угощение. Случалось, что феодалы и их нукеры гостили в каждом селении по нескольку дней, а это было слишком обременительно для крестьянских хозяйств. Для некоторых зависимых сел гостеприимство по отношению к феодалам становилась формой повинности. Так, например, в «Адатах об отношении терекемейских райт к своим бекам» (1867 г.) написано: «Бек одного из райтов выбирает себе в кунаки, пристаёт у него, когда приезжает в деревню, имеет стол на его же счет; но за то дает ему землю и воду больше противу его односельцев без жребия и подати с него не взыскивает, а нукеры, мало ли их или много, пристают у других райт в деревне. Райты сии по очереди должны кормить их лошадей и их на все время нахождения их в деревне. Когда к беку придут гости из Кайтага, Гапши, Ганка, Сюрия, Акуши, Дарга или из шамхальства по службе или для приятного препровождения времени, на все время их пребывания райты довольствуют их и их людей по очереди, если пришельцы были из узденей. Когда приезжает в гости к беку один из беков, тогда бек останавливает его у райта, который кормит его и его лошадь на все время его пребывания».¹⁸

Тем не менее, институты гостеприимства и куначества играли определенную положительную роль в жизни крестьян. «Они принадлежали к числу каналов, через которые развивались экономические, культурные и брачные связи, взаимообогащались культура и быт народов Дагестана и всего Кавказа. В частности, куначество было одним из каналов связей народов Дагестана с народами Северного Кавказа и Закавказья...»¹⁹ Что касается семьи, то для нее и для всех членов семьи институт гостеприимства и куначества имел и определенное воспитательное значение.

Возвращаясь к формам семьи надо еще сказать, что длительное сохранение неразделенной семьи как кровнородственной кооперации рабочих рук и имущества у кайтагов (особенно у нижних) объясняется и особенностями их натурального хозяйства с господством ручного физического труда, при котором во многих

конкретных случаях было выгоднее жить большой семьей, нежели дробить на крохотные частички и без того маломощный, как правило, производственно-хозяйственный потенциал крестьянского двора.

Информаторы рассказывают, что у них были и такие типы большой семьи, которые образовались не путем разрастания семейства от одного отца, а в результате разделения уже существующей большой семьи на самостоятельные части, при этом в состав новых больших семей входили лица различных степеней родства (дяди, племянники, двоюродные братья и т. д.), а внутрисемейные отношения отличались демократичностью, общим согласием и уважительным отношением младших по возрасту к более старшим членам семейного коллектива.

Не следует, однако, думать, что среди больших семей упомянутых сел первой трети XIX в. по типу преобладали семьи, образовавшиеся путем выдела из разросшейся большой семьи. Главное место среди больших семей в этот период и позднее принадлежало семье второго типа, которая, во-первых, состояла из отца и его женатых сыновей, т. е. представляла собой одну ветвь близких родственников, и, во-вторых, образовалась, как правило, не путем сегментации прежней большой семьи, а разрасталась обычным путем из малой семьи.

Таким образом, в состав кайтагской большой семьи входило обычно 3—4 поколения близких родственников по мужской линии с женами и детьми. Численный состав таких семей в XIX в. колебался в среднем от 20 до 12 чел.

Однако наряду с пережиточно сохранившейся большой семьей и вопреки ей на данной исторической стадии существует семья малая. Таких семей большинство. Кроме того, эта малая семья не обязательно должна была разрастаться в устойчивую большую семью, ибо от нее периодически отпадали мелкие ячейки при отделении женатых сыновей.

Преобладавшие у кайтагов малые семьи, как правило, состояли из родителей и детей. Но нередко встречались трехпоколенные семьи, когда с родителями жил не отделившийся взрослый сын с детьми, своими братьями и сестрами. Так, например, около 3% семей в сел. Баршамай, 7% — семей в сел. Кирки и около 13% семей в сел. Кулиджа составляли именно такие семьи.²⁰

Иногда в состав семьи входили и близкие ее главы: племянник, дядя и т. д. Так, например, в селении Абдашка в 3% семей в состав семьи входили племянники. В этом же селе нами зафиксирован один случай, когда в семье живет еще дядя. В селении Адага, например, также в 3% семей жили племянники (в одном случае — близкий родственник). В селении Кирки семьи, где проживали

племянники, составляли 7%, в селении Баршамай — 3% (в одной семье и здесь жил дядя).

В исследуемое время было и немало братских семей, которые образовались после смерти отца. Женатый брат после смерти отца редко покидал семью (если в семье были дети младше него) и продолжал жить со своими младшими братьями и сестрами. Так, например, в сел. Абдашка 20% семей были братскими; в селении Адага — 16%, в селении Кирки — 9%, в селении Кулиджа — 12,5%, в селении Баршамай подобные семьи составляли 15%, а в селении Джирабачи — 13,5%.²¹

Приблизительно такое же положение наблюдается и в других обследованных нами селениях (с. Джавгат, Варсит, Шурагат, Пилякчи, Дица, Гумльди, Сюраги, Джинаби, Кирчик, Карацан, Каргалай, Хадаги, Кулегу, Джибахни, Машатды, Рука, Тама, Турага, Санчи, Газия, Хунгия, Бажлук и др.)²².

Живя раздельно малые семьи иногда сохраняли хозяйственное единство, которое заключалось в совместном владении и пользовании своими угодьями (сенокосы, пахотные земли и т. д.), инвентарем, мельницей и т. д. Члены малых семей в решении вопросов защиты чести, имущества и прав опирались прежде всего на круг ближайших родственников (братьев, сестер, родителей). Бывшие члены неразделенной семьи во всех общественных вопросах также проявляли большую сплоченность. И в данном случае, обиду, оскорбление любого члена малой семьи каждый член ее воспринимает как собственную обиду.

Отделившись от семьи малые семьи не теряли связь с отцовским домом. Эти родственные связи служили основанием для сохранения взаимной обязанности помощи при необходимости, защиты и мщения за обиды. Это особенно проявлялось в практике кровной мести, при смерти любого члена семьи, тухума, заключении брака, строительстве дома и т. д.

В решении же повседневных вопросов, а также в вопросах, касающихся внутрисемейных отношений в малых семьях, последнее слово оставалось за главой малой семьи, а не за главой тухума. Тем не менее, внутрисемейные отношения здесь отличались демократичностью, общим согласием и в большинстве случаев уважительным отношением супругов друг к другу, младших по возрасту к более старшим членам семьи.

Как в большой (неразделенной), так и в малой семье большое значение придавалось воспитанию детей. В семье детей учили не только физическому труду — к выполнению тех или иных домашних работ. Именно в семье дети получали необходимые знания, навыки. Их знакомили с внутрисемейными и народными этикетными нормами — уважение старших, почитание родителей, скромность, честность, благожелательность, учтивость, гостеприимство,

культура общения (атрибуты приветствия, прощания, благопожелания и т. д.).

На этом мы исчерпали материал, который удалось добыть к настоящему времени по данной проблеме. Может быть, дальнейшие архивные и полевые исследования добавят к этому существенные фактологические подробности. Но и сейчас мы не сомневаемся в том, что процесс распада больших семей начался задолго до исследуемого периода. В XIX — начале XX вв. основной формой семьи у кайтагов была малая семья. Наряду с ней продолжала бытовать и неразделенная семья.

Обряды и обычаи, сопровождающие рождение ребенка

Кайтаги всегда радовались рождению ребенка независимо от его пола. Существовали особые обычаи и обряды, призванные благотворно влиять на плодovitость женщины, на охрану роженицы и благополучный исход родов, на сохранение жизни ребенка.

Еще во время кройки одежды невесты, после кройки одна из родственниц приводила мальчика 2—3 лет и сажала его на вещи (платья) с пожеланием невесте иметь трех сыновей и двух девочек («абал урши, чивел рирси Аллагъли къисмат, я Аллагъ»). В первую брачную ночь на постели молодых женщины катали мальчика 2—3 лет и также желали молодым трех сыновей и двух дочек. И в том, и в этом случаях мальчик, который присутствовал при этих обрядах, символизировал желание молодых и их близких иметь не только ребенка, но первенца — сына. При осыпании невестки зерном также произносили пожелания иметь трех мальчиков и двух девочек. Когда вводили невесту в дом, обязательным пожеланием встречающих молодой были счастья в этом доме и, чтобы невеста родила трех мальчиков и двух девочек. Когда совершался обряд открывания лица невесты, обычно молодой желали долгой и счастливой жизни, высказывали пожелания о том, чтобы она родила трех сыновей и двух дочерей. По обычаю, сначала читали молитву, затем произносили пожелания. Нет сомнения, что ржачные в свадебном обряде генетически связаны с идеей плодородия.²³ Интересно отметить, что в благопожеланиях большинства дагестанцев «чаще всего говорилось о 7 сыновьях и одной дочери».²⁴ Табасаранцы, например, желали невесте 7 или 9 сыновей и одну дочь.²⁵

Существовали обычаи и обряды, направленные против бесплодия. Часто для избавления от бесплодия обращались к знахаркам, которые лечили с помощью массажа. Некоторые «врачи» ставили на живот женщины глиняный горшок с целью выправить матку. В селении Пилякъи (Ирчамуль) прибегали к следующему обряду. Бесплодную женщину укладывали на спину на пол, а к подош-

вам ног плотно прикладывали доску. Другой человек должен был бить молотком по доске. После нескольких ударов женщине полагалось лежать в таком положении минут 30. Эту процедуру рекомендовали проводить в течение одного месяца.

Некоторые знахарки с этой же целью использовали тампоны из подогретого курдюка. После этой процедуры супругам рекомендовали уединиться. Существовал обряд, согласно которому бесплодная женщина должна была поймать лягушку (в луже), зажать ее в кулаке и затем отпустить.

По рекомендации пожилых родственников (изредка по собственной инициативе) бесплодная женщина посещала целебные источники, девятенные места, где исполнялись необходимые обряды и словесные формулы (благие пожелания, читаемые в начале и в конце обряда). Для избавления от бесплодия иногда совершали и жертвоприношения. Заклинания с жертвоприношениями проводили обычно в дни религиозных праздников. Часто бесплодную женщину трижды заставляли пройти под приподнятыми носилками с покойником.

Женщина старалась скрыть свою беременность от окружающих, особенно от старших. В последние дни беременности она старалась не навещать своих родителей. Тем не менее о том, что невестка беременна, первой догадывалась свекровь. Она об этом сообщала своему мужу и ее родителям.

К рождению первого ребенка обычно готовилась мать роженицы. Сама же роженица никаких вещей из одежды, пеленок для будущего ребенка не готовила. Для второго и последующих детей роженица уже сама припасала пеленки, ножницы и т. п. Члены семьи старались помочь беременной (особенно во второй период), чем могли.

Еще до рождения ребенка женщина должна была соблюдать ряд запретов, чтобы роды были благополучными, ребенок был здоровым. Так, с этой целью беременной женщине запрещалось выходить со двора после наступления темноты (чтобы джины не встретились и не навредили), убивать змей (чтобы ребенок не родился немым), вязать (чтобы кишки не обмотались вокруг шеи), нельзя белить, нельзя перепрыгивать через кошку (ребенок будет волосатый), ходить на кладбище, на соболезнованне — в данном случае говорили: «охралла цан диркар» (мать и ребенок могут заболеть сороковик). Если же беременная женщина соприкасалась с людьми, бывшими на похоронах или же сама оказалась там, предпринимались все меры, чтобы избавиться от «охралла цан». Для этого роженице полагалось носить при себе кусочек от савана («капан») умершего. Полагалось также избегать встреч с людьми в трауре, угоститься на поминках, или же брать «садакъа» (милостыня, которую раздавали по случаю, или в память

умершего). Ей не разрешалось смотреть как режут скот (ребенок будет хриплым). Как видно, приведенные нами выше поверья и приметы основаны на принципах имитативной магии — «подобное происходит от подобного».²⁶

Будущая мать должна была соблюдать некоторые пищевые запреты: не есть спелые фрукты (родится двойня), не есть конину (роды могут затянуться). В то же время все желания беременной относительно пищи должны были исполняться. В противном случае на теле ребенка будут родимые пятна. Поэтому, если беременная женщина входила в чей-нибудь дом и видела перевернутую дном тарелку, хозяева должны были перевернуть ее, чтобы она увидела содержимое тарелки. Если в тарелке было что-нибудь съестное, хозяевам положено было угостить ее.

Во избежание гибели ребенка и матери рекомендовалось, чтобы беременная в сумерках во дворе или за пределами дома при себе имела кусочек хлеба (во всех селениях), сыр (с. Пилякчи), что-нибудь съедобное (с. Бажлук). С этой же целью посыпали на голову муку (во всех селениях).

Считалось плохой приметой, если животное (любое) перейдет дорогу беременной (ребенок может родиться немым). Чистая вода является одним из наиболее распространенных оберегов от враждебных сил, «дурного глаза». Проходя мимо родника беременная трижды пила воду из пригоршни, мыла лицо и читала молитву.

Если во время беременности через плод пошли месячные («намаз перешло»), говорили, что женщину «сглазили». Чтобы избавиться ее от сглаза, в горячую золу зарывали сырое яйцо. Если яйцо лопалось, говорили, что «сглаз» прошел.

Если роженица хотела, чтобы у нее родился сын, у изголовья вешала шапку мужа, а под подушку клала кинжал.

Существовали различные признаки определения пола будущего ребенка: если у женщины выпуклая форма живота, а бока пустые, походка легкая, лицо чистое, означало, что будет мальчик, если же живот сильно опущен, таз широк и женщина испытывает большую слабость, передвигается с трудом, а на лице пигментация, родится девочка. Еще считали, что если родовой период затягивается, должен родиться мальчик. Если беременную все время тянуло ко сну то, считали, что родится девочка. Для определения пола ребенка было распространено гадание по бараньей лопатке «КатИалиКІа». Баранью лопатку нагревали до тех пор, пока она треснет. Далее смотрели, если трещина вертикальная, родится мальчик, горизонтальная — девочка. Обычно гадание проводила другая женщина по своей инициативе, изредка по просьбе беременной. За приятную весть «цаку» она получала подарок от беременной женщины или ее свекрови, матери.

Рожала женщина обычно в доме мужа. Во время родов все мужчины, в том числе муж роженицы покидали дом и возвращались после родов.

Роды обычно принимала повивальная бабка, которую в разных обществах называли по-разному: «ганал-гурити», «уьелла хулум», «сабавла хулум». Обычно это бывала старая женщина. В некоторых селениях (с. Пилякчи) свекровь при родах не присутствовала. Женщина разрешалась от бремени на матраце, набитом соломой. Возможно соломе приписывались определенные магические свойства. Известно широкое бытование веры в магические свойства соломы, сена и у других народов²⁷.

При родах соблюдались некоторые предохранительные меры. Так, среди заходивших к роженице не должны были быть женщины с месячными; не впускали к роженице беременную женщину, опасаясь, что роды затянутся; старались не допускать к роженице много людей (чем меньше людей знает о родах, тем легче должны были они пройти); перед родами под подушку роженицы клали нож или ножницы, кинжал, считая, что эти предметы отпугнут нечистую силу; все заходившие к роженице во время схваток, если они уходили не дождавшись родов, должны были оставить у роженицы какое-нибудь украшение (кольцо, браслет и т. п.), чтобы не унести с собой начавшиеся схватки; роженица должна была иметь при себе оберег. В качестве оберега служили металлические предметы (гвоздь, ключ, бусина и т. п.) залитые воском. Такие подвески необычной формы роженицы носили либо в качестве центральной бусины в ожерелье, либо их носили отдельно. Подвески меньших размеров делались и для ребенка. Предпринимались меры, чтобы роженицу не навестила бесплодная женщина (ребенок может родиться мертвым).

Как только начинались первые схватки, роженица не должна была шить, вязать (ребенок может запутаться в кишках матери).

При тяжелых и затяжных родах совершались гораздо сложные обряды. Среди них были такие: роженицу заставляли дуть в овечий бурдюк; был известен кайтагам прием раскачивания роженицы на паласе; над головой роженицы трижды по кругу проносили блюдо с мукой, которое затем отдавали бедным. Во время обнесения блюда с мукой повивальная бабка гладила ее спину. Весь обряд сопровождался чтением молитвы.

При затянувшихся родах приглашали человека, освободившего лягушку от змеи. Он (она) умывал свои руки в воде и эту воду пила роженица. По закону контакта, подобное действие должно было способствовать положительному исходу родов. С этой же целью споласкивали рога тура «бурткел» и эту воду давали пить роженице. Ишаринцы «к потолочным балкам подвязывали веревку, концы которой были связаны петлей. Сидя на полу, роженица

должна была ухватиться руками за петли, тужась, подтягиваться и опускаться. По народным представлениям, такое физическое упражнение должно было ускорить роды». ²⁹ Подобный обычай был у пиялкынцев, бажлукцев, карацанцев и др. Кроме того, в селении Ицари при трудных родах «принято было кидать в огонь крупную соль. Считали, что искры горячей соли попадут прямо в глаза матери чертей («илбис», и она тут же покинет помещение.» ²⁹ В этом же селении «лицо роженицы мазали чесноком, полагая, что запах отгонит чертей». ³⁰ С этой же целью расплетали роженице косы, расстегивали все пуговицы и пояса на ее одежде и одежде присутствующих женщин, развязывали все узлы в доме, отпирали замки и крышки сундуков, приглашали женщину, которая сама легко рожала. Присутствующим запрещалось сидеть со скрещенными руками и ногами и т. п. В сосуд с водой опускали молитву, написанную муллою на бумажке и давали роженице выпить эту воду. Считалось, что все эти действия должны облегчить роды. В плане аналогий большой интерес представляют подобные обычаи и обряды табасаранцев, ботлихцев. ³¹ Существовал обряд, по которому женщина с двумя сросшимися пальцами должна была сполоснуть их водой и эту воду давали роженице; заставляли мужа помыть руки и эту воду давали пить будущей матери; принято было, чтобы муж гладил жене спину; мужчину, который когда-то совершил убийство заставляли сполоснуть руки и эту воду давали пить роженице. (В данном случае, предполагалось, что по закону подобия, убийца может представлять угрозу и для злых духов). (См.: Гаджиева С. Ш. Семья. С. 275). В некоторых селениях такой мужчина производил выстрел. Считалось, что от страха женщина должна быстро родить и т. п.

Перерезав пуповину, повивальная бабка смазывала ранку маслом и перевязывала специально приготовленной чистой тряпкой, но не нитками. Отрезанный пупок, завернув в чистую тряпочку, в одних селениях (с. Шиланша) вмазывали в стенку, в других (в большинстве) ее также заворачивали в тряпку и привязывали к люльке (чтобы ребенок спал крепко, чтобы к ребенку не подходили злые духи), в третьих — пуповину клали в щель каменной стены. Считалось плохим предзнаменованием, если отрезанный пупок терялся (судьба ребенка будет сложной).

Сразу после рождения новорожденного купали в теплой воде. Здесь интересно отметить одну деталь. Почти у всех народов воду, в которой искупали ребенка, выливали в чистом, укромном месте ³², а кайтаги, наоборот, выливали на улицу, где ходят люди. Они считали, что в малодоступном человеку месте шайтанов и джинов гораздо больше чем там, где постоянно ходят люди. Если ребенка купали ночью, старались воду оставить до утра. Не выливали ночью и воду после стирки пеленок. Но если обстоятельства вынужда-

ли делать это, в таз с водой предварительно бросали горящие угольки. Не оставляли на ночь пеленки на веревке. В другом случае после захода солнца, в сумерках не только нельзя было оставлять во дворе пеленки, одежду ребенка, нельзя было выносить на улицу и самого ребенка (ребенок пугается, злой дух в темноте может повредить ребенку — сс. Карацан, Шиланша).

Купание ребенка сопровождалось словесными формулами, чтением молитвы, пожеланиями долгой жизни (вначале читали молитву, затем «атта убали гыкыжил вигъав, гЯмрулла ухъенил вигъав» — «отец и мать, чтобы вырастили, жизнь была длинной»).

Обмыв ребенка, его закутывали в старую отцовскую рубашку (мальчика), материнский «ашмаг» (девочку). Первый раз распеленали ребенка лишь через сутки. Следующий раз его купали уже через 3—4 дня.

По обычаю, все присутствующие при родах женщины считались нечистыми, поэтому они не могли прикасаться к очагу, месить тесто и т. д. до совершения обряда омовения.

Считалось плохим предзнаменованием, если рождение ребенка совпадало со смертью сельчанина или родственника. В данном случае говорили «сорок дней сходятся» и поэтому «охцалла цан диркар» (букв. случится сорок). В данном случае брали лоскуток от савана умершего и привязывали его к люльке новорожденного. Через сорок дней лоскуток выбрасывали. Или же брали обыкновенную нитку и завязывали на ней 40 узелков, чтобы «сороковик» остановить. В другом случае при «сороковике» ребенка протаскивали через отверстия на заборах и т. д., где пролезают собаки. Возможно, в прошлом, и у кайтагов существовал культ собаки. ³³

О рождении мальчика извещали выстрелом из ружья. При рождении девочки, четвора обходила дворы с платком, привязанным к большой палке. При этом они танцевали, пели, производили магические действия (рассеивали муку, зерна), бегали, играли. При рождении мальчика первая вестница получала подарок от близких родственников роженицы. Повивальной бабке родители молодых также преподносили подарки.

На следующий день после родов, иногда раньше проводили захоронение последа. Делали это с особой предосторожностью, чтобы недоброжелатели, собаки не завладели им. Захоронение последа проводилось обычно повивальной бабкой без посторонних лиц.

После родов, роженице давали калорийную пищу для восстановления сил, крови. В одних селах ей подавали крепкий бульон, в других, теплую воду с медом, в большинстве селах — мед, калву (если родился мальчик), готовили мучную кашу (с. Турага, Ка-

радан) с подливой (урбеч с медом и маслом); кашу из пшеничной крупы (с. Пилякьи).

Карацанцы, бажлукцы угощали кашей всех женщин, пришедших навестить и поздравить роженицу, ее близких.

Послеродовой период в течение 40 дней был также связан с системой запретов, направленных на сохранение роженицы и ребенка от влияния злых сил, от сглаза. В этот период после захода солнца, особенно с наступлением темноты, им нельзя было выходить на улицу. В течение первых трех суток и по четвергам женщину и ребенка нельзя было оставлять одних. Старались не пускать к ребенку посторонних в четверг вечером, боясь, что вместе с посетителями могут проникнуть и злые духи. К ребенку не разрешали приходить с похорон, с ружьем, убийце. В течение 40 дней роженица и сама не должна была ходить на похороны (случится «сороковик»), на кладбище. В течение сорока дней в комнате, где находились мать и ребенок ночью не тушили лампу (там, где свет, огонь, злые духи не подходят). Чтобы оградить ребенка от «дурного глаза», защитить от влияния злых сил под его подушку клали маленький Коран, потухшие угольки, прутик веника, зерна пшеницы, кинжал (если мальчик), щипцы, маленькие лепешки из муки (или же шарики из теста и т. п.).

После родов в течение недели (пока не заживет пуповина) роженице нельзя было шить («рану колит»), вязать. Ее мужу также не разрешалось в этот период производить работы, связанные с шитьем, рубкой и т. д., чтобы не навредить ребенку. Заходящие в дом, где родился ребенок, у изголовья клали подарок (с. Турага).

Через 40 дней можно было для ребенка шить рубашки, шапочку. До этого ребенок находился в пеленках. Платье не подшивали, боясь, что ребенок не будет расти (с. Турага). Платье шилось из старых кусков материи, бывших в употреблении. Из разноцветных лоскутков («чтобы чужой разговор не повлиял», чтобы не сглазили) шили ребенку шапку «квати» и телогрейку («майкка»), на которую пришивали множество серебряных монет на самых видных местах (спереди, сзади).

Через 5—6 дней после рождения ребенка укладывали в колыбель «шант». К этому дню, если это был первенец, мать роженицы приносила люльку со всеми необходимыми принадлежностями. Колыбель изготавливали из боярышника, ореха, дуба «мигтвала». Укладывать ребенка в колыбель поручалось матери, бабушке мужа, если их нет, другой многодетной, пожилой женщине. Около колыбели мальчика ставили кинжал. Кроме того, каждая приходящая на праздник женщина приносила подарок (по полметра отреза, платочек и т. д.). Перед укладыванием ребенка купали. К колыбели подвешивали серебряные монеты, бусинки, под подушку

клали железные предметы, зерно. Принято было считать, что все эти предметы играли роль оберега. В селении Пилякьи к люльке подвешивали бусы, сделанные из «камеди» (смола в виде янтаря) на сливовом дереве. Перед укладыванием в колыбель ребенка трижды обводили над люлькой и произносили специальную формулу.

Кайтаги не качали пустую колыбель. Говорили «ребенку голову качаешь» или «у ребенка голова разболится» («бекI ишчара кабиргу»). Нельзя было качать люльку на голом полу (ребенок может умереть). Не оставляли пустую люльку не прикрытой (шайтан ляжет в люльку). Нельзя было ребенка передавать другому человеку через перекладину люльки, чтобы жизнь у ребенка не была короткой. Полагалось обойти люльку обязательно со стороны ног.

К дню укладывания ребенка в колыбель, обе семьи (роженицы и ее мужа) готовились тщательно. Мать роженицы, кроме люльки и всех принадлежностей приносила поднос с хлебом, намазанным толстым слоем халвы. Родители жениха резали барана, готовили хинкал, если это был первенец, готовили и халву. Обязательным блюдом для такого торжества были чуду из внутренностей «дарк-ла бацбикИ». На торжестве могли принять участие и мужчины, если новорожденный — мальчик.

Полагали, что день, месяц рождения влияют на судьбу ребенка. Если ребенок рождался в дни религиозных праздников (Ораза байрам, Курбан байрам или в четверг, в пятницу), считалось хорошей приметой.

Для всех родственников считалось большим счастьем узнать о рождении мальчика. Первый вестник получал «цику» (подарок за радостную весть). При рождении сына устраивалось угощение, на которое приглашались родные и знакомые. Последние, обыкновенно приходили с подарками.

Большое значение кайтаги придавали наречению именем ребенка. С именем были связаны верования о будущей судьбе их счастливцев, поэтому близкие старались подобрать своим детям «счастливые» имена. Обычно имя давал старший мужчина по отцу. Если мальчик родился в месяц Рамазан или Курбан-байрам, соответственно и имена давали Рамазан, Курбан.

Дни рождения запоминали по каким-либо событиям дня, года (в тот день, когда женился тот-то; когда пошел град и т. д.). Если ребенок родился в конце месяца, говорили «бац кабирканхъялла варибил (рарибил) цай (цари) — «когда месяц кончался, появился (появилась)».

Если ребенок после наречения именем часто болел, меняли имя. Мальчика протаскивали сквозь брюки отца, девочку — сквозь платье многодетной женщины. Если все это не помогало, то тако-

го ребенка трижды волокли по могиле умершего после его родов. С могилы брали немного земли, разводили в воде и купали этой водой ребенка.

Через 40 дней снимался ряд запретов как для матери, так и для ребенка. Это событие отмечалось специальным обрядом. Обряд заключался в следующем. Мать (бабушка) ребенка отсрала 40 ложек воды и этой водой поливала его. Обряд сопровождался чтением молитвы и пожеланиями ему долгой жизни. После 40 дней роженица с ребенком могла навестить своих родителей, родственников, соседей. В каждом доме хозяйка дома распеленала ребенка и натирала маслом его тело, особенно пальцы ног и рук (чтобы ребенок не проклинал их). Перед уходом ребенку давали хлеб. Этот обычай должен был соблюдаться до тех пор, пока ребенок не начнет говорить.

Через 40 дней производили первую стрижку. Делал это благополучный, пожилой мужчина. После стрижки исполнитель клал на голову ребенка монету. Волосы заворачивали в тряпку и привязывали к люльке, желая ребенку сон и покой. Человек, который производил стрижку считался «нечистым», и ему не разрешалось ни подходить к очагу, ни прикоснуться к кухонной утвари, пока он не совершит обряд омовения. Если после стрижки на голове ребенка обнаруживали радугу «чичигъар», старались от нее избавиться (ребенок станет косым). С этой целью по «чичигъар» проводили золотым кольцом.

Обрезание ногтей ребенка также проводили через 40 дней и обязательно в дневное время. В большинстве случаев делала это мать.

При появлении у ребенка первого зуба мать ребенка варила пшено, фасоль, кукурузу. Верили, что эти продукты будут способствовать быстрому появлению остальных зубов. Если появление зуба у ребенка заметил посторонний человек, он должен был сделать ребенку подарок, а мать должна была сварить пшено, фасоль, кукурузу и угостить соседских детей. Тот, кто оказался свидетелем первого шага ребенка должен был также подарить ему что-нибудь.

Когда мальчику исполнялся год, для него приносили в жертву барана (если это крупнорогатый скот, то на 7 чел. 1 гол.) «гъакъбият». Мясо раздавали соседям, родственникам. Исключение составляли пьющие мужчины.

Мальчикам через 5—6 месяцев, чаще через 2—3 года специальный человек «къавкъури» производил обрезание. Приблизительно в этом же возрасте девочкам прокалывали уши.

Кормили детей грудью обычно до наступления следующей беременности. Чтобы отучить ребенка от груди матери прибегали к разным «хитростям»: мазали соски сажей, натирали чесноком, перцем и т. д.

Случалось, что дети умирали еще в младенческом возрасте. Смерть пытались остановить разными способами. Но прежде всего обращались к мулле, чтобы он написал амулет «кIа» («гъайкер», «сабав»). Рассказывают, что обычно мулла писал «кIа» в двух экземплярах, но если он видел, что ребенок безнадежен, выписывал только один. В качестве оберега служило и ожерелье, выкованное кузнецом из металла, взятого из 7 домов. Чтобы ребенок выжил, мать должна была носить это ожерелье постоянно. Таким же свойством обладало, по мнению информаторов, и вода, взятая из 7 родников молодыми девушками. С этой же целью ребенка одевали в лохмотья, не мыли ему лицо, к его одежде пришивали различные обереги и т. п.

Если ребенок часто болел, был слаб, плохо рос, мало ел, его купали в воде, взятой из источников «уьелла шин» (целебная вода у селения Жигия)* — (с. Бажлук), ребенка трижды протаскивали через отверстия, где пролезают собаки с пожеланиями его излечения; протаскивали сквозь брюки отца; больного ребенка волокли по святой могиле с молитвами и пожеланиями выздоровления (с. Карацан, Шиланша). То же самое делали в селении Шиланша, если ребенок много плакал, если болезнь вызвана испугом. Во всех селениях воду, в которой купали больного ребенка, выписывали вслед за похоронной процессией. В других селах больного ребенка несли к целебным источникам (когда хотели усилить эффект лечения). Воду из этих источников давали ему пить, этой водой обмывали его тело. У источников резались жертвенные животные, раздавали садака (хлеб, другие продукты), к ветвям деревьев привязывали маленькие лоскутки, приносили отрезки ярких тканей, а карацанцы вместо отреза приносили самую нижнюю рубашку ребенка. Все принесенные вещи разбрасывали по четырем углам корыта с водой. Если воду брали с собой, полагалось вначале сосуд для воды трижды сполоснуть и вылить, лишь в четвертый раз набрать. Человек, идущий за целебной водой (с ребенком или без него, туда и обратно) не должен был в пути разговаривать со встречными, оглядываться назад.

Если бажлукцы подозревали, что ребенка сглазили, чтобы избавиться от сглаза, брали лоскуток от одежды сглазившего человека и с этим лоскутком отправлялись к целебному источнику. У источника лоскуток разворачивали и расстилали на землю, сверху клали кусочек сыра, крошку хлеба, пшеничные зерна, затем набирали воду и оставив в качестве дара эти вещи уходили. Дома ребенка обливали этой водой.

С этой же целью в горячую золу зарывали сырое яйцо. Иные на яйцо записывали начальные буквы имен подозреваемых. Если

* Некоторые называют ее «жигай шин».

яйцо со звуком лопнет, считалось, что глаз «вышел». От одежды подозреваемого брали кусочек, сжигали его, пепел разводили в воде и налив ее себе на руки, брызгали в лицо ребенка и по обе стороны. Принято было также на перекрестке трех дорог рано утром разбрасывать испеченные фигурки из теста в форме яйца. Фигурок могло быть 5—10 и более. Распределяли их таким образом: по одной фигурке на каждую дорогу, остальные зарывали в землю, приговаривая: Пусть болезнь уйдет с ними в землю. Куриное яйцо, как видно, играет в родильных обрядах кайтагов видную роль и часто выступает в роли охранительного средства — оберега.

Желая избавить ребенка от дурного глаза жители селений Шиланша, Пилякьи, Карацан и др., на шерстяном новом лоскутке любого цвета вырезали шесть глаз. Затем эти кусочки сжигали и пепел мешали в воде. Этой водой мыли лицо, руки, ноги ребенка: пилякьицы находили человека со сросшимися пальцами, заставляли его сполоснуть их и эту воду давали ребенку.

Чтобы выявить того, кто «сглазил» проводили и такой обряд. В таз с водой, где только что искупали ребенка, бросали горящие угольки, перечисляя имена всех присутствующих и тех, кто в этот день приходил в дом и подходил к ребенку. Если при перечислении чьего-либо имени уголек не всплывал, а падал на дно тазика, тот человек и считался «сглазившим». В данном случае также брали кусочек от одежды «сглазившего», сжигали его, разводили в воде и этой водой обливали ребенка.

Если подозревали, что у ребенка болит живот, процеживали материнское молоко и этим молоком натирали ребенку спину. Больному ребенку не подшивали одежду. Опрелости у ребенка в локтевых суставах, паховых и подмышечных областях мать слегка намазывала специальной белой глиной «дяи дикан анча». Эту глину женщины выскабливали со скал. Добавив немного воды из нее делали «кашицу» и пользовались ею пока ребенок начнет ходить.

Таковы обряды и обычаи кайтагов, сопровождающие рождение ребенка.

Брак и свадебные обряды

Наши полевые материалы говорят о том, что в конце XIX — начале XX в. у кайтагов основными формами заключения брака были браки по сватовству «баъдарни» (с. Бажлук), «баъдарара» (с. Карацан), «лишан» (с. Шиланша), которому всегда предшествовало предварительное посещение родителями жениха дома невесты. Довольно часты были браки умыканием («черрикъя» (с. Бажлук), «риун» (с. Шиланша), «черрукъкъяив», «хъямрарив», «реркъяив», «рукъкъяив» — в других селениях), которые имели место во всех социальных слоях и почти в каждом селе. Чаще

случаи похищения девушек наблюдались в Верхнем Кайтаге — сс. Мижигъли, Жигия, Шилаяги, Кулиджа (магал Каттаган). Причиной умыкания служили как несогласие родителей молодых (особенно девушек) на брак своих детей с данным партнером (брак уводом), так и отказ девушки выйти замуж за данного юношу (насильственное похищение). И в том и в другом случае похищение не поощрялось. На этой почве часты были убийства. Рассказывают, что одна девушка из сел. Кирдик нарушила обычай и вышла замуж без согласия родителей. Брат этой девушки разругал ее за это. Чаще, если похищение было совершено с согласия девушки, родители мирились с этим. Но мирились не сразу, а через определенное время, обычно после появления ребенка. Ответственность за увоз предусматривалась и узменским кодексом: «если уздень похитит чью-нибудь дочь или жену, то обязан на ней (со своего же согласия) жениться, если увезенная им девушка или женщина будет согласна за него выйти, если же нет, то родственники имеют право взять ее назад и выдать за кого она пожелает, а если женщина — отослать к мужу ее.

Когда родственники увезенной девушки пожелают взять ее назад и выдать за кого она пожелает, а похититель этому воспротивится и затеет с ними драку, и если его убьют в этой драке, то за кровь его никто не отвечает (кровь его считается «пропавшей»³⁴.

В силу того, что родственники компактно проживали в одном населенном пункте и редко перемещались с места на место, в результате чего были ограничены возможности для знакомства с представителями другого джамаата, большая часть браков заключалась внутри села и тухума (иногда в пределах общества). «Тухум поддерживается тем, что преимущественно они женятся на членах своего же тухума: связь родства постоянно возобновляется. Женитьба из двух различных тухумов бывает только в исключительных случаях, когда нет собственной пары в своем тухуме. Обычай жениться на своих в особенности строго сохраняется в больших тухумах»³⁵ — читаем мы о кайтагах. Тем не менее, по мнению информаторов, уже в XX в. в одних селах девушек выдавали исключительно в свой тухум (с. Пилякьи) за двоюродных, троюродных братьев, в других (с. Санчи и др.) случаи выдачи замуж девушек за двоюродных братьев встречались редко, в третьих, девушек старались выдавать, по возможности, в другой тухум (с. Шиланша, некоторые селения Нижнего Кайтага). Шиланшинцы говорили: «разговаривать легче».

Долгались лишь внутрисословные браки. Традиция сословной эндогамии соблюдалась в среде беков самым строгим образом. Национально-смешанные браки чаще заключались среди высших сословий. Так, например, известно, что в начале XIV в. узмий Чубан, сын Султан-Алибека, выдал свою дочь за табаса-

ранского эмира Масум-бека, а сам женился на его дочери.³⁶ Известно, также, что знаменитая княжна Нух-бике имела дочь Нафисат от Ахмед-хана. Нафисат впоследствии стала женой Кайтагского Амир-Чопана.³⁷

Существовали некоторые брачные ограничения. Так, например, запрещались браки между молочными братьями и сестрами. Соблюдался принцип очередности браков старших и младших братьев и сестер. Нарушить этот порядок можно было только с разрешения старших.

Бывали, хотя и редко, случаи многоженства. Правда, возможность иметь двух и более жен могли позволить себе только зажиточные мужчины. В большей степени многоженство было распространено среди уцмиев кайтагских. Так, С. Ш. Гаджиева отмечает, например, что последний из дома уцмиев «А. Дж. Уцмиев, судя по сведениям информаторов, имел более 10 жен, сосватанных в разных местах. Это были дочери первостепенных узденей, представителей крупных влиятельных тухумов и представителей разных народов. Как подчеркивается в ряде источников, женились феодалы преимущественно в целях расширения своего политического влияния и приобретения социальной поддержки в массах... Владелец особые нередко брали себе жен из сословия крестьян. Это были жены «второго разряда» («кьума»). Их дети при наличии братьев, рожденных от женщин из высшего сословия, как правило, не имели права на наследование имущества отцов, если только последние не делали специальных завещаний («назру»). Нередко на этой почве происходили междоусобицы между сводными братьями. Так, известна многолетняя борьба после кончины генерал-майора царской армии правителя Кайтага уцмий Джамав-бека между его сыновьями Амирчопаном, рожденным от княгини, и Мехтибеком — от женщины простого сословия».³⁸

Как и у других народов Дагестана, у кайтагов брачный возраст наступал с 17—18 лет. Случались браки и в 20—22 года.

Существовали определенные возможности для встреч молодежи, где они могли дать понять, что симпатизируют друг другу. Но встречались они, как правило, при людях. Чаще всего это были встречи на свадьбах, на «билкъя» («помочи»), встречи при посещении домов родственников по разным поводам, встречи на народных праздниках, гуляньях и т. п. Если юноша и девушка принадлежали одному тухуму, они могли встречаться чаще, беседовать. Обычно за ними не было строгого наблюдения или же осуждения. Даже в этом случае было совершенно исключена любая вольность в обращении между ними. В то же время сразу как только начинались переговоры об их сватовстве, эти встречи, хождения друг к другу по какому-бы поводу не было, прекращались немедленно.

Совершенно по другому обстояло дело, если парень и девушка

принадлежали разным тухумам. В данном случае возможности для добрых встреч исключались. Юноши лишь могли увидеть понравившуюся им девушку со стороны (когда она шла за водой, на свадьбе и т. д.). Любая попытка с его стороны поговорить или остановить девушку могла привести к самым тяжелым междухумным конфликтам. Но и в первом случае ухаживания имели исключительно сдержанный характер.

Сватовство в одних селах начинали родители жениха, в других (с. Бажлук) — любая родственница. Во всех селах в качестве официальных сватов обязательно приходили и уважаемые старики.

Прежде чем начать переговоры о сватовстве, семья и ближайшие родственники обсуждали кандидатуру будущей невесты. В девушке ценился покладистый характер, трудолюбие, здоровье, принадлежность к хорошей семье (если брали со стороны). Немаловажную роль играла и внешность. Но иногда, если брали из своего тухума, внешность отодвигалась на задний план (это касалось и юноши). Обращали внимание на порядок в доме, на хозяйственные способности ее матери, на ее отношения с родней мужа. Ценили уживчивый характер ее матери. Таким образом, о достоинствах девушки судили по достоинствам ее матери. В женихе также ценилось здоровье, хозяйственные способности, хорошее поведение, репутация семьи, мужественность, храбрость, умение поддерживать отношения с родней, со сверстниками, друзьями, односельчанами, со старшими. При сословных браках, несомненно, учитывались сословная принадлежность и обеспеченность (материальные соображения). Здесь, как было сказано выше, не играло особой роли и этническая принадлежность (если вступающие в брак одной конфессии). Информаторы рассказывают, что часто могли выдать слепую девушку за красавицу-юношу и наоборот. Если девушку выдавали в другое общество, старались получить сведения не только о женихе (невесте), но и его родне, тухуме.

Важной составной частью предсвадебных обычаев было закрепление брачного договора каким-нибудь подарком «цекурела палтар». В каждом селе существовали предписанные обычаями формы взаимосодариваний обеих семей и их ближайшей родни. Эти материальные траты были не одинаковы во всех селах. Так, в селении Шиланша на сватовство «лишан» приносили комплект одежды (платок и платье) и сладости; в селении Бажлук такой же комплект одежды, но без сладостей; в Карацане — комплект одежды из «дарая», «хара».

Сватов «сикни банти» могло быть от одного до 2—3 человек.

После сватовства семья жениха готовила подарки для невесты, а в доме невесты в это время готовили подарки для дома жениха, которые она преподносила во время посещения родственников жениха и в день свадьбы. Для невесты готовили приданое, в кото-

рое входили постельные принадлежности, утварь, посуда. Нижнекайтагские женщины (с. Баршамай, Абше, Чибакни и др.) постельные принадлежности (подушки) украшали вышивкой. Эти вышивки хорошо описал Е. Шиллинг. Эти «Подушечные вышивки представляют собой большие прямоугольные куски домотканной материи (из льна, конопля или хлопка), крашенные в темно-синий цвет и вышитые крупной гладью. Орнамент стар по происхождению. Он дает солярные и спиральные мотивы, завитки, свастику и перекликается с древней дагестанской петрографикой, встречающейся в кайтагских горных аулах, а также по всей Аварии... ими (вышивками — Б. А.), обшивались подушки, хранимые в жилищах на полках стойми (на ребре), так что весь рисунок был сразу виден».³⁹

В некоторых селениях (с. Шиланша и др.) через месяц после сватовства родители жениха (отец и мать) посещали дом невесты с подарками. Назывались эти подарки «никIа тIавкIа» (маленький платеж). В «никIа тIавкIа» обычно входили комплект одежды и халва. Родители невесты, в свою очередь, делали подарки родителям жениха-матери дарили отрез на платье, отцу рубашку. За неделю до свадьбы в воскресенье приносили «хола тIавкIа» (большой платеж). В состав «хола тIавкIа» входили 2 комплекта одежды, поднос халвы (сверху халвы клали деньги). Вещи обычно несла мать жениха (поднос на голове, а одежду в узелке). Вместе с ней в дом невесты шли и родственницы жениха с подарками (отрезы на платья). В доме невесты всех пришедших угощали, а перед уходом им делали подарки. Мать жениха получала отрез на платье, остальные платочки, платки.

В других селениях (с. Бажлук) вещи в дом невесты несли за месяц до свадьбы в понедельник «итни бари». Этот обычай назывался «палтар дикъул» («палтар дикъулцаби»). Здесь как родственницы, так и родственники торжественно посещали дом невесты. Каждая родственница несла в дом невесты поднос с халвой и отрез на платье. Поверх вещей мужчины бросали деньги. После угощения всех одаривали подарками. Мужчинам давали носовые платочки, женщинам хлеб, намазанный халвой.

Кроме подарков каждая невеста получала и договорные деньги «магъар барахара арц дечив» в сумме от 5 до 10 рублей.

После сватовства невеста «цIекIури» («рикнавба» с. Бажлук) избегала встреч с женихом «вик навба», а с его родными общалась запросто. С женихом она не встречалась до самой свадьбы ни тайно, ни при людях.

За неделю до свадьбы все родственницы жениха собираются в доме невесты для кройки и шитья одежды для невесты. Женщины обычно приходят с подарками, а мать жениха приносит три отреза на платье, один комплект готовой одежды, 1 кг. топленого

масла и рис (с. Бажлук). Из риса и масла в доме невесты для угощения пришедших готовили плов, халву. Сразу после кройки одежды одна из родственниц приводила мальчика 2—3 лет и сажала его на вещи с пожеланием невесте иметь трех сыновей и двух дочек. За период от обручения до свадьбы породнившиеся семьи оказывают друг другу (особенно сторона жениха) знаки внимания.

Как мы могли убедиться, почти все компоненты предсвадебных обрядов сопряжены с взаимодариванием сторон. Все эти компоненты, кроме того, сопровождаются и религиозно-магическими действиями.

Свадьбы «туй», «микъ» кайтаги обычно устраивали зимой. Наиболее благополучными днями для устройства свадеб считались четверг или пятница (хамис, джума). В доме невесты особых торжеств не устраивали. В дом жениха приглашались музыканты (2 зурниста и 1 барабанщик), которые начинали играть с самого утра. Особенно усиливалась свадьба ночью. Посередине танцевального круга разжигали большой костер. Такие костры устраивали в двух-трех местах.

За день-два до свадьбы приглашали гостей на свадьбу. Если приглашались гости из других сел, то для каждого села составлялся отдельный список. Приличие требовало, чтобы приезжие гости, с целью не обременить хозяина, остановились у своих кунаков, знакомых. Они всегда придерживались умеренности в еде, напитках, хотя самые лучшие напитки и блюда подавались им. Считалось большим позором напиваться и устроить шум на свадьбе своего кунака. Что же касается своих сельчан, то они часто не придерживались этих правил. Зачастую по вине молодежи свадьбы завершались дракой. В то же время поощрялось родственниками стремление участников свадьбы, особенно молодежи, гостей, односельчан, друзей, дальних родственников петь, танцевать, устраивать состязания в танцах, песнях, веселить людей.

Разумеется, у состоятельных людей свадьбы проходили пышнее с приглашением большего количества почетных гостей.

За невестой «цIекIури» обычно приезжали в полночь («когда петух сплет дважды»). В одних селениях невесту и ее свиту вели в дом жениха пешком, в других (с. Бажлук и все селения общества Маджалис — Катта) на арбе. Если невесту везли из другого селения, то сама невеста и все сопровождающие выезжали на верховых лошадях или на саниах, на арбе и даже на ослах (в зависимости от условий погоды и рельефа местности). Если невесту везли на арбе, то вместе с ней на арбу садились ее подруги: «чирэгъ бикъан» (лампу держащая), «сундук-къана бикъан» (сундук несущая) и «къуткъа бикъан» (кувшин несущая).

Что касается приданного, то ритуал, связанный с ним, имел раз-

личные локальные варианты. В качестве приданого, как мы уже говорили выше, отец давал дочери постельные принадлежности, скотину. Во всех селах в доме невесты предварительно приданое вывешивали напоказ. В одних селениях приданое везли за неделю до свадьбы (с. Пилякѣи), в других, в день свадьбы (с. Бажлук), в-третьих — в первый день свадьбы (за день до переезда невесты), в-четвертых (в большинстве) вместе с невестой.

До прихода представителей дома жениха подруги должны были одеть невесту. Рассказывают, что невеста почти всегда сопротивлялась и поэтому приходилось по отношению к ней проявлять силу. Так, например, в Карацане, чтобы невеста дала себя одеть ей связывали руки, ноги. Когда невесту выводили из родительского дома, за ней выплескивали чистую воду, над головой ломали хлеб, обсыпали мукой.

Невесту обычно сопровождала свита «цѣкѣури рикѣанти» («шиликут» — с. Пилякѣи). Их обычно бывало от 3 до 7 человек: двое из них обязательно мужчины, остальные женщины, девушки. В обязанности мужчин входило охранять приданое (один из них) и невесту от «кулаков» жениха.

Часть свиты отправлялась с вещами и наряжала комнату молодых. Их называли «хѣалибулганти». В доме жениха разыгрывались представления. Тот, который привез приданое не отдавал вещи до тех пор, пока ему не дадут выкуп (обычно деньги). После получения выкупа его приводили в круг, где играла музыка и прямо здесь угощали. В с. Карацан с вещами приходили двое: мужчина и женщина. Их называли «гѣалащир царукил», а с невестой отправлялись трое-двое мужчин (один с отцовской стороны, другой с материнской) и одна женщина (сестра отца или матери). Ее называли «ширкѣут».

В других селениях одна из сопровождающих женщин также должна была быть женой дяди или старшего брата невесты, у которой благополучно сложилась семейная жизнь. Она должна была хорошо знать родню жениха, быть находчивой, остроумной.

С самого утра в дом жениха и в дом невесты прибывали гости с подарками. В дом невесты несли отрезки на платья, подушки, чехлы для матрацов, а в дом жениха подносы с ореховой («метѣух») или мучной «арбиш» («авриш») халвой. Самые близкие родственницы посередине подноса ставили сосуды с вином, устанавливали фруктовые деревца («цидехла калкка»), украшенные яствами (фрукты, яйца и т. п.). Вместе с подносами женщины приносили «байрахъ» (флаг из материи). Эти флаги прикалывались на заборе или на крыше и создавали красивое зрелище.

Гости из других сел, когда приближались к селу давали о себе знать выстрелом. Приехавших встречали на краю села с музыкой, танцами. Жены гостей также приносили подносы с халвой и «фла-

ги». Встречающие молодые мужчины забирали у них флаги и сопровождали их в дом жениха. В доме жениха женщины с подносами танцевали. После того, как они сделают 1—2 круга родственницы жениха уносили подносы в дом, а женщины продолжали танцевать уже без подносов. Во время танца их одаривали деньгами. Затем гостей уводили в помещение и размещали. Усадив гостей, в первую очередь подавали им еду. После трапезы кто-либо из родственников предлагал им пойти в дом соседа или родственника отдохнуть, привести себя в порядок и т. п.

Обязательными персонажами кайтагских свадеб были ряженные «кѣарчи» — (мн. ч.), «кѣарчи» (ед. ч.).

За день до свадьбы или в день свадьбы в доме у муллы в присутствии двух свидетелей заключали «магъар».

По дороге свадебный поезд несколько раз останавливался и требовали выкуп. Посланцы жениха время от времени стреляли. К приезду свадебного поезда в доме жениха готовились заранее. Подъехавший передовой сообщал, что свадебный поезд приближается. За эту весть он получал подарок — хлеб с мясом воткнутым на палку. При приближении процессии к дому жениха, на подходах к нему, молодежь родственники окружали ее с пожеланиями долгой и дружной жизни в этом доме и др.

Возле ворот дома жениха свадебная процессия останавливалась. Отец жениха подходил к невесте и называл подарок, который предназначался для невесты. Он мог назвать участок земли, корову с телкой. В Карацане, например, если не было земли, отец мог подарить даже болото «шара», где гноили коноплю, фруктовое дерево и т. п. Правила элементарного приличия запрещали долго держать невесту и ее свиту у ворот. Быстро назвав подарок, отец жениха или дядя снимали невесту с лошади (если она прибыла на лошади) или помогали сойти с арбы, а если невеста пришла пешком, брали ее под руку и вели в дом.

У дверей в комнату свита невесты опять просит выкуп у родителей жениха. Отец и здесь мог назвать пашню, луг, «шинела шара» или что-нибудь другое.

Перед входом в комнату над головой невесты разламывали хлеб. Затем этот хлеб раздавали присутствующим. Невесту осыпали сахаром, рисом, орехами, мелкими монетами. В свою очередь, невеста с собой приносила кувшинчик со сладкой водой, которую давала пробовать всем родственницам и родственникам жениха. В Карацане у входа в комнату свекровь давала невесте попробовать мед. В этом же селении свекровь встречала невесту у ворот с миской, в которой находился загустевший комок поджаренного тутового или виноградного меда (остатки, склеенные после приготовления ореховой халвы). Кто-либо из присутствующих молодых людей незаметно подкравшись вырывал из рук женщины миску

и убегал, остальные (молодежь) пускались за ним его догонять.

Иногда невесту подвергали физическим испытаниям. Как только молодая перешагнет через порог, жених, который в это время прятался за дверью, должен был ударить ее кулаком, «чтобы ее сердце село на место» («урчи» меган кабижахъара»). Ее должен был защитить от этого удара мужчина, который сопровождал ее. После этого подруги «шиликут» начинали наряжать комнату невесты. Затем свита невесты приглашала к себе самого старшего мужчину этого дома, который должен был открыть лицо невесты и посадить ее (до этого невеста стояла в углу). В некоторых селениях Нижнего Кайтага (Карацан, Карталай) лицо невесты открывала свекровь или другая пожилая женщина (бабушка) лишь на следующее утро. И в первом и во втором случаях тот, кто открывал лицо невесты должен был одарить ее каким-нибудь подарком. В качестве подарка также могли назвать землю, сенокос, фруктовое дерево и т. п. Пожелав невесте трех сыновей и двух дочерей свекровь (бабушка) уходила, а свита невесты приступала к своим обязанностям. Прежде всего свита требовала, чтобы ей было оказано уважение, внимание. Родственники жениха, в свою очередь, прилагали все усилия, чтобы удовлетворить все их желания, капризы, например, приготовить пельмени из крапивы (это зимой), принести кисть свежего винограда и т. п., словом, все, что им хотелось. Хозяева должны были всячески продемонстрировать готовность к исполнению любого их требования. Вообще, с момента поселения невесты в комнате своего будущего мужа родственники жениха (особенно женщины), поочередно заходили к невесте и приветствовали ее. Прежде, чем войти в комнату, они просили разрешения у главной сопровождающей невесту женщины «шиликут».

После угощения мужчины, сопровождающие невесту, уходили. С невестой оставались ее подруги. Спустя некоторое время к молодой приходил жених с друзьями. Друзья жениха получали обрядовые подарки от невесты. После этого и они уходили и оставляли молодых одних.

В селении Санчи после того, как уходила мужская свита невесты, в ее комнату приходили близкие родственники жениха, чтобы стведать чуду из курятины, которую принесла с собой сопровождающая невесту женщина «гьалмагъ хьулум». «Гьалмагъ хьулум» ставила поднос с несколькими чуду на середину комнаты перед старшим родственником жениха. Он бросал на поднос деньги, а затем резал чуду на мелкие куски и раздавал всем присутствующим. Те, в свою очередь, бросали на поднос деньги. Деньги, которые давали за чуду, предназначались «гьалмагъ хьулум». Все присутствующие расхваливали чуду, говорили, что никогда даже не пробовали такое вкусное чуду и т. д.

Аналогичный обычай был у кайтагских кумыков. Только у них сопровождающая женщина приносила не чуду, а халву.⁴⁰

Перед рассветом, когда все люди расходились, «шиликут» стелила молодым постель (в селении Пилякьи это делала свекровь) и уходила. Но прежде одна из родственниц приводила мальчика 2—3 лет и катала его на постели молодых. Прочитав молитву она желала молодым трех сыновей и двух дочек «кабал урши, члел рир-си Аллагъли кьисмат, я Аллагъ». Мальчику давали подарок и отпускали. После этого молодые оставались одни. Через некоторое время к молодым стучался друг жениха. Он получал подарок от невесты и уходил. Рано утром молодых будила «шиликут». Она убирала постель и показывала платок невинности новобрачной ее свекрови. «Шиликут» и в последующие два дня должна была по утрам будить молодых.

На утро молодую приветствовали родственники мужа. В полдень невесту выводили во двор на танец. Танец с невестой проходил в строго определенном порядке: сначала с ней танцевали отец, дед, старший брат жениха, тети, дядья, близкие родственники, затем остальные родственники, друзья, соседи, односельчане, и в конце гости из других сел. Вместе с невестой в круг выходила и «шиликут». Она делала с невестой 1—2 танцевальных круга, затем оставляла невесту в кругу и отходила в сторону. Все танцующие с невестой одаривали ее деньгами. За танцем с родственниками, следовал непродолжительный отдых невесты. После короткого перерыва начинался танец — состязание жениха с друзьями. Когда танец достигал кульминации, подруги выводили в танцевальный круг невесту. Некоторое время молодые танцуют в кругу друзей и подруг. Постепенно круг расширяется. К ним присоединяются родственники, соседи, односельчане, гости и так продолжается около 30 — 40 минут.

После танца жениха и невесты родители жениха приглашали на танец подруг невесты и одаривали их деньгами. Лишь после этого невеста могла вернуться в свою комнату. Еще через 2—3 танца свадьба завершалась.

Разумеется, все эти элементы свадебного цикла реализуются в различных селениях, в разных вариантах. Так, например, в Карацане одна из подруг невесты не покидает ее во время всего танца, а другая собирает деньги и т. п.

У кайтагов существовал и такой обычай, который назывался «гьячIа». До проведения «гьячIа» присутствующие отказывались уходить домой. Обряд заключался в том, что после брачной ночи жених должен был бороться со своей женой. Этого требовала молодежь (молодые женщины, юноши). Борьба заключалась в том, что жених должен был свалить на пол жену, а затем поверх жены свалить всех остальных (в исследуемое время как юношей, так и

девушек, в более ранний период только юношей). Эти обычаи несомненно представляют собой пережиточные явления.

Рассказывают, как на свадьбе некая боевая женщина со скверным характером отказывалась покинуть комнату молодых, пока жених не «свалит» свою жену. Жених долго отказывался, но другого выхода не было и он согласился. Тогда он свалил свою жену и быстро, чтобы никто не заметил, поднял ее, а на ее место бросил ту женщину. Думая, что внизу невеста, все присутствующие стали кидать на нее друг друга. Лишь в конце заметили, что на полу вся в ушибах лежит вовсе не невеста, а та женщина. Так она была наказана за свою настырность.

На третий день пребывания в доме родителей мужа молодая должна была продемонстрировать свои хозяйственные способности. В одних селениях для свекра и свекрови она должна была приготовить пельмени, в других пироги (чуду), в третьих — хинкал, давали ей заштопать носки и т. д. Здесь невеста одаривала свекровь подушкой. Это символизировало намерение невестки с этого дня все работы по дому брать на себя. Свекровь также одаривала ее каким-нибудь подарком, угощала ее. В этот же день ее выводили за водой. Говорили: «шине рикар», «шиней рикули цари цеклури». За водой с невестой отправлялись ее подруги, которые сопровождали ее в дом жениха, другие девушки. Активное участие принимали дети, которые группой, танцуя, сопровождали молодую до источника и обратно. По пути и у источника раздавались угощения (сладости), невесту осыпали сахаром, рисом, в ее кувшин клали мелкие монеты.

Приблизившись к роднику, невеста высыпала монеты на землю. Дети тут же разбирали их и ждали окончания обряда. Присутствующие веселились, обливали друг друга водой. Одна из подруг невесты зачерпнув рукой горсть воды, поливала ноги невесты. Затем «шиликлут» наполняла ей (невесте) кувшин и они медленно возвращались домой. Дома невеста передавала кувшин свекрови. В этот же день невеста со своими золовками отправлялась за водой еще раз. Но на этот раз она должна была уже поторопиться. В некоторых других селениях, например в с. Адага, «молодая, набрав воды в кувшин, бросала туда свое ожерелье из бус и сливала воду вместе с бусами с пригорка вниз, где их подбирали и делили между собой дети; в других случаях (с. Дуреги) эту процедуру со своими ожерельями производили женщины, сопровождающие ее к источнику».⁴¹

Спустя некоторое время (3—4 дня, неделя) в дом родителей жениха приглашалась родня невесты. Родители невесты обычно приходили с дорогими подарками (ковер, телка, другая ценная вещь). Дарили даже участок земли.

Еще через некоторое время молодая жена с мужем и его род-

ственниками совершала обряд первого визита в дом к своим родителям, взяв с собой сладости. В доме родителей устраивалось угощение. Перед уходом мать дарила своей дочери кухонный набор из семи предметов (тарелка, вилка, ложка и т. д.) — (с. Карацан). В селении Бажлук и других селах, мать дарила дочери что-нибудь из утвари. Лишь после этого начиналась для молодых визитная неделя, которая могла длиться месяц и более. В домах родственников с той и другой стороны для молодых устраивалось богатое угощение. Все родственники обязательно одаривали молодых каким-нибудь ценным подарком (чаще посудой). Таким образом, эти приглашения и визиты устанавливали дружеские связи между семьями невесты и жениха, вводили молодых в круг родственников.

Похоронно-поминальные обычаи и обряды

В традиционный цикл похоронно-поминальных обычаев и обрядов кайтагов входило много элементов, общих для всех народов Дагестана, возникших как в домусульманский период, так и после. В то же время в их похоронно-поминальных обычаях и обрядах прослеживаются специфические черты, развитие которых происходило под влиянием местных условий. Исходя из этого мы стараемся изложить в краткой форме тот фактический материал, который в большей степени касается именно кайтагов.

У постели тяжело больного всегда находились близкие родственники. Избегали ходить к больному женщины в трауре, больные. В то же время, если умирающий был в ссоре с кем-нибудь из родственников, соседей, односельчан, то он должен был (если он считал себя виновным) немедленно попросить у них прощения, а те, в свою очередь, должны были простить ему обиду, которую он когда-то нанес им.

Сразу же после его кончины было принято отпирать ворота, двери. Окружающие начинали оплакивать его стоя. Через 1—2 часа каждая родственница, в зависимости от степени родства, занимала свое место в комнате, где лежал покойник. Мужчины располагались во дворе.

Погребение совершалось до заката солнца. Обычай быстрого захоронения кайтаги объясняют тем, что покойника тянет к земле. В исключительных случаях похороны могли быть задержаны, если ожидался приезд сына, отца, которого покойник очень хотел видеть.

В дом покойника сразу же приходили родные, соседи, другие сельчане, кунаки из других сел. Односельчане, соседи принимали большое участие в похоронах и оказывали посильную материальную и моральную поддержку семье покойного. При похоронах не-

мущих родственников, соседи целиком брали на себя расходы по похоронам.

До обмывания можно было подойти к покойнику, приоткрыть лицо и посмотреть на умершего.

Время от времени с плачем к покойнику поднимались его родственники — мужчины, близкие друзья. Этот обычай назывался «дягичидагара» («лицо посмотреть»). Аналогичный обычай был у южных кумыков. С. Ш. Гаджиева и А. М. Аджиев отмечают, «что случаи оплакивания покойного (у кумыков — Б. А.) мужчинами нередко осуждались, ибо это считалось противным как исламу, так и суровым обычаям края. Возможно, этот обычай, как и ряд других, восходит к древнетюркским традициям».⁴²

Запрещалось подходить к покойнику женщинам в период менструации, беременным женщинам, особенно во второй половине беременности. Не приходили на похороны незамужние девушки. В данном случае делалось исключение, если умершая их ровесница.

По обычаям мужа должны были проявлять большую сдержанность, если хоронили жену. Чем моложе был покойник или покойница, тем сильнее выражалось чувство горя. Оплакивание молодых людей сопровождалось самоистязанием, сестры, дочери покойного рвали на себе волосы, царапали лицо. Оплакивание должно было длиться без перерывов. Присутствующие женщины поддерживали плакальщиц-близких родственниц покойного. При прощании со старым человеком, который прожил долгую, благополучную жизнь, плакать громко было не принято. Поощрялось, если молодая мать умершего ребенка также внешне не показывала боли, слабости.

После смерти покойника обмывали. Делали это незадолго до его выноса. К этому времени могила должна была быть уже вырыта. По обычаю, могилу копали посторонние, но ни в коем случае не родственники. После копки оставляли кого-нибудь присматривать за могилой.

Принято было прекращать свадьбу, другие торжества как только становилось известно, что в селе умер кто-то. Прежде, если в день свадьбы умирал пожилой человек, его родственники скрывали эту весть, чтобы не «портить радость другим». Некоторые до окончания свадьбы прятали труп в «буршмалда къасы» (место, где хранили днем постели) и занавешивали это место. Это делалось, если умер близкий родственник или сосед.

Обмывали и одевали покойника часто посторонние. Обмывали всегда вдвоем в специальной ванне «ликга бицан». Обычно один мыл покойника, другой поливал из кумгана. Покойника обмывали в специальных рукавицах из белой ткани. Рукавицы шились из того же материала, что и саван «капан».

Запрещалось носить воду для обмывания женщинам в период менструации. За водой посылали обычно доверенных людей. Один из них должен был быть тот, кто будет обмывать покойника (обычно тот, кто поливал). Прежде чем идти за водой все они должны были совершить обряд омовения и намаз «дивгьгал». Тот, кто брал воду из источника должен был сказать: «дунет («нигет» бирулда гьез вевчибилла сугьру барара ва ликга («къаркъала») бирцара» («Я обязуюсь в память этого покойника, обмыть его тело»). После этой формулы кувшин полагалось трижды сполоснуть и лишь в четвертый раз набрать воду. Обмывали покойника тщательно. Приводили в горядок ногти на ногах, руках. Для этого из сухих веточек заготовливали 20 тонких лучин. Запрещалось одной лучиной чистить два ногтя. Каждый раз для следующего ногтя использовали новую лучину, а предыдущую бросали в использованную воду.

После того, как обмоют покойника, еще до того, как надевать на него одежду между его пальцами рук, ног, в нос, уши, в подмышечные и паховые области клали вату, «чтобы труп не разложился быстро». Уже перед тем, как забрать покойника на кладбище, на его лицо слоями накладывали вату. Из белого материала делали семислойную ластовицу и вставляли между штанинами (чтобы не нарушился намаз).

Лишь после этого покойника одевали и укладывали на носилки «жаназы». На «жаназы» стелили 5—7 слоев капана (всегда нечетное количество, но не более семи). Капан обычно был белым из льна, бязи и т. п.

Погребальная одежда кайтагов несколько отличалась от других. Кайтаги на покойника надевали «жаназала палтар» («ахиратла палтар»). Сюда входили: рубаха, штаны, чухта (для женщины), носки. Для женщины «жаназала палтар» шилась из белых тканей. Поверх «жаназала палтар» надевали «дунелла палтар». «Дунелла палтар» может быть любого цвета, но его чаще делали зеленым.

Судя по поздним археологическим материалам, кайтаги хоронили умерших в их лучшей одежде.⁴³ Пожилые люди сами заранее готовили для себя «капан».

Обмытого и одетого покойника обязательно покрывали одеялом. После этого лицо покойного больше никому не показывали. После того, как обмоют его, слезы не должны были попасть на него. В таком виде он лежал в середине помещения вплоть до выноса его из дома.

Если покойника оставляли на ночь, то около него запрещалось спать. Ночью около него обязательно должен был кто-нибудь сидеть. Некоторые приглашали для этой цели муллу.

Следует сказать, что как «капан», так и погребальную одежду,

рукавицы должна была шить вдова «кама хьулум». Иголки, нитки, которые оставались после шитья погребальной одежды, выбрасывали или отдавали вдовам. Во время шитья погребальной одежды не полагалось на нитке делать узлы. Одежду умершего обычно раздавали сиротам.

Соседи, односельчане старались оказать родне покойного большую помощь в устройстве похорон, поминок, в уходе за скотом, в уборке помещения. Особенно богоугодным делом считалось принести в дом покойника кувшин воды в первые три дня для приготовления поминальной еды. Говорили: «миздехь биргьар» («миздехь» будет).

Обычно оплакивание умершего проводилось три дня. Близкие родственники круглые сутки проводили в доме покойного, отказываясь от пищи, сна. Некоторые кайтаги (селение Лица и др.) оплакивали покойного неделю. В этот период все близкие родственники (мужчины, женщины) не покидали дом покойного и ночью. Соседи, односельчане брали на себя заботу о них — вечерами, когда близкие оставались одни, приносили им готовую еду, уговаривали немного поесть, отдохнуть. Точно такой же обычай был у кайтагских кумыков. В этой связи, интересно отметить, что у некоторых лезгин (с. Хурюг) односельчане не приносили еду, а по вечерам (8—9 ч.) по очереди приглашали к себе на ужин близких покойного, избавляя, таким образом, их от забот о приготовлении еды.

Возвращаясь к похоронному обряду кайтагов, отметим, что все приходящие на соболезнование до похорон (родственники, соседи, односельчане) приносили по 3—4 метра отреза каждый и бросали их на покойника. Вместе с покойником эти отрезки уносили на кладбище. Там их снимали, затем рвали на куски и раздавали присутствующим. После выноса покойника точно такие же куски вместе с хлебом, намазанным халвой, раздавали и женщинам. Говорили раздали «бьагIри».

Перед выносом тела к покойнику поднимались мужчины — близкие родственники, племянники, сыновья, братья, хорошие друзья. Но до этого к покойнику подходил мулла и обращаясь к женщинам просил их, чтобы они простили ему мелкие обиды, мелкие долги.

Сразу же после выноса покойника из комнаты женщина мыла то место, где лежал покойник. Но здесь следует отметить, что мыть пол поручалось не всякой женщине, а женщине, у которой нет мужа — вдове или разведенной. В то же время женщина эта должна быть пожилой. Считалось, что такой уборкой — своеобразным «очищением» из жилища выносятся дух мертвеца. Здесь несомненно, то, что кайтаги верили в очистительную силу воды.

После выноса покойника в комнату, где он лежал, оставляли

свет — в одних селах три ночи, в других 40 ночей. В прошлом, видимо, этот обычай был связан с необходимостью обязательного поддержания огня в доме умершего.

После того, как вымоют место, где лежал покойник, туда бросали подушку, а на подушку укладывали одежду покойного так, будто он лежит на ней. Как и при покойнике, вокруг садились женщины и плакали 3 дня.

Покойника несли на кладбище четверо сменявшихся мужчин на специальных носилках. Женщины обычно провожали процессию до ворот. Покойника несли быстро. Говорили, что «его тело туда (к земле) тянется».

Перед закапыванием могилы четыре человека (муллы) становились по четырем ее углам и читали молитву «угь музалла бягI!». Читали молитву и все присутствующие. По завершении молитвы все четверо получали по отрезку. После этого тело опускали в могилу. Закапывали покойника тоже быстро. После образования холмика могилу поливали водой и быстро убегали в сторону, чтобы не услышать крик покойника. Говорят, после того, как засыпят могилу, покойник садится и кричит: «жамаат, не оставляйте меня, меня тоже забурите» («Жамаат, маватаба дура, ужаба дура варх»).

Всем больным рекомендовалось не находиться в постелях во избежание скорой смерти при отправлении похоронной процессии на кладбище и до окончания похорон.

После похорон 3 дня — утром и вечером родственники — мужчины посещали могилу умершего, затем в течение 40 дней у могилы находился мулла. За это время он должен был завершить чтение Корана. Некоторые состоятельные кайтаги нанимали двух мулл. В данном случае муллы могли исполнять свои обязанности в доме покойного. Читая Коран без перерыва они завершали его за 7 дней. Этот обычай назывался «кьират». За свой труд муллы получали хорошую одежду покойного. Бажлукцы, например, в течение 7 дней на могиле оставляли «халбаш» («телохранитель»). В других селениях «халбаш» снимали через три дня. Об этом дне говорили: «халбаш гьурсан бари».

На второй день после похорон бездетная женщина должна была произвести уборку всей комнаты (обмазать пол, иногда заново побелить стены, встряхнуть все вещи (паласы, постель и т. п.). Здесь интересно отметить, что у лезгин «бездетными женщинами и больными людьми использовались как исцеляющее средство вода, оставшаяся после омовения таких людей, для чего этой водой умывались с добавлением воды из «священных родников».⁴⁴

В течение трех дней в доме покойного постоянно находились люди. Пришедшие женщины, мужчины выражали соболезнование ближайшим родственникам умершего. Широко был распростра-

нен обычай причитать по покойному. Существовал целый ритуал этих причитаний в соответствии с полом и возрастом умершего. Пришедшие женщины также выражали свою горе причитаниями. Обычно оплакивание начинали близкие родственницы, потом к ним присоединялись другие.

Через три дня в доме покойного собирались все: мужчины, женщины. После поминальной трапезы, все мужчины уходили на кладбище, чтобы «снять» «халбаш».* Здесь они читали молитвы, перед уходом им давали хлеб с халвой.

После ухода мужчин, женщины убирали подушку и одежду покойного и с этого момента переставали плакать, причитать. Загем и женщин угощали. После поминальной трапезы все расходилось по домам.

Здесь следует отметить, что верхнекайтаги поминальную еду готовили без соли.

Все кайтачки носили траур по умершему близкому родственнику. Женщины в трауре носили белые подсиненные головные уборы «ашмаг». Нам известно, что в древности именно белый цвет был знаком печали и траура.⁴⁵ У кумыков «сестры и жена носили черные платья и белые платки».⁴⁶ Нам представляется, что в далеком прошлом кайтачки не носили траурную одежду совсем. Здесь не трудно заметить, что кайтачки, подражая кумычкам, стали в качестве траурного платка носить «ашмаг», но поскольку он у них и так белый, стали его подсинивать. Траурного платья как такового у кайтачек не было. До окончания траура женщина должна была оставаться в том платье, в каком ее застала смерть близкого человека. До окончания траура она не купалась, не мыла голову. Траур длился обычно 40 дней. После срока дней траура женщина говорила: «лакдирулда ишти 40-ла палтар, цилчи-мадидав чикагъара» («выброшу эту 40-дневную одежду, чтобы больше ее не использовать»).

Большое значение придавалось поминовению умерших. Поминки по умершему, как было сказано выше, кайтаги во всех селах устраивали в день похорон, на 3-й день (некоторые на 7-й), затем на 40-й день «ухцалла бари». В день похорон совершали обряд жертвоприношения — резали скот и затем ели мясо (мужчины до похорон, женщины сразу после похорон). В дни поминок (на третий день, на 40-й день) мужчины посещали могилы и устраивали там поминальные угощения. На поминки приглашали муллу, людей пожилого возраста, родственников и знакомых. Все приходящие приносили хлеба, намазанные халвой. Помимо этого были и общие дни поминовения. Такими днями были «Ораза байрам»,

«Курбан-байрам». В эти дни все жители посещали кладбище, где читались молитвы, устраивались трапезы, раздавалась садакъя.

Неотъемлемым элементом ритуала поминовения была обрядовая пища — хлеб с халвой, вареное мясо и т. п.

По обычаю, все присутствовавшие на поминках люди должны были не только угоститься, но и получить свою долю хлеба с халвой, которую уносили домой. На поминках сначала после прочтения молитв устраивали угощение старикам, затем после мужчин угощали женщин, в конце детей. Молодежь обычно на поминки не приходила, большим угощение относили домой. Остатки поминальной трапезы раздавали нищим, бедным. Во время первых поминок присутствовали все родственники, сельчане. На последующие поминки приходили в основном близкие.

Немало своеобразного было в погребальных обрядах людей, умерших в молодом возрасте — до женитьбы, замужества или вскоре после свадьбы. Известно, что на могилы молодых юношей и девушек кайтаги устанавливали специальные «деревца» (ветку от фруктового дерева). Делали это после 40 дней. К «деревцу» привязывали разноцветные лоскутки. По этим «деревцам» люди догадывались о принадлежности могилы. Если у юноши была невеста, она сама приходила на кладбище и наряжала «деревце».

Следует еще сказать, что кладбища в XIX в. кайтаги устраивали недалеко от своих поселений, обычно у подножия села, в конце села. Кладбища ничем не загораживали. Изгороди, заборы появились, видимо, уже в наше время (50-е, 60-е годы). Родственников старались похоронить на кладбище рядом. Поэтому на кладбищах были тухумные ряды. Кайтаги говорили «чула жинс». На надмогильный холмик ставили надгробия «целта». На них наносили иногда какие-то знаки, позднее стали высекать надписи арабскими буквами.

* Момент завершения непрерывной заупокойной молитвы.

- 1 Свод статистических данных, извлеченных из посемейных списков населения Закавказья. Тифлис, 1890, С. VIII.
- 2 Комаров А. Списки населенных мест Дагестанской области. Кайтаго-Табасаранский округ // См.: Сборник статистических сведений о Кавказе, Т. I. Тифлис, 1869.
- 3 ЦГА РД. Ф. 21, Оп. 5. Д. Д. 45, 48—50.
- 4 Комаров А. Указ. соч.
- 5 ЦГА РД. Ф. 21, Оп. 5, Д. 45—46. ЛЛ. 698—700.
- 6 ЦГА РД. Ф. 21, Оп. 5. Д. 45, ЛЛ. 144—188.
- 7 ЦГА РД. Ф. 21, Оп. 5, ЛЛ. 151—181.
- 8 Там же, ЛЛ. 1—37.
- 9 Там же, Д. 48, ЛЛ. 454—534.
- 10 Там же, Д. 50. ЛЛ. 387—407.
- 11 Гаджиева С. Ш. Семья и брак у народов Дагестана в XIX—начале XX в. М., 1985, С. 42.
- 12 Гаджиева С. Ш. Указ. соч. С. 26.
- 13 Там же, С. 27.
- 14 Комаров А. Указ. соч.
- 15 ЦГА РД. Ф. 21, Оп. 5, ДД. 45, 48, 49, 50.
- 16 Алимова Б. М. Табасаранцы. XIX—нач. XX в. Историко-этнографическое исследование. Махачкала, 1992, С. 83.
- 17 Петухов П. Очерк Кайтаго-Табасаранского округа. «Кавказ», 1867. № 13.
- 18 Феодальные отношения в Дагестане. XIX—начало XX в. Архивные материалы. Составление, предисловие и примечания Х.-М. Хашаева, М., 1969. С. 32—33.
- 19 Гаджиева С. Ш. Указ. соч. С. 318.
- 20 ЦГА РД. Ф. 21, Оп. 5. Д. 48, 50.
- 21 ЦГА ДАССР. Ф. 21, Оп. 5, ДД. 45, 48, 50.
- 22 Там же, Д. Д. 45, 48, 49, 50.
- 23 Булатова А. Г. Традиционные праздники и обряды народов Горного Дагестана в XIX—начале XX века. Л., Наука, 1988, С. 181.
- 24 Гаджиева С. Ш. Семья и брак у народов Дагестана в XIX—начале XX в. С. 271.
- 25 Алимова Б. М. Табасаранцы XIX — начало XX в. С. 156.
- 26 Фрезер Д. Золотая ветвь. М., Политиздат, 1980, С. 20.
- 27 Мусаева М. К. Хваршины. XIX—начало XX в. Историко-этнографическое исследование. Махачкала, 1995, С. 106.
- 28 Гаджиева С. Ш. Указ. соч. С. 274.
- 29 Там же, С. 275.
- 30 Там же.
- 31 См.: Алимова Б. М., Указ. соч. С. 157—158; Алимова Б. М., Магомедов Д. М. Ботлихцы, XIX — начало XX в. Историко-этнографическое исследование. Махачкала, 1993, С. 107.
- 32 Алимова Б. М. Указ. соч. С. 159; Алимова Б. М., Магомедов Д. М. Указ. соч. С. 108 и др.
- 33 См.: Зиссерман А. Л. Двадять пять лет на Кавказе. СПб. 1879. Ч. 2. С. 378—379.
- 34 Из истории права народов Дагестана. Махачкала, 1968, С. 188—189.
- 35 Памятники обычного права Дагестана XVII—XIX вв. Архивные материалы. Составление, предисловие и примечания Х.-М. Хашаева, М., 1965, С. 33.
- 36 Тамай А. Материалы к вопросу о феодализме и истории Дагестана // «Революционный Восток». 1935. № 5.
- 37 Дагестанский сборник. Махачкала, 1927. Т. III, С. 28.
- 38 Гаджиева С. Ш. Семья и брак у народов Дагестана в XIX—начале XX в. С. 90, 97.
- 39 Шиллинг Е. М., Кайтаги // Шиллинг Е. М., Панек Л. Б. Сборник очер-

- ков по этнографии Дагестана. Рук. Ф. ИИЯЛ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 37, С. 5.
- 40 Алимова Б. М. Брак и свадебные обычаи в прошлом и настоящем. Махачкала, 1989, С. 43.
- 41 Булатова А. Г. Традиционные праздники и обряды народов Горного Дагестана в XIX — начале XX века. С. 175.
- 42 Гаджиева С. Ш., Аджиев А. М. Похоронный обряд и причитания кумыков // Семейный быт народов Дагестана. Махачкала, 1980, С. 49.
- 43 Салихов Б. М. Новый археологический памятник Кайтаго // XVI «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа (тезисы докладов). ИА АН СССР. Ставропольский государственный объединенный краеведческий музей, Ставропольский Государственный пединститут. Ставропольское краевое отделение Советского фонда культуры. Ставрополь, 1990, С. 65.
- 44 Гаджиев Г. А. Пережитки древних представлений в похоронно-погребальных обрядах лезгин // Семейный быт народов Дагестана, С. 29.
- 45 Бромлей Ю. В., Кашуба М. С. Брак и семья у народов Югославии. Издательство «Наука». М., 1982, С. 207.
- 46 Гаджиева С. Ш., Аджиев А. М. Указ. соч. С. 49.

Глава V. ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА

Народное образование

В конце XIX—начале XX вв. основная масса кайтагов была неграмотной. Так, по данным Первой всеобщей переписи населения Российской империи в 1897 г., в Кайтаго-Табасаранском округе грамотность населения на русском, арабском и других языках составляла лишь 6,1%, а в окружном центре с. Маджалис всего 3,3%¹.

Определить численность грамотного населения в Кайтаге, в более ранний период, уровень его образованности при отсутствии статистических обследований, невозможно. Поэтому, при исследовании истории развития грамотности в Кайтаге нам пришлось прибегнуть к анализу преимущественно косвенных источников. Одним из таких источников для нас послужили эпиграфические памятники — наиболее ранние свидетельства арабоязычной письменности. Информацию о грамотности населения Кайтага содержат надписи строительные, надмогильные, фортификационные и др. Эпиграфический материал не только показатель грамотности представителей отдельных слоев населения. Эпиграфическое наследие — первые памятники письменности народов Дагестана, не арабской письменности, а дагестанской на основе арабской графики»².

Эпиграфический материал, который встречается почти в каждом селе, представляет собой и проявление местной культуры вообще.

По мнению Л. И. Лаврова обнаруженное эпиграфическое наследие на территории Дагестана требует «пересмотра ходячего представления, будто народы Северного Кавказа до недавнего времени были бесписьменными. Правда, письменность эта была не на родных языках, — пишет он, — но и широкое пользование латынью в Средневековой Европе само по себе не означало отсутствия у европейских народов письменности»³.

Известно, что столицей Кайтага первоначально был Кала-Корейш, где сохранились остатки средневековой мечети («с превосходным стукowym михрабом», опоясанным арабским текстом П-образной формы, выполненным в стиле «цветущего куфи»¹ и так называемое удмийское кладбище. Внутри Кала-Корейшской мечети сохранилась наиболее ранняя надпись (не позже XIII в.) о местном правителе. Надпись эта содержит следующий текст: «Владыка Аллах, единый, всепобеждающий. Владелец этой могилы в знании напоминает деяния пророков, а благочестие его подобно благочестию Абу Бакара, а добродетель его подобна доблести Али, а справедливость его подобна справедливости Халифов, ведомых по праведному пути, и он обладатель Калакурайша. АХ-С-б-р б. Хиздан, да осветит Аллах его могилу, да простит Аллах его грехи»⁵.

Анализируя стукковые рельефы средневековой мечети селения Кала-Корейш, в частности, Калакорейшский михраб, П. М. Дебиров отмечает, что «второго такого памятника на территории Дагестана нет. Нет такого памятника и на остальной территории Северного Кавказа»⁷.

В Кала-Корейше зафиксированы и куфические надписи, отнесенные Л. И. Лавровым к XI—XII вв.⁸

«К наиболее ранним надписям на территории Кайтага, отмеченным датой, можно отнести три: 1. Надпись из Кала-Корейша, сохранившаяся в бумагах Б. А. Дорна о строительстве дома в 826 году (1422—1423) с указанием имени (обитателя его Башира (?) сына Ислама (Лавров. Эпиграфические памятники, С. 133);

2. надпись на Северной стене мечети в сел. Тама Кайтагского района... «Приказал построить эту мечеть... в году восемьсот восьмом по хиджре пророка», т. е. 1405/1406.

3. Надпись на надмогильной плите — в том же селении: «Прошанный (покойный) «Ибрахим сын Халила — да простит их обоих (Аллах) 888, т. е. 1483.»⁹

Следующие надписи на территории Кайтага обнаружены в селении Маджалис (надмогильные плиты с арабскими надписями). Часть из них датируется XIII—XIV вв. Есть памятники, датированные XIV—XV вв. и XV—XVI в.¹⁰

В селении Гулатди (Дахадаевский район) в южной стене мечети обнаружены несколько надписей, датированных 1484 годом.¹¹ Другая надпись в этом же селении относится к 29 мая 1484 г.¹² Только в Кала-Корейше обнаружено 33 надмогильных памятника, датированных XIV в. В селении Варсит обнаружена надпись о строительстве мечети в 1662—1663 г.¹³, а в селении Маджалис — надмогильная плита, датированная XIV—XV вв.

Список этот можно продолжить. Несомненно одно, что эти арабские надписи должны быть рассмотрены как примечательное культурное явление в жизни «дагестанских народов, как итог об-

щения народов в сфере духовной культуры».¹⁴

Следующим памятником письменной культуры кайтагов был «Свод заповедных законов Кайтаг-Дарго», составленный во время правления Уцмий Рустем-Хана (1601—1645 гг.). Этот судебник представляет собой «один из древнейших дошедших до нас сборников права народов Северного Кавказа. Основное содержание этого сборника составляют уголовно-правовые нормы, его характерной чертой является укрепление положения и усиления прав беков».¹⁵ Текст данного «свода постановлений написан на муйринском (точнее, уркарахском) диалекте даргинского языка в 1829 г., причем в конце документа сказано, что он переписан с другого текста по поручению временного кадия села Кища ввиду того, что предыдущий текст пришел в ветхость и им нельзя было пользоваться.

Один из списков «Свода законов» уцмий Рустем-Хана в переводе с кайтагского наречия даргинского языка был опубликован в свое время А. Комаровым (ССКГ, вып. I, Тифлис, 1868. С. 80—88). Эта публикация представляет большой интерес не только как ценный источник социально-экономической и политической истории кайтагов, но и как свидетельство того, что местные люди уже в то время пользовались аджамской письменностью.

Примечательно, что в тексте свода, изданном в 1964 г. почти не встречаются арабские и тюркские слова, зато много слов кайтагского, сургинского и других диалектов даргинского языка...»¹⁶

Письменная культура постепенно становилась достоянием все большего числа людей. Информацию о грамотности содержат, в частности, прошения жителей Кайтага по разным поводам, документы, привлекавшиеся в качестве улик и т. п.

Распространению грамотности, овладению известным объемом знаний способствовали примечательные школы (мектебы и медресе).^{*} В медресе кроме катехизиса и арабской грамматики изучались логика, география, курс мусульманского права, астрономия. К 1 января 1897 г. в Кайтаго-Табасаранском округе было 108 мусульманских примечательных школ. В них обучались 595 детей (568 муж., 27 жен.).¹⁷

Широко было распространено домашнее обучение детей Корану (особенно девочек). Учителями в таких случаях были не только муллы, но и пожилые члены семьи, знающие арабскую грамоту. В крупных селениях часто в качестве учителей выступали и учащиеся медресе, которые нанимались к зажиточным семьям.

С присоединением Дагестана к России кое-где появляются светские учебные заведения на русском языке. Так, к первому января 1880 г. в Кайтаго-Табасаранском округе была открыта Дешлагарская двухклассная нормальная школа, где учились 68 учеников (44

муж. пола и 24 жен.). В этом же году были открыты и 2 еврейские школы при синагогах (26 учеников). В 1898 г. в окружном центре с. Маджалисе открывается Маджалисское сельское одноклассное нормальное начальное училище, где обучалось 23 чел. В 1913 г. количество учеников в Маджалисском училище достигло 116 чел. (111 муж., 5 жен.)¹⁸.

В 60-х гг. XIX в. открылись вакансии для детей «почетных горских семей» Дагестана в учебных заведениях за пределами Дагестана. Так, в 1868 г. в Бакинском реальном училище обучались 9 чел. из Кайтаго-Табасаранского округа.¹⁹ С 1866 по 1890 г. в Ставропольскую гимназию из Темирхан-Шуриной горской школы, прогимназии и реального училища было отправлено 124 человека; из Кайтаго-Табасаранского округа—7²⁰. С 1880 по 1890 гг. 10 человек из Кайтаго-Табасаранского округа обучались в Темир-Хан-Шурином шестиклассном реальном училище с «основным механико-техническим отделением дополнительного класса».²¹ Один кайтагец из селения Сана-Кари в 1862 г. окончил курс в Закавказской учительской семинарии.²²

Таким образом, письменная культура постепенно становилась достоянием все большего числа людей. Многие стремились овладеть элементами начальной грамоты. А для многих умение читать, писать стало насущной потребностью. Это прежде всего касалось молодых мужчин, которые занимались отходничеством за пределами своих сел, округа и даже Дагестанской области.

ФОЛЬКЛОР

Кайтаги обладают богатым фольклором, в котором особенно интересны легенды и предания.

В каждом селении была своя особая легенда о возникновении села, о тухумах, которые живут в нем. Часть легенд мы уже приводили в предыдущих главах (см. Поселения и жилища; Семья и семейный быт). Здесь мы остановимся на других, но также мало известных широкому читателю.

Многие легенды представляют собой фантастические рассказы на различные сюжеты. Пожалуй, самая распространенная легенда во всем Кайтаге, особенно Нижнем, это легенда о гурхунских озерах («гурхнула шара» (Верхний Кайтаг), «гитгынула ширби» (Нижний Кайтаг), «гирггынула шара» (сел. Карацан).

Впервые эту легенду зафиксировали А. Г. Булатова и А. О. Булатов. Приводимое ими предание повествует о возникновении в Нижнем Кайтаге неподалеку от селения Гурхун двух озер. «...когда-то очень давно на месте этих озер было два селения. В них жили люди, занимавшиеся неблагоприятными делами, кровосмесительством, и они не только не почитали Солнце и Луну, но и позволяли себе по отношению к ним оскорбительные высказывания и

* Мектеб — это школа низшего типа, медресе — школа повышенного типа.

действия: стреляли в них из лука, а самые разнужданные из мужчин хвастливо заявляли, что они, если им вздумается, могут взять эти светила себе в качестве жен. За столь неслыханную дерзость по отношению к своим главным светилам небо наказало этих людей: пучина поглотила их и залила водой. Одна из женщин в это время кормила грудью ребенка в люльке. Увидев подступающую воду, она взмолилась, прося пожалеть хотя бы малое дитя.

Небо снизошло к ее просьбе, и вода начала понемногу отступать, но женщина, не заметив этого, чтобы продлить себе жизнь хоть на миг, влезла на люльку, придавив ребенка. И тогда владыка неба, поняв, что женщины здесь столь же безразличны, как и мужчины, отказался от намерения спасти эту мать, и все потрундилось в воду. По легенде, озера эти бездонны и вода в них холодна, как лед, и очень прозрачна. В ясную погоду, где-то в глубине просматриваются очертания строений. Люди в этих озерах не купаются, так как считается, что это опасно для жизни, и не ловят в них рыбу, так как, говорят, здесь водятся не рыбы, а змеи с человеческими лицами, которые могут утащить рыбака на дно.²³

Г. А. Гаджиев записал несколько другой вариант легенды. В уже упоминавшемся предании речь идет о двух селениях и о двух озерах. В предании же, записанном Г. А. Гаджиевым, речь идет об одном озере и об одном селении: «В селении Маджалис распространен рассказ об озере на границе с Табасаранским районом. Некогда на его месте стояло селение Гурхун. Его жители невзначайно отнеслись к Луне — они, прицелившись, стреляли в нее. Луна наказала за это сельчан: за одну ночь село стало дном образовавшегося на его месте озера со страшными обитателями. Длина озера около 200 м., а ширина 100 м. Спустя некоторое время в нем исчезло стадо коров, шедшее за одной коровой. Оно исчезло бесследно, но на поверхности появились кровь. С тех пор люди обходят это озеро стороной. Вода в нем стоячая, стока нет, поэтому вокруг ощущается неприятный запах. Этот запах, как полагают верующие, исходит от драконов, обитающих здесь».²⁴

Вариант легенды, рассказанный мне информаторами в разных селах, почти повторяет предыдущие. Разница лишь в некоторых деталях. Так, например, одни информаторы утверждают, что озер было два («гигьнила ширби»), другие одно («гурхнила шара»). Одни утверждают, что местность эта находится рядом с табасаранским селением Гурхун, другие же (их большинство) говорят, что в далеком прошлом около селения Джавгат было еще селение Гирьгани. На месте этого селения и образовалось озеро (гигьнила шара).

По рассказам информаторов, в этом озере нельзя было купаться, пить из него воду, вообще использовать воду для каких-либо целей. Рассказывают, что как-то проходившие мимо озера буйволы

решили искупаться в нем. Как только они очутились в воде, стали тонуть, а на поверхности воды стали появляться кровавые пузырьки. После этого, якобы люди стали сторониться озера.

Нельзя не коснуться еще одного момента. Опуская многие подробности, содержащиеся в другой легенде о «гигьнила ширби», следует заметить, что в начале эта легенда во всех подробностях приснилась одной женщине. Она не придавала особого значения своему сну. Но сон оказался вещим. Сон как-бы предупреждает сельчан о катастрофе, но они не поверили сну. Спустя несколько дней женщина увидела прибавление воды в реке, а в следующее мгновение вода поглотила все село со всеми жителями.

Интересно отметить, что в селениях Нижнего Кайтага при ссорах жителей соседних сел проклинали такими словами: «Нишла шилля шилля гьадигьацци гьигьнила ширби гван аг» («Чтобы с вашим селом случилось то же самое, что случилось с «Гигьнила ширби»).

Некоторые легенды, например, носят моралистический характер. По дороге в селения Янгикент и Туменлер в местности «бак—чалар» есть огромная пещера под названием «дам уй» (досл. «баран дом»). У входа в пещеру множество разбросанных камней различной величины. Рассказывается, что в этой пещере жил один очень богатый барановод. Он был настолько богат, что когда он выводил своих баранов пастись, человеческий глаз не мог охватить отару. Но люди говорили больше не о его богатстве, а о его жадности. Барановод жил один и у него никогда не бывало гостей, родственников. Он питался одним хлебом и водой и сторонился людей. О жадности его ходили легенды. Рассказывают, что однажды к нему заглянул один путник и попросил у него разрешения остаться до утра. На самом деле, этот путник был малайик» (ангел), спустившийся на землю с целью узнать правду о скотоводе. Какой-то внутренний голос подсказал барановоду, что этот человек не совсем обыкновенный. Он принял его, усадил, а сам вышел распорядиться об угощении. Хотя у него и была многотысячная отара, для гостя он зарезал кошку и из ее мяса приготовил еду. Гость отказался от еды, сославшись на то, что он не голоден, устал и хотел бы поспать. Малайик понял, что этот скотовод не только жаден, но он и безбожник и прежде чем лечь спать подумал про себя: «Пусть он со своей многотысячной отарой обратится в камни». Когда гость утром встал и вышел из пещеры, то увидел, что хозяин и его бараны окаменели.

Существует множество рассказов-легенд о первых поселенцах в том или ином месте, о врагах, заходивших на те или иные земли, о разбойниках и т. п. Так, например, рассказывают, что на том месте, где расположены в настоящее время селения Маджалис и Сатчи протекала огромная бурная река. Постепенно река обмелела. В дальнейшем между двух скал появились селения Маджалис

и Санчи. Селение Санчи основал некто по имени Къади. (Это селение когда-то называлось «Къадила ши»). По легенде их было три брата — Къади, Ахмед (имя третьего информаторы не помнят). Къади основал селение Санчи, а Ахмед — Ахмедкент (АхИмадлаши).

Согласно другому преданию, самая высокая точка на горе в Маджалисе называется «гелли яр» («невесты гора»).

Рассказывают, что когда-то на Кайтаг напали казаки («къазакълар»). Они принесли жителям этого края много несчастий: грабили, убивали людей, а их женщины пытались обесчестить. Одна засватанная красавица — невеста смогла убежать от них. За ней погнались три «къазакълар». Она бежала, бежала и дошла до горы. Они вот-вот должны были догнать ее. Она стала подниматься на гору и когда достигла самой высокой точки горы до ее платка дотронулся один «къазакълар». Тогда она бросилась с горы в пропасть, а в руках къазакълар остался лишь ее платок. Тело девушки смешалось с камнями. Так что къазакълар не смогли надругаться над мертвой. Так печальна эта легенда, говорят информаторы. Обычно эту легенду рассказывают с грустью и в то же время с гордостью. До недавнего времени около этой горы останавливался каждый путник, проходящий мимо нее, и обязательно приносил что-нибудь в жертву. На деревья и кустарники, находящиеся у горы, верующие вешали кусочки материи, молились.

Известны кайтагам и исторические предания. Это обычно не вымысел, а рассказ о более или менее достоверном. В этом отношении заслуживает внимание предание, записанное Е. Шиллингом. (См.: гл. III).

В другой легенде говорится «о разрушении народом (восставшим против владетелей, насилующих девушек) ныне не существующего княжеского селения Аршра. После этого, повествует легенда, владетели разошлись в разные места по стране и от них то и повелись в Дагестане у разных народов впоследствии князья».²⁵

В этой связи хочется привести еще одну легенду, записанную Р. М. Магомедовым в селении Карацан. Легенда эта повествует «о том, как кайтагцы и табасаранцы боролись против ставленника Надир-Шаха Магомета».

Этот Магомет обосновался у Соленого родника (по местному Чумус Гиниц) в двенадцати километрах от села и в шести километрах от современной станции Мамедкала. Отсюда Магомет посылал своих людей в окружающие аулы для сбора дани. Сперва он брал по грозди винограда с каждого жителя, потом стал брать корзину и, наконец, дошел до того, что стал похищать девушек для шахского гарема.

Власть Надир-Шаха в первые месяцы его владычества, видимо, признавалась здесь только формально. Об этом говорит незначи-

тельный налог. Потом завоеватели стали более нахальными в своих притязаниях. Население возмущенное наглостью иноземцев, восстало. Села объединились, избрали руководителей отдельных отрядов, которые стали совещаться, как лучше организовать нападение на резиденцию шахского наместника у Соленого родника.

Один из руководителей отряда, представитель аула Хадасм, предложил хитроумный план: подковать лошадей, прибав подковы наоборот, чтобы след обманул противника. Многие не верили в успех дела, но старики говорили: «Когда мы выступаем в одиночку мы — ничто, но если мы соединимся, Магомет нас не одолеет. Одну розгу и ребенок сломает, а пучок розг не может сломать и богатырь». Умный совет стариков воодушевил горцев — почти все теперь присоединились к восставшим.

Ночью один горский отряд напал на гарнизон наместника Надир-Шаха, а основные силы горцев устроили засаду в окрестностях села.

Когда персы погнались за напавшими на них горцами, эти основные силы восставших двинулись на персов из засады и захватили почти весь гарнизон. Когда к Магомету подоспело вызванное им подкрепление, горцев уже и след простыл.

Магомет погнался за горцами и остановился в недоумении.

Гнаться было не за кем. Оказывается, отряд восставших ушел совсем не туда, куда показывали следы копыт.

Так военная хитрость и сплоченность горцев выручили их из беды».²⁶

Нами зафиксированы легендарные сказки о встрече с нечистой силой. Их сюжетная канва такова. На человека нападают джинны, шайтаны, домовый и т. д. Человек или одолевает их с помощью различных приемов и обрядов или же этот человек заболевает (горяет рассудок, его парализует и т. д.)

В одной легендарной сказке «Ишбинна Хява», записанной Б. М. Салиховым, в селении Адага Кайтагского района говорится о том, что селения Сулипа, Адага и другие соседние села были окружены густыми лесами. В этих лесах когда-то жили «лесные люди». «Однажды, когда житель селения Сулипа пошел в лес, он увидел там обнаженную лесную женщину Ишбинна Хява (Хява), которая кормила грудью ребенка. Она попросила его не рассказывать о встрече с ней, о том, что она живет в лесу. Но житель селения Сулипа нарушил запрет, данный им лесной женщине».

Когда Ишбинна Хява узнала об этом, она прокляла его «Пусть разрушится селение Сулипа, а в Адага уменьшится до четырех упряжек быков». После этих слов она не осталась на прежнем месте и стала жить в окрестных лесах селения Кубачи. Из-за покровительства лесной женщины, кубачинцы стали якобы богатыми.

Если раньше селение Сулипа было крупным «Как большой го-

род», а в случае тревоги из него одновременно выезжали сорок всадников, то после проклятия Ишбинна Хява все жители этого селения якобы вымерли от холеры.

Селение Адага также сильно поредело, остались только четыре квартала и четыре упряжки быков».²⁷

Помимо преданий, легенд, кайтаги рассказывают о невероятных авантюрных шутках, допускаемых женщинами по отношению к мужчинам. Так, кайтагские женщины во время коллективных работ по обмазке дома, закидывали глиной всех мимо проходящих мужчин в какой бы хорошей одежде они не были. Некоторые из мужчин откупались деньгами, какими-нибудь продуктами. Чаще всего мужчины уходили сильно испачканными. Все эти действия сопровождалось шутками, весельем и не вызывали ни у кого обиды.

По материалам Расула Магомедовича Магомедова в селении Ицари «сохранился старинный обычай, подчеркивающий превосходство женщины над мужчиной. Когда ицаринским девушкам на пути их следования в поле встречается всадник, они сталкивают его с лошади и начинают всячески издеваться над ним. При этом одна из девушек ущипнет мужчину, другая пустит в ход словесную шутку, третья делает попытку побороть всадника, а четвертая еще как-нибудь напроказничает. Все это совершается под возгласы: «Ну, и мужчина же! Какой же ты мужчина, если не можешь одолеть девушек! Тебе не папаху носить, а платок!»

Завершается испытание тем, что мужчину отстегивают крапивой по мягкому месту. Характерно, что так ицаринские девушки поступают не с односельчанами, а только с чужими, проезжающими через аул.

В поведках ицаринских девушек, видимо, тоже сохранились какие-то отзвуки матриархата».²⁸ В исследуемое время это лишь своего рода шутки ради забавы.

В одной социально-бытовой сказке рассказывается о том, что «Когда на даргинской земле появились арабы, кайтагский уцмий стал жить в Уркарахе. Уркарахцы были вольными людьми, но уцмий не считался с их волей, пас на сельских полях свой скот, издевался над сельчанами.

Уркарахцы собрались на площади и стали кричать, что они не рабы уцмью, что они сумеют расправиться с ним.

Но как это сказать уцмью?

По совету одного из стариков люди сделали так. Они схватили быка принадлежащего уцмью и закололи его на виду у уцмья, перед его дворцом.

Уцмий испугался и послал спросить, что уркарахцы хотят сделать с мясом быка.

Тогда люди разрубили мясо быка на куски и бросили все собакам.

Перепуганный уцмий понял, что это означает, и удрал из Уркараха».²⁹

Фольклор кайтагов включает в себя и множество считалок, жеребьевок, потешек, дразнилок и т. д., предназначенных для распределения ролей и очередности в различных детских играх, когда играющие дети состоят из двух партий. Обычно считалки произносились в форме пересчета четко, ясно и имели четыре и более стиха. Тот, кто произносит считалку, по очереди касается рукою каждого играющего и скандирует:

«Акинд-акинда кид-Хябида,
Хябал тила ТяхI-ТяхИла,
Мирхьи хьирхьи хьилла
Хьулум гьалИр, КапИр санна
Турум!
Тякьлачи!»
«Битики, битики бидандали
Далкьи бидан сакьтияи
Умма халах
Лахла халах
Чибилдирыкь, даидирыкь».

Жеребьевки обычно состоят из двух строчек!

«Гьачур, вачур, чамда гьамда
бигИади кантI».

Мы записали и некоторые клятвы, благопожелания, проклятия.

Одним из широко распространенных клятв у кайтагов (впрочем, как и у многих других народов) было произнесение проклятия в адрес своей семьи, дома, детей. Например, когда женщину обвиняли в чем-нибудь, а она не виновна, она произносила примерно такую клятву: «Воллагь, биллагь, даргья вевкIав дила рахли барадалли гьел цикIал». («Воллагь, биллагь, пусть умрет мой сын, если я это сделала»).

Когда человека обвиняли в воровстве, он давал такую клятву: «дул гьех цикал бигIян рихIадал дила гIябалра тIалакла махIар черкабикав» («Если я украдала или украд, то пусть пропадет мой махар»).

Благопожелания:

Если человек отправляется в путь по важному делу, говорят: «Игь (гIяхI) хьуни бигьав, урчи агьли кьугьали червигьаби». «Ила мурад агулди червигьаби» («Пусть путь будет добрым, желаю, чтобы вернулся счастливым (со счастливым сердцем)»; «Желаю возвращения, осуществив цель путешествия»).

Совершенно самостоятельным жанром фольклорных произведений были проклятия.

Мы записали несколько проклятий. Все они произносятся женщинами. Мужчины обычно проклятия не произносили.

«Ила гІязизил везкъ» («Чтобы твой близкий (любимый) умер»); «Кутавла кІултІа ицала» («Чтоб тебя поразила неизлечимая болезнь»); «Ажала ицала», «Вабаъла ицала» («Чтобы тебя холера взяла»); «УвкІанил ицала» («Чтобы тебя постигла смертельная болезнь»). Если кто-то наступил на ногу: «Бардакъула ицала» («Чтобы тебя болезнь костей взяла»); «Загърула ицала». («Чтоб ты ядом отравился») — если кто-то съел то, что ему не принадлежит; «БужІмала ицала» («Чтоб тебя радикулит схватил»),

Календарь и календарные обряды, праздники

Кайтаги, как и многие народы, пользовались лунно-солнечной системой времясчисления.

Год — «дус» состоял из 12 месяцев «бацц» и делился на четыре сезона (зима — «гани», весна — «эв», лето — «дуцІрум, осень — «ивхъни»). Месяц делился на недели (жумягІ» (Пятница — «жумягІ бари»). Названия дней недели следующие: итни, талат, арбаъ, хамис, жумягІ, сүт, алхІят. Лунный год был равен 354 суткам, а лунный месяц — 29—30 дням.

Счет дней у кайтагов велся на 6 дней вперед (сегодня — ижал, завтра—гъурш, послезавтра — гъуршла бугал, послепослезавтра — цара-бари, еще послепослезавтра — цилцара, бари) и на 4 дня назад (сегодня — ижал, вчера — са, позавчера — сарбари, еще позопозавчера — сасар бари).

В сутках кайтаги различали 11 основных частей:

Время перед рассветом (когда начинается новый день) — время молитвы — гъабигралла, утро — чиркар, полдень—дажелла, 5 часов вечера — нисналла, 7 часов вечера — гъералла, с 7 часов вечера до 9—10 часов вечера — дуччи, до 12 часов ночи дархя.

Дни в месяце чаще определяли по фазам луны. Так, вспоминая о времени рожденья кого-то говорили: «бацц кабиркли варибил» («родился, когда месяц кончался»).

О новолунии говорили: «бацц цибихІявли».

Они почитали луну и солнце. Кога появлялась молодая луна приветствовали ее словами: «Саламат бираби» или «Саламат бар бацц».

При первом громе просили бога, чтобы лето было удачное. Когда впервые появлялась радуга «амилла дерекка» («ригъала тІал») говорили: «Аллагъли къарши барибил ца» (бог нам послал огонь).

* «Къукъу» в общ. Ирчамуль означает гром, «ламц—молния, словосочетание «къукъу-ламц» — гроза.

Люди обычно боялись молнии «цалиппай» (общ. Кара-Кайтаг), «къукъу-ламц» (общ. Каттаган), «цалип» (общ. Ирчамуль).

Они знали Полярную звезду «Хола зури», Сириус — «Шалка зури», созвездие Орион «ГІявурми».

Интересно отметить, что когда-то кайтаги пользовались и животным календарем. К сожалению, они многое в нем путают и в памяти народа сохранились лишь отрывочные сведения об этом календаре. Им известен год медведя «сикала дус». Говорили, что этот год обычно бывал урожайный и благополучный. На этот год кайтаги всегда возлагали особые надежды. Помнят они год зайца («гъвярила дус»), год кабана — «жакъалла дус». «Жакъалла дус» — чаще всего бывал неблагополучный; год овцы — «марцалла дус» (год благополучный) и год коровы — «къвялла дус» (год благополучный).

Сезоны года кайтаги определяли по движению солнца относительно определенных ориентиров. Обычно по закату солнца определяли признаки весны. Так, например, в селении Кулиджа если солнце садится на дерево около местности «Цужкала шараса», то уже весна. Наблюдательным пунктом обычно был годекан.

Если рано утром однажды обнаруживали сосульки, говорили, что уже пришла зима. Продолжительные дожди означали приближение осени.

Кайтаги почти безошибочно умели определять погоду на ближайшие один—два дня. Обычно после появления радуги «амилла дерекка» ждали хорошую погоду. Кулиджинцы, например, погоду узнавали по направлению туч. Если тучи шли из Бажлука в сторону селения Лица над селением Кулиджа, ждали хорошую погоду. Если же, наоборот, быть дождливой погоде.

Все кайтаги погоду определяли и по поведению осла. Если осел кричит, ведет себя беспокойно, ждали плохую погоду.

Когда в ясный солнечный день вдруг появлялись капли дождя и тут же быстро они исчезали, говорили, что это «заячья моча» («гъвярила дацци»). В ближайшие два дня после этого ждали дождя.

Время сева кайтаги определяли таким образом. На вспаханную землю на определенную глубину просовывали руку и по тому, на какую глубину уже согрелась почва, решали, когда начинать сев.

Наши материалы свидетельствуют, что кайтаги придавали особое значение весне («эв»). Весенние месяцы у них делились на более мелкие периоды по 12 дней. Они следующие:

«ТІакърикъни» — с 17—23 марта.

«мардухни» — с 29 марта по 10 апреля.

«хилла», «хир» — с 11 апреля по 22 апреля.

«Царкъу (ла)». («Целкъва» с. Санчи) — с 23 апреля по 4 мая».

«Эрыи» — с 5 мая по 16 мая.

Каждый период, в свою очередь, распадается на два полу периода, по шесть дней каждый. Первые шесть дней называются «слижвела бирми» (морозящие дни) и считаются плохими днями, а вторые шесть дней обычно бывают благоприятные.

Лето и осень не разбиваются «на такие дробные периоды, как весна»³⁰. Зима же («га» («гани») делится на три периода: начало зимы «га цадагъни» («га бабънхъни»), середина — «га багахъни» и «конец зимы «га кабикии».

Мы обратили внимание на наличие большого количества вариантов этого календаря. Информаторы и здесь многое путают. Так, например, пиякъинцы самое холодное время года называют «цёркъвала», затем наступает «такърикъналла бирми», затем — «эвдикри». Конец зимы и начало весны у них называется «Гакабиржан».

В селении Кулиджа первую половину весны называют «хъягикарла гатти», вторую — «цуккала шараса». Лето также делили на две половины: первая половина — «гъанаши» («гъанаши цебегъивли»), вторая — «турши бухъунни» (или «турши булхъан»). Обычно в этот период созревают груши, начинают уборку пшеницы.

Время турши считалось у всех кайтагов самым капризным периодом. В этот период погода резко менялась, ночи становились холодными. По этой причине не рекомендовалось спать ночью под открытым небом, оставлять скот вне дома. Обычно это бывало в конце августа. После этого ночи становились холодными, а дни прохладными.

Кайтагские кумыки говорили, «что тот, кто увидит «рождение (восход) звезды Туршу, вскоре умрет...». «Приметой периода восхода этой звезды и следовательно, начала осени, считалось потемнение ягод бузины (хулды) и ежевики (чадур, бюрюлген).

Кумыки говорили также, что только в ночь, когда рождался Туршу, ягоды винограда приобретали свой вкус. (Туршу тувган гече юзюмге татув тюше).

Кроме того, существовало убеждение, что «рождение Туршу предчувствуют овцы, что в эту ночь они прячут свои головы под шею друг друга, ложатся спиной к востоку, откуда появляется Туршу. Считалось также, что в ночь восхода Туршу дыня от жары лопается («Туршу тувган гече пастан ярыла»), чем подчеркивалась сила восходящей звезды».³¹

Кайтаги различали в своем календаре «тяжелые» и «легкие дни». Все они к последней среде месяца относились с опаской и называли ее «цикан са абахъан бари». Среда и понедельник считались неблагоприятными днями для начала каких-либо важных для семьи дел.

Значительное место в календаре кайтагов занимали обряды и обычаи, призванные «охранять» урожай. К ним, в частности, относятся обряды и обычаи вызывания дождя и солнца.

Кайтаги верили, что молитвами можно изменить погоду. Поэтому почти во всех селах и обществах с целью вызвать дождь или солнце пожилые люди посещали «святые могилы» — (пиры) и совершали коллективные моления. В некоторых селах эти обряды сопровождались более сложными представлениями с куклой.

Нам представляется, что наиболее древними обрядами вызывания дождя и солнца у кайтагов были, именно обряды с куклами.

Обряды вызывания дождя имели много вариантов в различных селах. Так, жители селения Варсит с целью вызвать дождь отправлялись к специальному «священному» камню «дурхъал пир». Обычно к «дурхъал пир» приходила самая старая и уважаемая в селе женщина с добрым сердцем. Она подходила к камню, гладила его и приговаривала: «О святой пир», сжалась над людьми, все что посеяно сохнет, пошли людям дождь».

В селении Карацан в конце склона на пашне был камень причудливой формы (фигура человека). Во время продолжительной засухи к этому камню отправлялись женщины во главе с женщиной-первенцем. С собой они брали угощение, в которое входили и обрядовые фигурки птиц, животных, выпеченные специально для этого случая.

Все это тут же раздавалось присутствующим. Затем все женщины трижды обходили камень и обращаясь к богу просили дождь.

Весь обряд сопровождался молитвами. После женщина-первенец подходила к камню и в сопровождении молитвы переворачивала его, затем все уходили. В данном случае надеялись, изменяя положение камня, изменить погоду. Если после этого начинали идти продолжительные дожди, женщины возвращались к камню и приводили его в прежнее состояние (культ предков).

Во всех селах, чтобы пошел дождь, разрушали муравейник и мешали его с землей.

В некоторых селениях, с целью вызвать дождь надмогильный камень с могилы погибшего опускали в воду и оставляли до тех пор, пока не пойдет дождь. После того, как пойдет дождь, камень ставили на место.

В селении Карацан для вызова дождя устраивали и обряд с дождевой куклой. В нем принимали участие девушки, дети. Одна из участниц (девушка-первенец) во главе процессии несла куклу, сделанную из двух палок (вторая палка прибавалась на верхний конец первой поперек) и наряженную в женскую одежду. С этой куклой девушки ходили по дворам и пели песни.

«Бари, боклав, аргъ бархъав,

Марка барав я, Аллагь.
Мисселла дигъи дархилл.

(«Чтобы и солнце было и погода улучшилась,
Чтобы дождь пришел с тучами и облаками»).

Хозяева в ответ должны были облить их чистой водой и одарить продуктами, обычно фруктами (орехами, яблоками).

В селении Маджалис для вызова дождя также проводили обряд с куклой. Назывался обряд «мургырек». Куклой служили деревянные вилы, на которую также надевали женскую одежду. В этом обряде принимали участие только девушки. Они также ходили по дворам и исполняли песню такого содержания:

«Ва мургырек, мургырек.
Массай мургырек.
Мургыреке не герек?
Габанина сув герек
Къойчу уланга не герек?
Къонгур чачлы къыз герек?
Сабанчига не герек?
Сабанина сув герек».

«Ва мургырек, мургырек.
Массай мургырек.
Что нужно мургырек?
Вода для пятки.
Что нужно парню-чабану?
Девушка с вьющимися волосами.
А что нужно крестьянину?
Крестьянину нужна вода».

Хозяева в ответ обливали их водой и одаривали продуктами. По завершении обряда (после того, как обойдены все дома) у мечети или «кпира» девушки распределяли продукты и расходились. Иногда, собранные продукты раздавали, сопровождающей их толпе.

Интересно отметить, например, что санчинцы (магал Маджалис — Катта) также проводили обряд вызова дождя с куклой, но песню исполняли они на кумыкском языке.

«Ва аз къатун, аз къатун.
Аз къатунга не герек?
Сабанчига сув герек.
Бизга сув не герек».

Г. А. Гаджиев обратил внимание на то, что «у кумыков, части даргинцев (Кайтагский район) для вызова дождя существовал чисто женский образ с использованием ритуальной куклы. Она называлась Замира (кумыки), Азкъатун или Сускъатун (кумыки, даргинцы) — в далеком прошлом в пантеоне народов богиня дождя, в переводе означает «водяная женщина». Вероятно, — пишет он далее, — возникновение божества в облике женщины можно отнести к периоду бытования матриархата, а плодородные свойства дождя связываются с плодородными свойствами женщины-матери, родильницы».³²

По всей вероятности, здесь речь идет не о «водяной женщине» — «Сют къатун». (у Г. А. Гаджиева «Сускъатун»), а о «молочной женщине» — «Сют къатун». «Часто в песнях-заклинаниях кумыков о дожде наряду с образом Замире упоминался и сют къатын» (букв. «молочная женщина»).

«Ва сют къатын-сют къатын!

Эмчеги екъ сют къатын (в некоторых вариантах произносится в форме: «бир эмчеги екъ сют къатын (не имеющая одной груди, сют къатын)).
Екъ болса да не бола?
Иылаганны тындыргъаи,
Ба Земира, гьаллалай!
(О, молочная женщина — молочная женщина!
Женщина, не имеющая груди,
Что с того, что нет у нее груди?
Она успокаивает плачущего,
О, Земира, радость моя.)»³³

Кумыки, обращаясь к небу, не произносили имя «Су-хатын», как это делали среднеазиатские женщины, а произносили «сют-къатын».³⁴

Почти во всех селениях при длительных дождях исполняли обряд вызова солнца «Бари бакIла кIатIада» (С. Карацан). Из деревянной ложки делали небольшую куклу, с лицом похожим на солнце. С этой куклой ходили вокруг «пиров» и просили солнце.

В селении Маджалис куклу также делали из большой деревянной ложки, которым мешают халву «къалакъ къашыкъ». Лицо ее делали похожим на солнце. На голову надевали платок с длинными кистями (косы солнца) и ходили по селу с песней:

«Гун чыкъ, гун чыкъ!
Арув къызиг алып чыкъ,
Эрни къызигг эшик артда
къойуп чыкъ».

«Солнце, солнце, выходи!
Возьми с собой красивую дочь,
а некрасивую оставь за дверью!»

В обряде принимали участие молодые девушки. За ними обычно бегала детвора, а взрослое население села поднималось на свои крыши, чтобы посмотреть это зрелище. Здесь следует отметить одну деталь. Все сопровождающие куклу девушки на головы надевали мешки треугольником с острым концом. В селении Санчи был такой обряд вызывания дождя. Сельчане (большей частью молодежь) собирались на одной из площадок аула около пира. Молодежь с куклой, хворостинами (палками) спускалась напевая песни к речке — куклу обливали водой, палками разбрызгивая речную воду и сами при этом обливались и просили дождь.

В это время на площадке варился суп из пшеничной крупы и устраивалась совместная трапеза. Кушанье готовили семейные многодетные женщины. Все это сопровождалось играми, весельем.

Были обряды, исполняемые с целью сохранения урожая. Эти обряды обычно сопровождалась жертвоприношениями, коллективными молениями и трапезой.

Все кайтаги отмечали праздник весны («Гевла байрам» — Навруз).

К празднику весны начинали готовиться заранее. Задолго до ее начала готовили продукты. В масках «ряженные» начинали ходить по селениям недели за две до начала весны, маршрут их традиционно был один и тот же: из горных селений в нижележащие.³⁵

Обычно Навруз праздновали в течение трех дней. В дни Навруза (первые 3 дня) девушки раскачивались на качелях. «В каждом квартале селения были свои определенные места их привязывания.

Там, где над улицей проходил навес, к толстым балкам подвешивали крепкую веревку, специально сплетенную из пяти обычных. На определенном расстоянии друг от друга, но поблизости, конструировали по две пары качелей для двух подружек. Каждая девушка при раскачивании на качелях держалась за веревки вышитыми лоскутами материи, заготавливаемыми специально к этому дню. Раскачиваясь, девушки пели по очереди свадебные песни, состязаясь друг с другом. К месту раскачивания девушек могли приходиться парни. В этом случае они качали девушек и пели им песни в виде вопросов, на которые девушки отвечали также в песенной форме.»³⁶

Праздник весны в каждом обществе имел свою специфику. Так, например, «В первые дни весны несколько человек, прибывших из высокогорного с. Ицари, обходили даргинские селения Верхнего Кайтага в вывернутых наизнанку меховых шубах. Они заходили в каждое селение, сообщая радостную весть, что весна началась, и произносили при этом следующую словесную формулу: «Шатбен, шатбен (не переводится — А. Б.). Я уже чистый», а их одаривали продуктами питания».³⁷

Кайтаги отмечали специальными праздниками начало и окончание сенокоса, жатвы. Пилякынские женщины в день начала сенокоса и жатвы надевали нарядные платья обязательно красного цвета (красный цвет символизировал огонь, солнце, связанные с плодородием).

Проходящие мимо во время жатвы люди говорили: «Хъали ачелли бицлав» («Чтобы дом наполнился пшеницей»). По окончании жатвы и сенокоса говорили: «Хъу дерхъав» (санчинцы «хъу дерхъав» говорили, приветствуя крестьянина при вспашке и высева поля хлебного). Окончание жатвы отмечали праздником «гъанашилла байрам». Карацанцы устраивали праздник «деки ду-кьан» (окончание молотбы).

В тех селениях, где издавна занимались виноградарством, «сохранился еще один древний праздник «ахърарцила байрам» — (праздник прополки). Он был самым большим праздником и проводился примерно в середине мая, обязательно от субботнего дня до субботнего. В назначенный день утром все жители селения

высыпали на площадь или на окраину аула, плясали и пели. Сразу после этого все мужчины в возрасте от 16 лет обязаны были направиться к виноградникам, расположенным далеко от аула. Весь скот также угонялся. В селении разрешалось оставаться только женщинам и детям. Мужчина, оставшийся в ауле, подвергался штрафу в 6 рублей (цена одной коровы), а женщины после этого заявляли, что перестали считать его мужчиной. Задержавшийся по каким-либо причинам мужчина имел право выехать из аула только одев женскую одежду. Всю неделю мужчины работали на прополке, а женщины веселились — днем они танцевали, а вечером — пели. В следующую субботу мужчины возвращались, причем только все вместе и только с восходом солнца».³⁸

О праздновании праздника «ахърарцила байрам» в сел. Карацан рассказывает в своих статьях³⁹ Б. М. Салихов. Он, в частности, отмечает, что накануне праздника жители селений Карацан, Карталай, Джинаби, Джавгат, Джибахни, Машатди, Кулегу, Варсит, Пиляки, Кирки, Баршамай Шиляги* и др. собирались в местечке «Диванна татти», что недалеко от сел. Кулегу и обговаривали день проведения праздника.

В назначенный день с утра все мужчины в возрасте от 16 лет направлялись к виноградникам у урочища «ччумус гъаниц» («соленый родник»). Весь скот также угонялся. В селениях оставались только женщины и дети.

Празднование начиналось с игр, состязаний. Обязательными были бег, борьба и конные скачки. Конные скачки проводили обычно в местности «укари». Победителю конных скачек или владельцу лошади, пришедшей первой к финишу (наездником мог выступать не хозяин лошади, а другой человек), вручали подарок.

По завершению спортивных состязаний, изгородь, окружавшая виноградники убиралась и мужчины начинали работу (прополку «араца», устанавливали шпалеры «къягни калти» и др.). На ночлег устраивались в шалашах по 10—15 человек (группировались по тухумам, селам). Самый большой шалаш назывался «савгурила къуш» (сторожевой шалаш).

Всю неделю пока мужчины работали, женщины веселились в селе. Обычно с утра они приводили в порядок дом (белили, очищали хлев от навоза и т. д.), а в полдень с веревками для качелей отправлялись в местечко «мугъла хIярччи» и там раскачивались на качелях. Так они веселились до самого вечера. После этого все вместе отправлялись за водой. Ночью в центре села устраивали танцы. После танцев, сидя на плоских крышах домов пели

* Здесь следует отметить, что не организовывали праздник жители тех селений, в которых не получило распространение виноградарство, но принять участие в праздновании имели право жители любого села.

чагушки, обрядовые песни. Здесь девушки вступали в настоящие поэтические состязания.

Увидев в селе мужчину, женщины кричали «вот,носящий папаху». Если удавалось его поймать, то женщины его избивали, всячески издевались над ним.

По завершении работ самые старшие и уважаемые старики шли «съесть хинкал» савгури («савгурила хинк! беквана»).

В последний день все снова собирались у «ччумус «Гяниц» и устраивали заключительные игры, скачки и т. д., а рано утром с восходом солнца все отправлялись по домам.⁴⁰

Как считает М.-З. О. Османов, «Возможно, в этом празднике наблюдается наслоение различных обрядов. Нам думается, что в нем слились летний праздник скотоводов, которые уходили летом со скотом на пастбища, и земледельцев. Основа его скотоводческая, о чем свидетельствует увод всего скота и оставление женщин. Но с внедрением интенсивного земледелия он получил земледельческую окраску (прополка), однако с использованием ее опять-таки для охота (вырванная трава — скоту)»⁴¹

В конце весны — начале лета кайтаги и табасаранцы собирались на сбор черешни. Участники сбора черешни обычно приходили с ночевкой. «Ночевали здесь же, во временных шалашах. Заключались работы большим праздником в одном из специально для этого предназначенных мест: недалеко от с. Хурик в местности Хина, или недалеко от Геджуха, или ша большим луку около с. Варсит в Верхнем Кайтаге. Здесь, помимо увеселений, происходили большие конные состязания, собиравшие многочисленных участников».⁴²

Кайтаги и сами приглашались табасаранцами на праздник черешни, винограда, сенокоса. Все эти праздники обычно завершались обильным угощением, танцами, песнями, конными скачками. Победителю конных скачек вручали приз «флаг» (материю, натянутую на палку) или барана.

Большое распространение в Кайтаге получили праздники в честь нового урожая винограда. «Кайтагская лоза по мнению стариков, древнее дербентской. Рассказывают, что по обычаям аулы (или даже группы аулов) выбирали стариков, которые распоряжались садами и виноградниками.

Отдельные хозяева без их разрешения не могли входить в свои сады и раньше установленного срока не имели права срезать ни одной кисти винограда. В торжественный и заранее объявленный стариками день начала уборки винограда все одевались по праздничному и начинали работу. К садам сходились гости из других мест. Здесь же устраивалось что-то вроде импровизированного базара и общественного сходбища».⁴³

Обычно на этот праздник приходили целыми семьями с

угощением для себя и своих гостей. «Это был большой общественный праздник «икъри хьурсан-бари» с разнообразной развлекательной программой, недаром кайтагская поговорка гласит: «Во время жатвы я бы умерла, во время сбора винограда я бы воскресла».⁴⁴

Специальных зимних общественных праздников у кайтагов немного. Лишь середину зимы в начале февраля они отмечали праздником «Шуккула Ша» (огонь углей). «Мужская молодежь к этому дню срубала в лесу дерево, к ветвям его подвязывала ячменные снопы, из которых предварительно были выбиты зерна, и устанавливала его в определенном месте на горе над селением. Сюда же со всех домов селения дети несли топливо: хворост, ветки, бурьян и т. п. Если кто-нибудь из хозяев отказывался его дать, не возбуждалась кража у него лучшей части из заготовленных им дров. Пострадавший не имел права в этом случае возмущаться, ни требовать наказания: если же он это делал, его поднимали на смех, открыто смеялись над его жадностью, давали ему обидные прозвища. Вечером этого дня приготовленное вышеописанным способом дерево поджигалось, в костер по мере надобности подбрасывали топливо. Высокое пламя костра видели жители всего селения, по цвету его гадали о будущем урожае: если пламя было красного цвета, обильным ожидался урожай пшеницы, если белого — урожай ржи. Юноши, собиравшиеся у костра, проводили время в веселье: играли на музыкальных инструментах, пели, танцевали. Принято было приносить сюда из дому хлеб, мясо, сухую колбасу и угощаться вскладчину. Это был праздник мужской молодежи, и никто другой к участию в нем не допускался».⁴⁵

Зимний период был наполнен и другими развлечениями, среди которых большое место занимали катания мужчин на санях. Вот как описывает этот праздник Е. Шиллинг.

Обычно кайтаги из кипяченого виноградного сока делали «особое довольно крепкое вино (мусти). В начале зимы, когда вино было готово, устраивался особый праздник, во время которого хозяева катались на санях, запряженных быками. В середине саней ставился кувшин с новым вином, которое тут же распивалось. Все эти порядки, как видим, — пишет Е. Шиллинг, — мало вяжутся с установлениями ислама и отражают, очевидно, традиции домусульманского Кайтака».⁴⁶

По мнению А. Г. Булатовой «вероятно, этот праздник у кайтагов, как и зимние сборы для «винопития» у некоторых народов аварской группы (бегвалинцы, ботлихцы), является пережитком экзотических культов типа античных Дионисий, характерных в прошлом для народов с древним виноградарством».⁴⁷

Одной из любимых и распространенных форм отдыха мужчин-кайтагов была охота. Как мы уже отмечали выше (см.: гл. II. «Хо-

зайственной деятельностью кайтагов»), кайтаги «По принятым обычаям охотиться любили коллективно».⁴⁸ Охотились обычно в свободное от домашних дел время.

В осенние и зимние вечера приятно было устраивать «между аулами (безразлично кайтагскими и даргинскими) общественные праздники. Один аул угощал другой. Мужчины собирались и объявляли соседям: идем к вам. Те готовили для гостей угощение и старались их принять как можно лучше. Аул, не выполнивший этого правила, покрывал себя позором. Туда уже и отдельные люди не ходили в гости».⁴⁹

Как в праздничные дни, так и в будни, в зимние вечера в свободное от домашних дел время, дети и подростки, взрослые собирались на посиделки. Женщины обычно занимались пряжей, старухи рассказывали сказки, легенды, предания.

Вообще досугу и развлечениям кайтаги придавали большое значение.

В свободное от домашних дел время, дети и подростки также проводили в играх. Кроме тех зимних вечеров, когда в кругу семьи, родственников они слушали сказки, легенды и предания, они еще проводили время в подвижных играх. Их было множество.

Дети (девочки и мальчики) до определенного возраста (5—7 лет) играли вместе. Их игры обычно проходили в доме, иногда недалеко от дома, около дома. Дети постарше играли в более сложные игры и могли позволить себе, например, уйти в другой конец аула и т. д. Много времени мальчики проводили с домашними животными. Если в доме был конь, все заботы о нем дети брали на себя. Они его водили на водопой, чистили, давали корм, наконец, учились ездить на нем.

Детских игр было множество. Они играли в «камешки» («кьяркъни»), в угадку «багъа чая», в игру «пакьалла», в прятки «сармиг», в игру «пикъни кйиркйили» и т. д.

Игра в камешки заключалась в том, что семь плоских камешек ставили друг на друга, прицелившись мячом сбивали их. Обычно играли две команды. Та, которая сбивала, считалась победившей.

В селениях Нижнего Кайтага играли в игру «багъа чая» («угадай»). «Считали всех находившихся в помещении, десятый по счету должен был выйти в центр, лечь на пол и поднять одну ногу, закрыв глаза. Кто-нибудь бил его палкой по ноге, лежавший, открыв глаза, должен был угадать бившего. В случае угадывания бивший ложился на место угадавшего и игра продолжалась с прежним угадыванием».⁵⁰

Во всех селениях играли в игру «кьяркъни». Эта игра тоже с камешками. В данном случае камешек бывало 5. Игра заключалась в следующем. Две девочки садились на пол друг против дру-

га: Одна из них брала камешки в руки и ловким движением, как будто кидает зерна курам, подбрасывала камешки на пол. Затем, она один камешек подбрасывала в воздух и пока он летает, брала с пола другой камень, второй раз она уже подбрасывала два камня и т. д. Если она не успеет взять камень с пола и поймать камень, который был в воздухе, она проигрывала.

Мальчики играли в игру «пакьалла». Эту игру также описала А. Г. Булатова. «...круглому деревянному бруску придают с двух сторон заостренную форму и кладут на землю. По одному его концу бьют палкой и, когда он приподнимается над землей, бьют еще раз и отбрасывают далеко в сторону. С каждой стороны в игре участвовали по 4—6 человек. Выигравшей считалась партия, набравшая больше очков. Кончив играть установленное количество партий, и победители, и побежденные покупали в складчину продукты и устраивали пир с танцами, песнями и иными развлечениями».⁵¹

Играли кайтагские дети в прятки «сармиг», «пикъни кйиркйили». Игра «пикъни кйиркйили» напоминает игру «макьалла». Когда играли в «пикъни кйиркйили» на земле чертили круг, а посередине круга делали небольшое углубление. На это углубление ставили маленький брусочек. Далее, как и в игре «пакьалла» — по одному его концу бьют большой палкой. Когда маленькая палочка приподнимается над землей, бьют еще раз. Обычно в эту игру играют две партии. Игроки из противоположной партии пытаются поймать маленькую палочку. Если им это удастся, первые проигрывают и игроки меняются местами.

Широко распространена была (по-видимому с начала XX в. — возможно перенятая от русских) детская игра в лапту. Две группы кидали руками (или били палкой, дощечкой) мяч из тряпок. Одни должны были пробежать от определенной играющими точки и добежать тоже до определенной черты, другие во время бега попасть мячом в бегущих. После «поражения» тряпичным мячом соперников, играющие менялись местами.

Главным развлечением девушек весной (в свободное от работы время) было соревнование в качании на качелях. Во время качания девушки исполняли песни. В песнях, которые они разпевали, в основном звучали любовные мотивы. В качании на качелях, распространенном у многих народов, исследователями подчеркивается «обрядово-сексуальный смысл, восходящий к ктеическому культу («культу женского начала»)».⁵²

Народная медицина и лечебная магия

В своей повседневной лечебной практике кайтаги использовали различные методы лечения как рационального, так и магического

характера. Народные лекари знают много лекарственных растений, известных своими целебными свойствами. Среди многообразия лекарственных средств, действующих положительно при лечении тех или иных болезней, особо следует выделить продукты животного происхождения, шкуры или мясо земноводных, пресмыкающихся, целебные источники и т. п.

Кайтаги успешно лечили переломы, вывихи, растяжения жил, незаживающие раны, простуду.

Нужно отметить, что Кайтаг чрезвычайно богат целебными растениями: травами, дикорастущими и садовыми плодами, ягодами. Народные лекари (чаще ими являлись бабушки, матери) небольшие раны, нарывы лечили подорожником «дакыла кIа». Если это рана, то прикладывали лист, если нарыв, то кашлицу из размятого листа подорожника.

Настой тмина «аша» и мяты «шамуль» давали больному при простудах, от глазных болезней, а настой из крапивы при болях в костях и суставах. Кашлицу из свежей крапивы прикладывали на рану, а настой давали еще и при водянке.

Смешивали настой конопли с настоем из крапивы и давали пить при кожном зуде (иногда применяли в виде примочек), при болях в костях и суставах.

Для лечения желудочно-кишечного тракта использовали обыкновенный шавель «межикIа». Особенно незаменимым средством для этой цели считался конский шавель «галуси», «хIянкIа».

Пастушью сумку употребляли при рвотах, особенно она рекомендовалась беременным женщинам.

Отвар дубовых листьев рекомендовали при расстройствах кишечника у детей и взрослых. А просвирник «батI-батIи» (настой) употребляли как противовоспалительное средство.

Все эти травы заготавливали на зиму и в сушеном виде хранили в сухом холодном помещении в матерчатых мешочках.

Для лечебных целей применялись некоторые дикорастущие плоды. Так, например, плоды калины «милорзи» использовали от кашля. Эти плоды собирали поздней осенью и, подвязав пучками хранили на морозе. Отвар из коры калины использовали для примочек при маститах.

Плоды барбариса или же густой его отвар давали, чтобы остановить понос. Шиповник (отвар) использовали как при простудных заболеваниях, так и при болях в печени.

Обыкновенный пропаренный мох использовали для лечения болезней суставов.

При сильных головных болях делали компрессы из речных водорослей. Для этого водоросли кипятили в плотно закрытом сосуде, затем их равномерно раскладывали на плотной ткани, при-

кладывали к голове и завязывали шерстяным платком. Держали компресс до тех пор, пока водоросли остынут.

Кашицей из лука лечили гнойные раны.

Из пищевых продуктов, обладающих целебными свойствами, широко известен мед. Ослабленным больным всегда давали мед. Интересно отметить, что мед применяли как для лечения внутренних, так и для лечения наружных болезней. Так, например, гнойящиеся раны заливали медом (некоторые урбечом). При маститах накладывали компресс из кашицы свежего подорожника с медом. Затем обматывали грудь, прикрыв шерстяным платком или чистой невыттой шерстью. Процедуру повторяли 3—4 раза в сутки. После снятия компресса все затвердения смазывали чистым медом. В период лечения женщина не должна была простуживаться. При мастите в виде компрессов прикладывали и теплые речные водоросли к местам затвердений. С этой же целью применяли крапиву с медом.

При сильном кашле накладывали на грудь, спину и бока тряпку, намазанную подогретым медом (здесь следует заметить, что вовнутрь подогретый мед не давали). Сверху обматывали больного шерстяным платком и больной лежал в тепле. Обычно это делали на ночь. С этой же целью давали больному козый жир с теплым молоком. Козый жир использовали и при простудах для обтирания.

При сильной простуде лечили больного с помощью своеобразного массажа. Этот массаж заключался в том, что больной ложился на ровный пол, а кто-нибудь из детей топтал ему спину.

Другой массаж спины заключался в следующем.

Больной садился на пол, скрестив руки. Другой человек садился за ним, брал его руки, протянутые назад в свои и коленями упирался в спину больного. Затем он несколько раз резкими движениями притягивал больного к себе.

Широко употребляли кайтаги в лечебных целях различные зерновые культуры и их всходы, мучные каши. Так, например, кашу из муки, обильно политую маслом, медом, урбечом давали ослабленным больным.

При обострении «старого» хронического кашля, рекомендовали пить напиток, приготовленный из молодых всходов ржи. Для этого весной или осенью надо было скосить рожь, только что поднимающуюся от земли, высушить на солнце. Щепотку зелени ржи (2 столовые ложки с верхом) заливали одним литром крутого кипятка и настаивали около часа, затем процеживали и давали больному утром и вечером 1—2 стакана (приблизительно) настоя.

Листья ржи использовали и для укрепления ослабленных больных, при легочных заболеваниях, для лечения ран.

Овес использовали для лечения болезней суставов. При потере аппетита больному давали отвар ячменя. А при истощении ели

каниу из проса. Кашицу из проса использовали и как компресс при переломах. Зерна яровой пшеницы давали при отечности. Поджаренную муку гороха применяли от подагры и при геморрое.

Из фруктовых культур в лечебных целях использовали грецкие орехи (при заболеваниях суставов, при головных болях). Грецкие орехи были незаменимым компонентом многих растительных (с крапивой), мучных и мясных (хинкалы) блюд.

Тутовник и патоку из тутовника применяли при женских болезнях и при заболеваниях суставов, виноград — при болезнях легких, при высокой температуре, при заболеваниях глаз.

Считалось, что чеснок способствует выведению глистов, а лук избавляет от простуды.

Народные лекари умели извлекать инородные тела из глотки ребенка. Самые известные лекари были из селения Джигия. Мужиглы (общ. Каттаган). Обычно застрявший предмет после извлечения лекарь отдавал родителям ребенка. Его не выбрасывали, а зашивали в одежду ребенка. В дальнейшем этот предмет служил как бы оберегом для него от злых сил, дурного глаза, от всяких болезней.

Все кайтаги, чтобы избавиться от болезней пользовались водой целебных источников. В Кайтаге их было множество. Далеко за пределами общества Каттаган, например, был известен целебный источник, который находился вблизи селения Джигия («улилла шин» — вода от сглаза или «джигай шин» — джигайская вода). У селения Карацан был источник «Усбаңла пир», а около селения Джигиби — «баркыгу шин» (от ревматизма). В нескольких километрах от с. Санчи находился источник «шилбалла Гиниц» (от болезни зубов), а еще дальше — знаменитый «уцмила Гиниц» («источник удмия») — от болезней желчных путей, печени и др. Все источники были целебные. (Об этом мы писали в соответствующем разделе). Водой из этих источников лечили и взрослых.

Если подозревали, что человека сглазили («ули аккара»), брали кусок от одежды сглазившего и отправлялись к источнику. На лоскуток клали кусочек сыра, крошки хлеба и несколько зерен пшеницы. Все это оставляли у источника в качестве дара. В сопровождении молитвы набирали воду в кувшин и уходили. Этой водой дома купали больного.

Здесь следует отметить, что по пути к источнику и обратно сами больные или их родственники соблюдали ряд запретов. Им нельзя было в течение всего пути оглядываться назад, с кем-нибудь разговаривать.

Карацанцы (общ. Кара-Кайтаг) к источнику брали с собой еду (сыр, хлеб) и самую нижнюю рубаху больного, которая непосредственно соприкасается с телом. Все принесенное клали по четырем углам источника. Прежде чем набрать воду, трижды спо-

ласкивали сосуд, затем в сопровождении молитвы набирали воду и уходили. Больного купали этой водой и ждали: если через три дня после купания человек продолжал жить, верили, что он выздоровеет, если же состояние его ухудшалось, говорили, что он не жилец «агыкІан».

Все кайтаги умели пользоваться пиявками. Во всем Кайтаге в лечебной практике при определенных болезнях применялась музика. Так, при панариции «ликка Кякь ургъан» (досл. «кость трещину делает») к больному приглашали кумузиата. Тот садился у изголовья больного и играл тихую мелодию. Больной отвлекался и засыпал. То же самое делали и кайтагские кумыки. У них эта болезнь называлась «чартлама» («трескающая»). Лечение музыкан широко применяется в современной медицине.

Особой сакральной силой наделялись мясо, когда некоторых домашних и диких животных, пресмыкающихся и т. д.

На незаживающую рану «милквьяла иццала» прикладывали сырое собачье мясо. Дважды в день кто-нибудь из близких больного высасывал гной из раны. Дважды в день меняли и мясо.

Для этой же цели использовались и дождевые черви. Их растирали в ступке или между двумя гладкими речными камнями, полученную массу прикладывали на рану.

Страдающие мочеудержанием проводили такое лечение. Убивали дикую кошку «тиртмигь» и брали ее коготь. Затем этим когтем очищали мочевой канал.

Интересно отметить, что когда заболела корова, ополаскивали когти «тиртмигь» и эту воду давали корове. Обычно когти засушивали и хранили в доме. Открытые раны животные лечили своей слюной. Они облизывали свои раны до тех пор, пока рана становилась безопасной.

Муравьиным маслом лечили радикулит, ревматизм и вообще болезни суставов («букмалла иццала»).

Детей больных энурезом лечили так. Убивали мышонка и из его мяса готовили курс для больного ребенка.

Среди многочисленных методов лечения, записанных нами со слов информаторов, было и лечение больного испугом и «встряхиванием».

Многие болезни кайтаги приписывали «сглазу». Считалось, что сглазить могли люди с голубыми глазами. В каждом селении были люди, сглаза которых все боялись.

Как дети, так и взрослые с целью предохранить себя от влияния злых сил, сглаза носили амулеты («гьейкер», «сабав», «ка»). Амулеты зачастую входили в состав костюма. В качестве амулетов к одежде ребенка пришивали различные украшения из кизилового и тутового (культ шелковицы) деревьев, косточек, различные раковины, определенного вида бусины «улила бичан» (черная

или синяя бусина с белыми глазками). Обычно такая бусина имитирует глаз. Из таких бусинок делали браслеты для детей, их подвешивали к люльке.

Очень часто одну такую бусину можно было встретить и на шее коровы, теленка, на шее беременной женщины и т. д. Оберегами с таким значением считались также металлические монеты, пушок собачьей шерсти, кусок хлеба, потухший уголь, зола и т. д.

Некоторые женщины носили талисманы, способствующие сохранению жизни еще не родившегося ребенка. Маленькие дети носили головные уборы, где были украшения с изобразением полумесяца (культ небесных светил). Особенно популярны были лодобные украшения в общ. Кара-Кайтаг (ср. Баршамай, Джавгат, Рука, Жибакни, Машатды, Хадаги, Кулегу, Карацап, Карталай, Джинаби, Баршамай, Газия).

Несомненно, что и у кайтагов «позднее амулеты приобретают форму высокохудожественных ювелирных изделий, которые украшают традиционный костюм».⁵³

Круг действий и манипуляций для снятия «сглаза» был широк. В некоторых селениях с этой целью знахарь три раза обходила вокруг дома больного, произносила заклинания и сыпала зерна (сначала у порога, затем вокруг дома). Остатки зерна она сыпала через голову больного.

Случалось так, что молодой муж в первую брачную ночь не мог подойти к жене и вступить с ней в фактические брачные отношения. В данном случае за помощью обращались к мулле. Жена муллы выпекала маленький чурек и варила одно яйцо. Чурек и яйцо она делила на две равные части и угощала ими молодых. При этом обязательно обновляли «магьар».

Были и более оригинальные процедуры для снятия сглаза. В селении Карацап с этой целью знахарь брала в руки пару речных маленьких гладких камушек, опускала их в миску с водой и не вынимая растирала их друг об друга. Камни издавали звук. Свои действия знахарь сопровождала молитвой и словесной формулой.

Одной из распространенных болезней среди кайтагов была «Урчче тIякбижив» (досл. «сердце треснуло»). Заболевали этой болезнью от внезапного горя, испуга. В данном случае говорили, что нужно сердце «залить» («урчче китIанцаби»). Для этого в ступку для толчения чеснока наливали воду, а в другом сосуде расплавляли свинец. Затем в сосуд с водой наливали расплавленный свинец. Исход болезни считается благополучным, если в ступке образуется ясная фигура.

Судя по приведенным материалам можно сделать следующие выводы. В XIX—начале XX в. лечением больных занимались народные лекари, знахари, каждая мать, бабушка. Хотя люди и знали немало средств, которыми лечили различные болезни, од-

ними этими средствами невозможно было вести борьбу с такими болезнями, как туберкулез, корь, чума, оспа и др. Поэтому появление во второй половине XIX в. стационарных медицинских учреждений, в которых местное население могло получить медицинскую помощь на современной научной основе от профессиональных врачей, явилось событием огромной значимости.

Только в 1895 г. в Кайтаго-Табасаранском округе заболело оспой — 237 чел., дизентерией — 28, гнойным конъюнктивитом — 102, онфалисом — 40, малярией — 1987 чел., чесоткой — 90 чел. и т. д. В 1896 г. предохранительная оспа была привита 1262 ребенку (число новорожденных — 2124).⁵⁴

В 1904 г. в Кайтаго-Табасаранском округе имелся один врач и один старший фельдшер «для бесплатной медицинской помощи сельскому населению и для судебно-медицинских целей».⁵⁵ К 1913 г. сельских врачей стало двое (в селениях Маджалис и Каякент). Возросло и число фельдшеров. В Маджалисе функционировала больница на 6 коек.⁵⁶

Религиозные верования

Со средневекового времени* кайтаги исповедовали мусульманскую религию. Ежегодно они отмечали праздник по случаю завершения поста «хола бари» «Рамазан», а также праздник жертвоприношения «Къурбан байрам».

Распространено было почитание могил «святых» (наиболее крупные святыхища — «Къадила пир», «Усбагъла пир», «Рярсипир», (Нижи, Кайтаг), «Дурхъал пир» (с. Варсит), «Аслила пир» (с. Пилякьи), «Жалгъан пир» (между селениями Бажлук, Пилякьи и Антиль) др.

Очень часто отдельные семьи, иногда все сельчане, по разным поводам устраивали жертвенное угощение или раздачу мяса жертвенного животного. Почти всегда эти жертвоприношения устраивались возле «святых» могил.

Однако и в исследуемое время (XIX—нач. XX в.) в народном быту кайтагов продолжали сохраняться пережитки различных домусульманских народных верований, хотя они и подверглись значительному изменению. Часть из этих обрядов продолжала существовать параллельно с официальной религией, другая в значительной своей части переплелась с мусульманскими представлениями, обычаями и обрядами.

* Известно, что уже в VIII веке арабы построили «в Кайтаге, как и в Дербенде, в предгорьях Кюринского округа, Табасаране, вообще на плоскости мечети и поставили кадиев и правителей». (См: Шихсандов А. Р. Ислам в средневековом Дагестане (VII—XV вв.), Махачкала 1969, С. 102). В XII—XIV в. Кайтаг вошел в состав «мусульманских областей» (см. Шихсандов А. Р. Указ. соч. С. 194).

Чрезвычайно распространена среди кайтагов вера в существование злых сил. Им известны и различные виды магических средств борьбы с ними. Правда, отдельные образы в сохранившемся у кайтагов демонологическом комплексе утратили прежнюю четкость. Так, например, кайтаги не делают различия между джинами («жинд») и шайтанами «шейтанги» (ед. ч. — «шайтан»).

Существует у них представление о домовом «Шамгъа» («Шам» — общ. Каттаган), «Шамгъаци кабиссун» у др.), «Къари хулум», «хьулум» (злой дух в образе женщины).

Рассказывают, что джины, шайтаны обладают способностью перевоплощаться в разных животных, в знакомых людей, даже птиц. Некоторые джины (мусульмане) по словам информаторов, помогают человеку в его делах и способствуют его успехам в жизни. Джины капури обычно вредят.

«Шамгъа» (шам), как рассказывают, очень сильное антропоморфное существо в образе сильного мужчины. «Шамгъа», по рассказам, напоминает ряженого «къарчи». Правда, некоторые информаторы (с. Кулиджа) утверждают, что никто не знает в образе кого приходит «шам».

Говорят, что «Шамгъа» особенно опасен для роженицы.

Он обычно приходит ночью и наваливается на спящего человека и душит его. Чтобы освободиться от него, человек должен про себя прочитать молитву или же рядом спящий должен дернуть его одеяло.

Что же касается «Къари хулум», то информаторы сообщили только то, что она кайтагами олицетворялась в образе злой женщины и опасна для всех — взрослых, детей и приносит несчастье. Обычно она якобы ходит с распущенными волосами, красным некрасивым лицом и пугает всех людей.

Таким образом, мы видим, что по сравнению с некоторыми другими народами⁵⁷ у кайтагов нет четких представлений об отдельных демонических образах.

Для защиты от нападения злых духов (с целью отпугнуть их) кайтаги предпринимали определенные меры предосторожности. К ним, в частности, относился обычай носить специальные амулеты («гьекер» — молитва, зашитая в тряпочку), «кIа» (кIа делали как для защиты от злых духов, так и с целью убить своего недоброжелателя). С этой же целью, если кто-нибудь выходил на улицу в почное время, на его голову сыпали немного муки, золу, давали ему кусочек хлеба.

Оберегом для маленьких детей чаще служил какой-нибудь железный предмет. Для защиты от злых духов на люльку и руки ребенка вешали бусинки с точечками, у изголовья держали маленький Коран.

Видное место в системе традиционных верований у кайтагов занимали верования и обряды, связанные с явлениями природы и растительным миром. Они почитали солнце «бари», луну «бацI», небо «цIай». При появлении новой луны они говорили: «Саламат бар бацI». Отрицательно относились к грому «кьукьу», молнии «цIалип» (Ирчамуль), «цIалиппан» (Кара-Кайтаг), «кьукьуламцI» (Каттаган.). При появлении молнии и грома немедленно начинали читать молитву «Аллагьу масалли Алам, Мухамадин ва Алла, Али-Магьамадин васалими»). Считали, что гром и молнию посылает бог в наказание за совершенные людьми грехи. Мясо животного, убитого молнией, не употребляли в пищу, даже закапывали его. Деревья, после гибели от молнии обходили стороной. Говорили, что такие деревья могут принести несчастье.

В то же время первому весеннему грому кайтаги придавали особое значение. У этого природного явления просили, чтобы лето было удачливое. Верили, что молния и гром полезны для людей с большой психикой, парализованных, эпилептиков. Для этого таких больных даже выводили во двор или на открытую веранду. Предполагалось, что во время сильного грома больной испугается и со страхом пройдет болезнь.

Вообще все явления природы у кайтагов считаются результатом действия особых духов, позднее бога. Так, например, о таком стихийном бедствии как землетрясение, говорили, что «Аллагь кыяма кабиулца» и происходит оно от того, что люди живут неправильно (пьют, гуляют, воруют, не молятся и т. д.).

Во всех селениях рассказывают о «Лайла тур кьадрила дуччи». Один раз в год в месяц Рамазан в одно мгновение (миг, когда Мухаммад поднялся к Аллаху) вода в источниках якобы на мгновение останавливается, исчезают в домах крыши и везде становится светло. Тот, кто «поймал» этот миг, и помечтал о чем-то, всю жизнь будет жить в достатке. Ему и его семье обеспечен достаток, мир, беззаботная жизнь. Каждую ночь перед сном нужно загадать желание на тот случай, если этот миг наступит.

Информатор из селения Бажлук утверждала, что она «поймала» этот миг. Она рассказывала, что как-то она уложила ребенка в люльку и сама собиралась лечь. Вдруг в комнате стало светло и ярко, потолок стал прозрачным, а в окне она увидела, что далеко перед домом все деревья легли на бок. Она поняла, что это «лайла тур кьадрила дуччи». Увидевший этот миг должен быстро произнести следующие слова: «На том свете рай, а на этом богатство» и т. д.

Почитались у кайтагов определенные породы деревьев — кизил («чимби»), инжир. О них говорили, что эти деревья райские «аджаналла цIидехь» и считались неприкосновенными. «Иметь кизиловое дерево возле дома — это к добру», — говорили кайтаги. Кайтачки

из его листьев делали подушку и хранили в сунуке. После ее смерти эту подушку вместе с ней относили на кладбище и клали под ее голову (вторая подушка делалась из ее волос, собранных на протяжении всей жизни). В некоторых кайтагских аулах (Маджалис — Катта, Кара-Кайтаг) почиталось тутовое дерево.

Напротив, не оставляли возле дома ореховое дерево. Говорили, что оно приносит несчастье. По представлениям народа, это несчастье должно было случиться с главой семьи.

Известны кайтагам «священные деревья» — «дурхъа калка» («пурпела калка») — бук или «жаралла калка» верба. На эти деревья верующие привязывали яркие лоскутки, около них приносили в жертву животных, раздавали милостыню. Эти деревья строго запрещалось рубить, ломать, осквернять. Под этими деревьями нельзя было веселиться, петь, пить крепкие напитки, беседовать на непристойные темы и т. д. Здесь запрещалось пасти скот и косить сено. Подобные «священные» места назывались «пиры». Их в Кайтаге было множество.

Особое отношение у кайтагов было к погибшим (высохшим без причины) деревьям. В данном случае, тоже говорили «дунья кыямат кабирцулца» (наступает конец света).

Кайтаги верили, что уродливые деревья возле дома, в саду приносят несчастье. От таких деревьев старались избавиться. Они наделяли деревья человеческими качествами (оживотворяли их). Они верили, что деревья разговаривают между собой, чувствуют боль, слышат разговоры людей, слушают музыку, чувствуют настроение хозяина. Верили, что деревья ночью спят, а с рассветом просыпаются. Поэтому строго запрещалось рубить дерево ночью.

Культовым почитанием у кайтагов пользовались некоторые пресмыкающиеся, животные, земноводные, птицы. Сверхъестественными свойствами наделялись так называемые «домовые» змеи — «хъалла багъбег» (общ. Ирчамуль), «хъалла зуз бякъ» (общ. Кара-Кайтаг), «хъалла цецци» (общ. Каттаган). В каждом доме по рассказам, должна быть такая змея. Она являлась как бы покровителем семьи. Говорили, если в доме обитает такая змея, в нем всегда будет достаток («берекет»). Горе дому, если змея покинула его. Горе и тому дому, если змея вообще не поселилась в нем.

Рассказывают, что хозяева постоянно заботились о домовых змеях. Информатор из селения Пилякты рассказывала, что ее бабушка в углу комнаты оставила отверстие, чтобы «хъалла багъбег» беспрепятственно могла войти в комнату когда проголодается. Специально для нее она готовила несладкую халву. Змея приползала ела халву и уходила обратно. Иногда она гуляла по дому, но никогда не трогала. Змея эта бывала серого цвета, толстая и длинная. Убивать домовую змею строго запрещалось.

Рассказывают, что один пиляктынец убил домовую змею у себя во дворе. Змея очень долго умирала и все время, подняв голову высоко, смотрела на небо. После этого, говорят, у этого хозяина начались неприятности. Один за другим умерли все члены семьи, затем умер он сам. Во всем пустом доме оставалась только его жена. Впоследствии умерла и она, а дом полностью был разрушен.

Рассказывают, что болотная змея обладает способностью гипноза. Если такая змея стоит с открытой пастью и поблизости находится лягушка, то лягушка сама прыгнет в пасть змеи. Для этого змея не делает никаких усилий.

Строго запрещалось убивать ящерицу. Говорят, когда убивают ящерицу, она высовывает язык и смотрит на небо, как бы прося у бога помощи. С человеком, убившим ящерицу, обязательно случается несчастье.

Запрещалось убивать и лягушку. Говорили, что если убить лягушку дождь пойдет; у убившего человека случится несчастье.

В критических ситуациях, например, при тяжелых родах, обращались к человеку, когда-то разнявшему змею, заглатывающую лягушку. Этого человека просили сполоснуть руки и этой водой помыть роженицу.

Почитали кайтаги и некоторых птиц. Так, нельзя было убивать ласточку, голубя, куропатку — «къакъба». Этих птиц называли райскими. Их не только не убивали, запрещалось даже разрушать их гнезда. Нельзя было убивать и кукушку. Кукушка приносит первую весточку о весне, которую люди ждут с нетерпением. Отрицательное было отношение к летучей мыши «гъалай кваши». Ее боялись из-за того, что она могла укусить. Интересно заметить, что хакасы-сагайцы убивали и высушивали летучую мышь, толкли и клали ее останки в рану на спине лошади.⁵⁸

Особое отношение было у кайтагов к муравьям. На месте муравейника никогда не строили дома. Обнаружив муравейник, его уничтожали. Если в доме заводились муравьи, расстраивались и ждали какую-то беду.

К древнему пласту религиозных воззрений кайтагов, видимо, относится предание о том, что некоторые звери имели сексуальные отношения с человеком. В преданиях встречаются эпизоды о любви, возникающей между медведем «сика» и женщиной. Говорят, что медведь даже женится на поправившейся женщине. Правда, о потомстве от такого брака никто не помнит. Но информаторы утверждают, что медведь очень ревнив. Если ему понравилась женщина, он преследует ее, а ее мужа обязательно убивает.

В легендах говорится о том, что очень часто медведь уводил женщин в лес. Рассказывают, что как-то одна женщина шла на свадьбу. Вдруг к ней навстречу вышел медведь и стал ее теснить к лесу. Затем медведь встал на задние лапы и начал хлопать в ла-

доши, заставляя женщину танцевать. Через часа два он отпустил ее, не причинив ей никакого вреда.

Интересны рассказы о том, откуда появился медведь. Кайтаги были уверены, что медведь произошел от человека. Мы записали следующее сказание о медведе. «Когда-то одна женщина решила замесить тесто, чтобы испечь хлеб. После замеса теста ей полагалось помыть руки и лишь после этого заниматься другими делами. Но она не сделала этого. Мало того, с немытыми руками она отправилась в туалет и совершила, предписанный обряд омовения. Медведь, говорят, образовался из этой воды».

Запрещалось убивать медведя («сика»), оленя, «жайран», собаку, кошку — «Аллагь накажет» («Алдагь икар»). К собаке относились лучше, чем к кошке. «Кошка не может быть другом человека, скорее она враг», — говорили кайтаги. Рассказывают, что если кошку обидеть, она может даже убить своего хозяина. Собака, по их рассказам, верно служит своему хозяину.

К лошади относились так же заботливо, как к человеку. Ее нельзя убивать, кричать на нее.

Повсеместно сохранились следы почитания огня, хлеба, воды. Огнем, хлебом, водой клялись. Так, например, клали руку на хлеб и говорили: «Клянусь этим хлебом» («Гъеж гьал баркат рискьила чокьва багьандан») или «Пусть мне будет «гьарам» вода, которую я пью, если я это сделала». («Дули дуччан шин гьарам дигьаб гьел цикГал баривли ригьвадалли»). Самое страшное проклятие для врага — «чтобы твой очаг потух». Особенно почитали огонь в очаге женщины. Если он угасал (когда этого не хотели), это воспринималось как дурное предзнаменование для семьи.

В некоторых обществах (Ирчамуль) воду использовали в качестве пожелания удачи. Так, например, считалось, что если перед идущим по важному делу человеком вылить чистую воду, дорога будет удачная. В других обществах воду использовали для противоположной цели. Так, например, в с. Кулиджа недоброжелатели с целью развести молодых перед идущим свадебным поездом выплескивали воду, рассыпали золу.

Если вдруг высыхал родник — плохая примета. Люди молились, пресли бога, раздавали садакья, чтобы бог вернул воду.

Кайтаги считают большим грехом бросать что-нибудь грязное в реку, осквернить ее. Вода для них «живая». Они приписывали ей человеческие качества, различали ее пол — относили ее к мужскому или женскому полу.

Известно, что река Уллу-Чай (Хола Эрк) до моста Хунгия, состоит из двух речек. Одна река течет со стороны Уркараха, другая мимо с. Шияги. Одна из них (со стороны Уркараха) бывает мутная, бурная, шумная и ее называют «Мургул Эрки» («Мужская

река»), а вторая (из Шияги) — «Хьулум эрки» («женская река»). Она всегда чистая, прозрачная и тихая.

Таким образом, буйную, прызную реку они сравнивают с характером мужчины, а чистую и тихую с характером женщины.

Говорили, что в каждом селе были люди, проклятия которых доходили. Так, например, в селении Пилякьи таких женщин было двое — Рабазанова Жумаги и Жарият. Сельчане обычно боялись чем-нибудь разгневить их.

В предыдущей главе («Семья и семейный быт») мы подробно рассмотрели магические представления кайтагов о потустороннем мире (в погребальных обрядах), о магических приемах и обрядах, связанных с рождением и воспитанием ребенка, свадьбой. Здесь приведем лишь одну легенду на эту тему.

Рассказывают, что иногда ночью со стороны кладбища раздавался страшный беспорядочный вой. По поверьям, в такие ночи все умершие выходят из своих могил и начинают вить диким воем. Когда случалось подобное, говорили: «харби гьадигьал» (живые смешались с мертвыми). Услышав этот вой живые спешили раздать садакья (милостыню) и прочесть молитвы. Одной из причин выхода мертвых из могил, говорят, был голод. Это случается в том случае, якобы, если родственники не исполняют свой долг перед ними — не раздают садакья, не навешают их.

Другая легенда, сообщенная нам, также касается умерших. Рассказывают, что в дни религиозных праздников мертвые якобы выходят навстречу своим близким. А те, к кому никто не пришел, возвращаются обратно, прикрыв лицо саваном и повернувшись чуть набок, спрятав руки. В данном случае, они якобы хотят скрыть от других, что родные их забыли и что никто им ничего не принес.

По рассказам, были люди, которые умели обнаружить вора. Для этого проводили акцию, называемую «связать мочу». После прочтения особой молитвы на этот случай муллоу или другим лицом, тот, кто совершил кражу, не мог мочиться. Естественно, что долгу выдержать такую пытку человек не мог и он признавался в совершении кражи.

Известны кайтагам различные заклинания, заговоры.

Почти везде, если домой не вернулась скотина, хищны и зверям (волку, кабану) «завязывали» пасть («БецІла тутту кабигьана»).

У кайтагов существовало немало примет, представлений, связанных с различными ситуациями в жизни. Так, например, на исходе месяца не давали и не выносили из дома золу. Огонь, деньги, соль не давали после наступления сумерек. Сохранилось представление, что с солью, огнем связаны мир и благополучие в доме. Если перед выходом на улицу по какому-либо важному делу рассыпаясь соль, ожидали скандала в доме.

Если после наступления сумерек соседям, родственникам дава-

ли молоко, обратно в сосуд те должны были налить немного воды, или класть яйцо. В противном случае, предполагалось, что вымя коровы может «высохнуть», т. е. могло исчезнуть молоко. Не полагалось давать кому-нибудь еще теплое молоко (сразу после дойки). А вот бажлукцы после дойки молоко заносили сначала в комнату, а затем выносили и отлавали. Особенно это касалось вечернего молока. Дающие вечером молоко в сосуд с молоком кидали горящие угли.

В этой связи интересно отметить, что кайтагские кумыки обычно отдавали родственникам, соседям (у кого в данный момент нет молока) вечернее молоко. Утреннее молоко как-то не принято было отдавать.

Считалось большим грехом, если на пол разлить молоко или любые молочные продукты.

Если корова отелилась двумя телятами, говорили, что это к добру, в доме будет изобилие. То же самое говорили и о женщине. Если же корова принесет трех телят, беспокоились, нервничали. В данном случае говорили, что эта корова из собачьей породы и принесет несчастье.

Если ночью воеет собака, говорили, что это к несчастью. Особенно опасались, если собака выла высоко подняв голову к небу. Еще говорили, что если собака воеет повернувшись на чей-либо дом, она погубит главу семьи этого дома, т. е. она может наслать беду. Тогда собаку отгоняли. Кайтагские кумыки в этом случае произносили специальную формулу и фразу «башыг аша» (съешь свою голову).

Чтобы в доме всегда был достаток, на заборе или у входа в дом вывешивали оленьи рога, конский череп. Возможно этот обычай восходил к древним, тотемистическим представлениям.

Щипцы, которые долго служили, переходили из поколения в поколение. Их никогда не заменяли новыми. С ними переходили в новый дом. Боялись, что если их заменить новыми, то вместе со старыми уйдет благополучие дома. С этой же целью не переносили печь на новое место (не меняли место в комнате).

Если дергается правый глаз, должно было случиться что-то приятное, если левый, наоборот. Если дергались мышцы лица, так же ждали ссору или другую неприятность.

Если звенит в правом ухе, говорили, что кто-то вспоминает.

Если при выходе из дома по важному делу встречается человек с голубыми глазами, советовали вернуться в дом и отложить дела (его ждет неудача). То же самое говорили, если дорогу перебежит собака или черная кошка.

Человек, который первый раз выходил на сенокос, косу свою должен был смазать маслом.

Когда жали зерно, посередине поля оставляли несколько ко-

лосьев нескошенными, чтобы урожай следующего года был удачным. По другим информациям, «чтобы поле не обиделось».

Если человек во время работы как-то случайно отрубил себе палец, его (отрубленный палец) засушивали и оставляли под бревном в расщелине. После его смерти отрубленный палец клали в могилу вместе с ним.

Если во время шитья нитка узлится, говорили, что «еще одна новая вещь достанется». Если же нитка узлится, когда шили погребальную одежду, говорили, что за ним последует еще кто-нибудь из близких. Смертную одежду обычно поручали шить вдове.

Если на живом человеке зашивали что-нибудь, та на ком зашивали, должна была взять в зубы кусочек этой нитки.

Запрещалось есть стоя, обувшись на одну ногу (еда не пойдет впрок); нельзя месить тесто босиком.

О будущем не полагалось говорить «сделаю» или «завтра пойду» и т. д., а следовало говорить «если бог даст, то сделаю», «если бог позволит, пойду» и т. д.

Если человек зевает, говорили, что его кто-то вспоминает или чоклинает. То же самое говорили, если человек чихал.

Запрещалось садиться на порог комнаты; нельзя было на пороге что-либо давать или брать.

Рассказывали, что специальными заклинаниями можно создать человеку обеспеченное существование и, наоборот.

Если кричит петух, ждали гостя.

Говорили, если ребенок без причины постоянно плачет, он принесет в дом несчастье, беду.

О благополучной семье говорили, что бог повернулся к ним лицом («Аллагъ вягъвякьив цай»). Тем, кому не везет, наоборот, говорили, что бог отвернулся от них («Аллагъ къугъвертулли пай»).

О людях, которые покончили собой, говорили: «На том свете в аду их тела будут брошены собакам». Их не положено было обмывать, оплакивать, поминать.

Во всех селениях, когда шили смертную одежду для покойника, не делали узлов. Нитки, иголки, оставшиеся после шитья смертной одежды, отдавали бездетным или выбрасывали на улицу. На второй день после похорон бездетная женщина должна была убрать комнату, обмазать пол, побелить стены, почистить паласы (вытрусить). Лишь после этого комната считалась «чистой». В ней можно было совершать намаз («намаз уже не нарушался»).

Во всех селениях ночью не мыли посуду, не подметали пол. Если все же приходилось делать это, то подметали от порога в комнату, а мусор оставляли до утра перед очагом или в углу недалеко от очага, обязательно прикрыв веником.

Везде на ночь не вывешивали пеленки ребенка, не выливали воду после стирки пеленок, купания ребенка.

У кайтагских кумыков, особенно опасались вылить воду ночью после мытья головы. Это касалось как взрослых, так и детей. В данном случае боялись, что человек может лишиться рассудка.

По рассказам, существовали вещие сны. Так, например, если снилось, что кто-то из близких катается на коричневом коне — это к счастью, на черном — к несчастью.

Если во сне человек убил змею, это к счастью, если же змея укусила его — к несчастью. Если снятся буйволы, предполагали, что очень скоро придет «азраил брать душу». Если снилась собака, означало, что кто-то на тебя наговаривает.

Вспомним сон, который якобы приснился одной женщине о «Гигънила ширби» (см.: «Фольклор»).

В другой легенде о «Гигънила ширби» рассказывается о том, что такой сон приснился женщине из соседнего села. Ей приснилось, что река в селении Гиргъни однажды сильно разлилась, селение оказалось затопленным, люди бродили почти по горло в воде, и вода стала уже подниматься выше дома. Одна женщина стала упрашивать бога не губить ребенка. Вода сразу стала убывать. Далее как и в приведенной выше легенде.

У кайтагов было много различных приемов, обрядов, призванных заставить полюбить или разлюбить человека. О большинстве из них мы уже писали в соответствующих разделах (гл. «Семья и семейный быт»). Здесь мы приведем лишь два приема, которые, как полагали, могли навредить или заставить полюбить. Вообще считалось, что мужчины редко могли навредить. Обычно боялись женщин. Кроме того, как в Верхнем, так и в Нижнем Кайтаге, женщины не предпринимали каких-либо мер против мужа своей родственницы. А, наоборот, случалось часто. Родственницы мужа, если невестка им негодна, прибегали к различным приемам с целью навредить ей.

Распространенным во всем Кайтаге средством для избавления от негодной невестки был известный прием, когда из курдюка вырезали женскую фигуру, замотав в нее волосы той, кому хотели навредить и воткнув в эту фигурку иглы, другие острые железные предметы. Все это закапывали у порога дома будущей жертвы. Считалось, что по мере того, как будет таять фигура, зачахнет и жертва. Подобные приемы известны и другим народам Дагестана.⁵⁹

В селении Джирабачи нам рассказали о приеме, который проводили с целью заставить полюбить или разлюбить. Назывался этот обряд «гьадалкуни». Совершался обряд следующим образом. Исполнительница обряда брала в руки два небольших коричневых камня, опускала их в воду и терла их друг об друга. Судьба человека, которого хотели приворожить, зависела от того, в какую

сторону она грет камни — к себе (чтобы заставить полюбить), или от себя (чтобы заставить разлюбить).

В плане аналогий большой интерес представляют подобные же приемы у даргинцев. По сведениям Г. А. Гаджиева у них (даргинцев) «существовал специальный камень, называемый любовным («дикхала къажи») — обычный гладкий камень с белыми и серыми пятнами. Влюбившийся человек соскабливал с него пыль, смешивал ее с водой и давал пить избраннику. Скоблить можно было только движением к себе — магическое действие, призванное приблизить к себе другого человека. Вода с пылью от этого камня, которую скоблили движением от себя, обладала свойством отвергнуть возлюбленного. Этот прием использовали во вредоносной магии».⁶⁰

Итак, обобщая изложенное, отметим, что у кайтагов бытовали довольно интересные обычаи и обряды, праздники, религиозные верования, народные методы лечения, фольклор, которые в известной мере отражали их духовную культуру.

Кроме того, в духовной культуре кайтагов традиционные черты сохраняют более прочные позиции, чем в материальной культуре и в хозяйственной деятельности. В то же время и тут ясно вырисовывается тенденция постепенного ослабления этнической специфики.

На протяжении ряда столетий культура кайтагов соприкасалась с культурой их соседей (даргинцев, кайтагских кумыков, табасаранцев и др.). В результате их духовная культура, как и культура других народов, пополнилась рядом заимствований. Дальнейшие исследования в области духовной культуры других народов Дагестана, позволят, вероятно, более определенно выделить в культуре кайтагов изначально общие обряды, представления, конкретные формы взаимовлияний и характерные различия.

- 1 «Первая всеобщая перепись населения Российской империи», 1897 г. Дагестанская область, СПб., 1905, С. 1.
- 2 Шихсандов А. Р. Эпиграфические памятники Дагестана, М., 1984. С. 344.
- 3 Лавров Л. И. Эпиграфические памятники Сев. Кавказа XVIII—XX вв. Т. II. М., 1968. С. 23.
- 4 Добиров П. М. Архитектурная резьба Дагестана. М., 1966. С. 18.
- 5 Шихсандов А. Р. Ислам в средневековом Дагестане (VII—XV вв.). Махачкала, 1969. С. 195.
- 6 Лавров Л. И. Новые материалы по арабской эпиграфике на Северном Кавказе — Сб. Музея антропологии и этнографии. Т. XXI. 1963.
- 7 Добиров П. М. Указ. соч., С. 25.
- 8 Лавров Л. И. Эпиграфические памятники С. 77.
- 9 Шихсандов А. Р. Ислам в средневековом Дагестане, С. 196—197.
- 10 Шихсандов А. Р. Эпиграфические памятники... С. 263—266.
- 11 Там же, С. 273.
- 12 Там же.
- 13 Там же, С. 427, 263.
- 14 Там же, С. 343—344.
- 15 Алиев А. И., Никольская З. А. Даргинцы//Народы Дагестана. М., 1955. С. 72.
- 16 Каймаразов Г. Ш. Очерки истории культуры народов Дагестана. М., 1971. С. 29.
- 17 Обзор о состоянии Дагестанской области за 1896 г. Т.-Х.-Шура, 1897. С. 51.
- 18 Обзор Дагестанской области за 1913 г. Т.-Х.-Шура, 1915.
- 19 Обзор о состоянии Дагестанской области за 1896 г.
- 20 Козубский Е. К. К истории народного образования в Дагестанской области в первое пятидесятилетие//Даг. Сбор. I. Темир-Хан-Шура, 1902. С. 170.
- 21 Там же. С. 212.
- 22 Там же. С. 195.
- 23 Булатова А. Г., Булатов А. О. Некоторые религиозные верования и мифологические представления дагестанцев, связанные с календарем.//Проблемы мифологии и верований народов Дагестана. Махачкала, 1988. С. 47.
- 24 Гаджиев Г. А. Верования и обряды. Махачкала, 1993. С. 98.
- 25 Шиллинг Е. М. Кайтаги//Шиллинг Е. М., Папк Л. Б. Сборник очерков по этнографии Дагестана. Рук. ф. ИИЯЛ, Ф. 5. Оп. 1, Д. 37. С. 4.
- 26 Магомедов Р. М. Легенды и факты о Дагестане. Махачкала, 1969. С. 64—65.
- 27 Проблемы мифологии и верований народов Дагестана, Махачкала, 1985. С. 159.
- 28 Магомедов Р. М. Указ. соч. С. 15—16.
- 29 Там же. С. 108—110.
- 30 Османов М. О. Сельскохозяйственный календарь и аграрные культы.//Гаджиева С. Ш., Османов М. О., Пашаева А. Г. Материальная культура даргинцев. Махачкала, 1967. С. 54.
- 31 Гаджиева С. Ш. Традиционный земледельческий календарь и календарные обряды кумыков. Махачкала, 1989. С. 23.
- 32 Гаджиев Г. А. Указ. соч. С. 84.
- 33 Гаджиева С. Ш. Указ. соч. С. 73—74.
- 34 Там же. С. 76.
- 35 Булатов А. О. Пережитки домотекстических верований народов Дагестана в XIX — начале XX в. Махачкала — 1990. С. 32.
- 36 Булатова А. Г. Традиционные праздники и обряды народов горного Дагестана в XIX—начале XX века, Л., 1988. С. 32.
- 37 Там же, С. 34.
- 38 Османов М. О. Указ. соч. С. 59.
- 39 См.: Салихов Б. М. Народный календарь кайтагов. Г. Труженик Кайтага. 1994. №№ 92, 94, 98, 100.
- 40 Османов М. О. Указ. соч. С. 59.
- 41 Там же.
- 42 Булатова А. Г. Указ. соч. С. 55.
- 43 Шиллинг Е. М. Указ. соч. С. 3—4.
- 44 Там же. С. 4—5.
- 45 Булатова А. Г. Указ. соч. С. 106.
- 46 Шиллинг Е. М. Указ. соч. С. 3—4.
- 47 Булатова А. Г. Указ. соч. С. 94.
- 48 Шиллинг Е. М. Указ. соч. С. 4.
- 49 Шиллинг Е. М. Там же.
- 50 Булатова А. Г. Указ. соч. С. 119.
- 51 Там же.
- 52 Стратанович Г. Г. Народные верования населения Индокитая. М., 1978. С. 68—69.
- 53 Борозна Н. Г. Некоторые материалы об амулетах-украшениях населения Средней Азии//Домусульманские верования и обряды в Средней Азии. М., 1975. С. 282.
- 54 Обзор о состоянии Дагестанской области за 1896 год. Т.-Х.-Шура, 1897. С. 13.
- 55 ЦГА ДАССР. Ф. 21. Оп. 1. Д. 18. Л. 156.
- 56 Обзор Дагестанской области за 1913 г. Т.-Х.-Шура, 1915. С. 44—45.
- 57 Гаджиева С. Ш. Кумыки. М., 1961. С. 321—330; Гаджиев Г. А. Доисламские верования и обряды народов Нагорного Дагестана М., 1991 г. С. 18—37; Алимова Б. М. Табасаранцы. XIX—начало XX в. Историко-этнографическое исследование. Махачкала, 1992. С. 224—228; Алимова Б. М., Магомедов Д. М. Ботлихцы XIX—начале XX в. Историко-этнографическое исследование. Махачкала, 1993. С. 173—185.
- 58 Алексеев Н. А. Ранние формы религии тюрко-язычных народов Сибири. Новосибирск, 1980. С. 105.
- 59 Гаджиев Г. А. Указ. соч. С. 40.
- 60 Гаджиев Г. А. Верования и обряды. С. 51.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Итак, мы завершили исследование. В процессе работы над монографией, на основе изучения и анализа разнообразных архивных источников, литературы, богатого полевого материала мы имели возможность проследить общее и особенное в историческом, политическом и особенно материально культурном и духовном развитии Кайтага в XIX — начале XX вв.

Мы показали, что кайтаги являются одной из коренных народностей Дагестана. С древности они были привязаны к определенной территории с весьма благоприятными природно-климатическими условиями для жизнеобитания и хозяйственной деятельности. Выгодное стратегическое положение Кайтага (выход к морю, торговым путям через Дербент и т. д.) позволяло жителям феодалного владения развивать отношения не только с соседними народами, но и с остальным миром. Особенно это относится к Нижнему Кайтагу, соседствующему с Дербентом.

Вместе с тем, мы обратили внимание на этническую (Верхний Кайтаг был населен непосредственно кайтагами, а Нижний — кайтагами, кумыками, терекеменцами, собственно даргинцами, горскими евреями) и социальную (Верхний Кайтаг населяли уздени, пользовавшиеся внутренним самоуправлением, плоскостную, населенную, кроме узденей, раятами) неоднородность Кайтага. Неодинаковым был и уровень развития социальных отношений в Верхнем и Нижнем Кайтаге. Хотя и не правомерно утверждать, что Верхний узденский Кайтаг и Нижний Кайтаг представляли собой единое экономическое целое, но однако тем не менее они являлись составной частью одного феодалного владения Кайтагского уцмийства, образовывали общую политическую систему под главенством одного правителя — уцмий. В этом, по мнению Р. М. Магомедова, заключалась одна из важнейших особенностей политического строя Кайтага.¹

Другая особенность в государственном устройстве Кайтага сос-

стояла в том, что кайтагские узденские магалы продолжали пользоваться широкой автономией по отношению к уцмийству. Права уцмийства здесь ограничивались выполнением тех или иных функций, общих для всех узденей, и получением за это причитающейся ему дани.

Особенностью в государственном устройстве Уцмийства являлась и то, что оно представляло собой достояние только одной династии.

Что касается классовой структуры феодального Кайтага, то здесь она гораздо сложнее, чем в других частях Дагестана. Например, класс феодалов в Кайтаге состоял из пяти ступеней (уцмий, беки, джанка-беки, джанки, шихи (сеиды)). «К следующим ступеням относились главы общин и магалов, т. е. общинная демократия».

Положение уцмий отличалось от положения других правителей Дагестана еще тем, что уцмий, будучи для раятского Кайтага феодалным монархом, для узденского Кайтага был всего-навсего предводителем в военное время. К тому же и он и его беки, как было сказано выше, были значительно ограничены в правах.²

В семейных обрядах и обычаях, в чертах общественного быта, народных представлениях и домусульманских верованиях, в фольклорных сюжетах, в хозяйственной деятельности кайтагов также явно прослеживаются специфические черты. Эти черты культурно-бытовых различий отмечаются даже внутри отдельных групп кайтагов. Наблюдаются локальные различия и внутри кайтагской диалектной группы. Эти различия имеют четкое территориальное распределение.

В то же время, длительные этнокультурные связи с собственно даргинцами, кумыками, табасаранцами, особенно в зоне непосредственных контактов, проявляются во всех сторонах жизни кайтагов (в разных местах в различной степени). В Нижнем Кайтаге тесное экономическое и культурное взаимодействие кайтагов и окружающих их южных кумыков приводило к постепенному внедрению в самобытный этнографический уклад кайтагов различных элементов культуры южных кумыков. Чувствовалось значительное кумыкское влияние и в фольклорном оформлении свадеб, других праздников и обрядов. Но это внедрение осуществлялось в значительной степени не путем простой замены одних элементов культуры другими, а зачастую путем постепенного приспособления собственных культурных явлений к новым заимствованиям, и в дальнейшем это культурное взаимодействие протекало в общем русле этнических процессов. В свою очередь и кумыки перенимали у кайтагов, в частности нижних, некоторые элементы из опыта хозяйственной деятельности, материальной и духовной культуры.

Заслуживает упоминания и то обстоятельство, что кайтагские

кумыки, за исключением лишь немногих, хорошо знали кайтагский язык. А сами кайтаги в наше время настолько овладели кумыкским языком, что он давно для некоторых стал языком межнационального общения.

Что касается Верхнего Кайтага, то медленно проникавшие сюда капиталистические отношения слабо затрагивали традиционный уклад местного населения.

Современный Кайтаг также отличается смешанным составом населения. Селение Маджаллис является центром общественной и культурной жизни Кайтагского района. Кайтаги живут во всех городах Дагестана и за ее пределами.

В послеоктябрьский период резко вырос культурный уровень кайтагов. О внушительных достижениях в области образования и культуры свидетельствуют создание и развитие широкой сети школ, домов культуры, библиотек, кинотеатров, музеев (районный и школьные) и других культурно-просветительских учреждений. Резко повысился образовательный уровень населения.

За пределами дагестана известны имена ученых Г. Ш. Каймаразова—доктора исторических наук, профессора, заслуженного деятеля науки Дагестана и России, М. М. Шихшабекова—доктора сельскохозяйственных наук, профессора. Более двадцати кайтагов имеют ученые степени кандидатов наук (трое из них женщины). Многие кайтагские учителя за большие заслуги в области народного образования награждены орденами и медалями СССР. Около двадцати учителям района присвоено почетное звание Заслуженного учителя школы РД, а двум (Адамов М., Махмудов М.) — Звание Заслуженный учитель школы РФ.

В Кайтаге с большим уважением произносят имена известных работников образования А. Качмасова, Ш. Рашидова, М. Адамова, М. Гасанова, А. Загирова, Дж. Каймаразова, Г. Зулпукарова, М. Акаева, А. Азизова, А. Манатова, Г. Шейдабекова, И. Шерипова, Я. Гарумова, одной из первых учительниц-кайтачек М. Хасбулатовой, замечательных русских педагогов, много сделавших для развития образования в Кайтаге — Н. Сериковой, А. Шадриной, М. Катушиной, Н. Яковенко (Меджидовой), А. Алисултановой, В. Воробьевой, Т. Каймаразовой, М. Лазорина, Т. Скрипкиной, Д. Зулпукаровой, Ф. Герейхановой, А. Иманзагировой и др.

За заслуги в области культуры Президиум Верховного Совета Дагестанской АССР присвоил почетное звание заслуженного работника культуры Дагестанской АССР Арабову А. А., Магомедовой Г. Х., Гаджикадиеву Г.

Не только в Кайтаге, но и за его пределами известны имена заслуженного врача РСФСР Расудова М.-Р. и заслуженных врачей ДАССР Алиевой Г. М. (первая женщина в районе акушер-гинеко-

лог) и Загирова А. И., врачей С. Гаджиева, Б. Джамалутдинова, А. Исмаилова, А. Ахмедова и др.

Значительна роль кайтагов в сельскохозяйственном производстве. Неоднократно за повышение эффективности производства, успешное выполнение государственных планов район заносился в книгу трудовой Славы Дагестанской АССР, а за достигнутые успехи в социалистическом соревновании в честь 60-летия ДАССР Кайтагский район был признан победителем. Передовики производства были награждены высокими правительственными наградами — Орденами Трудового Красного Знамени (2 чел.), Орденом «Дружбы народов» (1 чел.), Орденом «Знак почета» (1 чел.), «Орденом «Трудовая Слава 3 степени» (1 чел.) и др. Среди них учителя, врачи, доярки, механизаторы.

Тысячи кайтагов сражались на фронтах Великой Отечественной войны. Многие из них за мужество и героизм награждены орденами и медалями. Мужественный кайтагец, уроженец сел. Баршамай Алисултанов Султан Кадырбекович за проявленный героизм при проведении операции на западном берегу р. Одер удостоен высшей военной награды — звания Героя Советского Союза. Кайтаги хранят память об их замечательном земляке, активном участнике Великой Отечественной войны М.-Р. Тавкаеве и многих других. Четверем кайтагам Камбулатову Г. К., Чупапову Г. И., Насруллаеву Г. и Такаеву И. (из Маджаллиса) присвоено звание — Герой социалистического труда.

Большой вклад в развитие экономики и культуры Кайтага внесли видные советские, партийные и хозяйственные работники М.-Р. Тавкаев, Э. Темирханов, Г. Исаев, С. Алисултанов, С.-М. Зубаилов, Б. Ахмедов, Г. Беделов, М. Гарумов, М. Алиев, У. Азизов, М. Исакаев, М. Герейханов, М. Гусейханов, С. Адамов, С. Абдулкадыров, С. Абдуллаев и др.

Хорошо знают в районе имена знатного садовода М. Алхилова, руководителей колхозов А. Ахмедова и Р. Магомедова, активисток женского движения Р. Ахмедовой, П. Диммаевой, С. Гереевой, П. Гасановой и др.

В Кайтаге и за его пределами знакомы с произведениями писателей А. Муртузалиева, М. Амиралиева, К. Ибашеза, К. Маграбова, с полотнами художника-живописца Г. Камбулатова.

Кайтаги, как и другие народы Дагестана, России испытывают сегодня трудности, связанные с кризисом в экономической, политической и культурной сферах, и с надеждой смотрят на будущее, полагаясь на собственные творческие силы и способности, веря в неисчерпаемые созидательские возможности народов многонациональной республики, Российской Федерации.

Порукой тому, что страна возродится и пойдет по пути прогресса, служит как многовековой исторический опыт наших далеких

предков, так и не подлежащий забвению опыт дедов и отцов нынешнего поколения.

¹ Магомедов Р. М. Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII—начале XIX в. Махачкала 1957. С. 241.

² Там же. С. 241, 255.

Таблица № 1

ВЕДОМОСТЬ

о статьях, с которых уцмий Адильхан пользовался доходами*.

Название статей	Ежегодный доход по каждой статье отдельно
Таможенная дамга в Дербенте	На откуп за 1000 руб. серебром
В Терекемее нефтяные черные колодцы	На откуп от 500 до 700 руб. серебром.
С марены в деревнях: Башлах, Янгикенте, Маджалисе, Улу-Терекемее, Джумикенте, Берикее, Салике, Великенте, Хан-Мамед-кале, Карадагах, Тагларе, Падаре и др.	Брал с каждого пуда с покупателей по 10 коп. серебром.
За отдачу на откуп марены в деревнях Янгикенте, Хан-Мамед-кале, Салике, Тагларе, Карадагах, Падаре, Великенте, в коих жители не должны продавать на сторону, кроме взявших оные на откуп.	Получал от 20 до 50 руб. серебром за каждую деревню
С шести деревень, в Терекемее состоящих, от каждой пары хлебопахотных буйволов или быков	Брал виленцы по 20 сабов и по пяти сабов ячменя.
Шелку-Сырца с каждого жителя, делающего оный и с сборщика такового.	Взыскивалось с первых по два метка, а с последних по одному
С садов тутового дерева	По одной сабе шелковичного семени
С тринадцати ятаг пастбищных	Брал баранов и барашков от 700 до 1000
С каждого настуха, живущего в ятагах при баранах	По одному каравану сыра.
С живущих в деревне Янгикент жидов, сеющих табак.	От девяти батманов десятый
С каждого вьюка, привезенного через Кубачи шелка.	По одному зевонцу.

* См.: Хашаев Х. М. Общественный строй Дагестана в XIX в. М. 1961. С. 176.

Таблица № 2

Земельные угодья, находящиеся в пользовании жителей узденских магалов Кайтага*

Название магалов	Всех селений	Общее число дворов в магалле	Колич. пахотн. земли в сабах и дес.	Колич. покосной земли в сабах и дес.	Колич. пастбищной земли в сабах и дес.	Колич. находящ. под лесом в сабах и дес.	Сколько приходится на каждый двор.		Сколько приходится на двор всей земли в дес.	
							Пахотн. в дес.	Пастбищн. в дес.		
1. Кара-Кайтаг	11	616	15800 саб. 1316,6 дес.	3838 саб. 320 дес.	28200 2350 д.	40600 3384 дес.	2,1	0,5	3,8	6,4
2. Каттаган	5	109	1002 83,5	323 27	1229 102,4	1760 146,6	0,8	0,25	0,9	1,95
3. Шуркант	10	214	2754 229,5	892 74,3	1559 130	1760 146,6	1,07	0,35	0,6	2,02
4. Ирмакуль	22	428	8499 708,3	4978 415	7661 638,4	12149 1012,4	1,65	около 1	1,5	4,15
5. Уцари	4	117	490 40,8	590 49	809 66,6	250 250,8	0,35	0,4	0,6	1,35

* Феодальные отношения в Дагестане в XIX—нач. XX в. Архивные материалы. Составление, предисловие и примечания Х.-М. Хашаева. М., 1969. С. 226.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АКАК	— Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссиею. Тифлис.
ВУА	— Военно-ученый архив
ДЭС	— Дагестанский этнографический сборник. Махачкала.
ИГЭД	— История, география и этнография Дагестана XVIII—XIX вв. Архивные материалы. Под ред. М. О. Косвена и Х.-М. Хашаева. М., 1958.
ИИАЭ	— Институт истории, археологии, этнографии.
КОИРГО	— Кавказское отделение императорского Русского географического общества. Тифлис.
КСИЭ	— Краткие сообщения Института этнографии. М.-Л.
КЭС	— Кавказский этнографический сборник. М.-Тб.
МАД	— Материалы по археологии Дагестана. Махачкала.
РФ ИИЯЛ	— Рукописный фонд Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР. Махачкала.
СМОМПК	— Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис.
ССКГ	— Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис.
СССК	— Сборник статистических сведений о Кавказе. Тифлис.
СЭ	— Советская этнография. М.
УЗ ИИЯЛ	— Ученые записки Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР. Махачкала.
ФАН СССР	— Филиал Академии наук СССР.
ЦГА РД	— Центральный государственный архив Республики Дагестан.
ЦГВИА	— Центральный государственный Военно-исторический архив М.
ЭО	— Этнографическое обозрение.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава I. Краткий очерк истории Кайтага	14
Земельно-правовые отношения	39
Подати и повинности	46
Органы власти и управления	50
Сельская община и тухум	57
Глава II. Хозяйственная деятельность	75
Земледелне	76
Огородно-бахчевые культуры	83
Садоводство и виноградарство	85
Скотоводство	87
Домашние промыслы и ремесла	91
Отходничество	93
Транспорт и торговля	94
Единицы измерения	96
Глава III. Материальная культура	99
Поселения	99
Жилище	105
Хозяйственные постройки	114
Одежда	114
Мужская одежда	115
Женская одежда	121
Прически и косметика	128
Традиционная пища	128
Глава IV. Семья и семейный быт	140
Формы семьи и внутрисемейные отношения	140
Обряды и обычаи, сопровождающие рождение ребенка	150
Брак и свадебные обряды	160
Похоронно-поминальные обычаи и обряды	171
	180
Глава V. Духовная культура	180
Народное образование	180
Фольклор	183
Календарь и календарные обряды, праздники	190
Народная медицина и лечебная магия	201
Религиозные верования	207
Вместо заключения	220
Приложение	225
Список сокращений	227

Барият Магомедовна Алимова

КАЙТАГИ XIX — НАЧАЛО XX вв.
историко-этнографическое исследование

Редактор **М. Расулова**
Корректор **М. Расулова**
Техн. редактор **Н. Савицкая**
Художник **С. Магомедова**

ЛР 064859 от 27.11.1996 г.

Сдано в набор 1.09.97 г. Подписано в печать 22.02.98 г.
Формат 60x84^{1/16}. Бумага офсетная № 1. Гарнитура
«Литературная». Печать высокая. Усл. п. л. 14,41. Уч.-
изд. л. 14,4. Тираж 1000. Заказ 585. Цена договорная.

Акционерное общество закрытого типа
«Издательско-полиграфическое объединение»
«Ю П И Т Е Р»
367025, Махачкала, ул. Пушкина, 6.

Типография № 7
Комитета Правительства Республики Дагестан по печати
367025, Махачкала, ул. Пушкина, 6.

